

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 3

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 21 / 2022

Серия основана в 1998 году

Редакционная коллегия:

А. Л. Подгайский (*ответственный редактор*),
Н. П. Баранов, А. М. Захаров, А. Н. Кушнеревич,
С. Е. Новиков, В. Н. Усоский

СОДЕРЖАНИЕ

Политология

<i>Бобрович В. И.</i> Профессионализм как ценность и его роль в системе обучения демократии и гражданского образования.....	5
<i>Захаров А. М., Наумова В. В.</i> Многовекторность как фактор защиты национальных интересов Республики Беларусь в условиях современных международных вызовов	12
<i>Ковалева И. В.</i> Научная дипломатия как инструмент внешнеполитических целей государства: теоретические аспекты	17
<i>Усоский В. Н.</i> Существует ли «демократический рынок» в бизнес-цикле?	23

История

<i>Вуглік І. Р.</i> Суадносіны цывілізацыйнага і этнічнага ў гісторыі беларускай культуры	34
<i>Грабянчук І. В.</i> Акадэмічная навука ў БССР у 1930-х гг. (на прыкладзе Фізіка-тэхнічнага інстытута БАН)	40
<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Роля германскага фактару ў развіцці эканомікі і прамысловасці Беларусі XIX – пачатку XX ст.	46
<i>Новікаў С. Я.</i> Нямецкія трафейныя дакументы аб нацысцкім генацыдзе тэрыторыі Беларусі ў 1942 г. (на матэрыялах калекцыі НАРБ “Александрыйскія мікрафільмы”).....	50
<i>Цымбал А. Г.</i> “Новы аграрны парадак” у акупаванай Беларусі (1941–1944) пагодле германскіх трафейных дакументаў НАРБ.....	58

Философия и социология

<i>Баранов Н. П.</i> Гуманитарный аспект решения проблемы азербайджано-армянского вооруженного конфликта в Карабахе	65
<i>Майборода Д. В.</i> Диалогическая ценностная система и культурная динамика начала XXI века.....	73
<i>Мигас Б. Я.</i> Концепция и практика коэволюционного развития ноосферы (краткий обзор).....	81
<i>Салтанович И. П.</i> Культура как исторический триггер карабахского конфликта	89
<i>Севостьянова Н. Г.</i> «Чтобы свеча не погасла»	98
<i>Усоский В. Н.</i> Опровержение Й. Шумпетером методологии сциентизма в его теории инноваций и рыночного бизнес-цикла	107

Экономика

<i>Афанасенко А. В.</i> Тенденции развития франчайзинга в Республике Беларусь.....	118
<i>Иванова Е. Н.</i> Методологические основы системы статистического обеспечения инновационной деятельности.....	125
<i>Подгайский А. Л.</i> Методологические аспекты трансформации экономических субъектов в условиях глобальной инновационной гиперконкуренции	131
<i>Русак А. Н.</i> Образовательный потенциал социальных медиа в условиях цифровизации информационно-коммуникационного пространства.....	136
<i>Усоский В. Н.</i> Открытая система динамической неравновесной модели рынка versus закрытой системы статичной равновесной модели рынка	142

Научная жизнь

<i>Новікаў С. Я.</i> XX Міжнародная навуковая канферэнцыя “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць” у МДЛУ	155
<i>Усоский В. Н.</i> Клиентская база онлайн-банков рыночной экономики	158

Обзоры и рецензии

<i>Новікаў С. Я.</i> Гісторыя баёў у Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. у сучасным нямецкім навуковым наратыве	170
--	-----

Культурология

<i>Гутько О. Л.</i> Семиотическое пространство творчества Владимира Короткевича	182
--	-----

Наше наследие

<i>Новікаў С. Я.</i> «Залаты век» МДЛУ	190
--	-----

В. И. Бобрович

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется значение такого человеческого качества, как высокий профессионализм, а также его значение для формирования и функционирования демократической политической и экономической культуры. Готовность граждан к высококвалифицированной деятельности, желание самореализоваться в творческой профессии, проявлять деловую активность и самоотдачу, равно как и уважительное отношение к профессиональным заслугам других людей, рассматриваются как важнейшие слагаемые культуры демократии. Воспитание этих качеств у граждан постсоветских государств позволяет им успешно адаптироваться в условиях экономических реформ и демократизации политической системы. Подробно исследуется роль профессионализма в развитии материально обеспеченного, экономически независимого и политически образованного среднего класса, составляющего социально-экономический фундамент гражданского общества.

Профессионализм – это особое качество человека, которое заключается в компетентном и эффективном выполнении сложной специализированной деятельности в соответствии с принятыми в обществе стандартами и другими объективными требованиями. В понятии *профессионализм* выражаются не только степень овладения человеком структурой сложной деятельности и систематическое достижение эффективных результатов, но и его особая, профессиональная мотивация, профессиональные устремления, ценностные ориентации. Ничто так не способствует повышению личной самооценки, как чувство гордости за свою работу и общественное признание профессиональных заслуг.

Профессия меняет политические, экономические и даже мировоззренческие установки человека. Как отмечал П. Сорокин, профессия «механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом – всю его природу. Это значит, что индивиды, имеющие сходные профессии, при всех их различиях, будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии. И, наоборот, сходные во многих отношениях индивиды неизбежно будут расходиться во многом, если их профессии различны» [1].

Выбор профессии является важнейшим фактором самоопределения личности. Он связан с ответом на главные, смысложизненные вопросы о том, для чего человек живет, каково его место в мире, какой след он сможет оставить после себя. Профессиональное самоопределение предоставляет человеку широкие возможности для ориентации на собственные предпочтения. В индустриально развитых демократических странах, благодаря

широкому общественному доступу к среднему и высшему образованию и высокой социальной мобильности, каждый может максимально реализовать свои способности и таланты, найти свое достойное место в общественном разделении труда. Не удивительно, что в современном обществе высокий профессионализм становится неотъемлемым качеством личности, которое лучше всего раскрывается в условиях демократии. Он провоцирует здоровое самолюбие, амбиции, стремление к карьерному росту, заставляет заботиться о повышении своей профессиональной компетентности и культурного уровня в целом.

Современные демократические государства гарантируют гражданам свободу выбора профессии, рода занятий и места работы в соответствии с их призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой. Законодательно закрепляется недопустимость запретов на профессии. Независимо от рода деятельности человеку гарантируется свобода творчества, обеспечивающая широкие возможности для самовыражения и самореализации. В большинстве демократических конституций специально оговаривается свобода художественного, научного и технического творчества. В них же закрепляется и законодательная защита интеллектуальной собственности.

Свобода преподавания находит свое выражение в группе специфических прав и свобод, которые во всем мире получили названия *академических свобод*. Они предполагают право преподавателя излагать учебный предмет по своему усмотрению, свободно выбирать темы для научных исследований, а также свободу студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям. На администрацию налагается ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения.

Рыночно-демократические практики воспитывают в человеке заинтересованность в результатах своего труда и ответственность за проделанную работу. Одним из средств контроля качества, помимо рынка и конкуренции, служит профессиональная этика. Она заставляет человека испытывать неловкость за профессиональные просчеты и ошибки, не позволяет ему делать свое дело спустя рукава. Обучение демократии нацелено на осознание человеком своего призвания, серьезное отношение к выбору профессии, чувство гордости за любимое дело. Одновременно с этим воспитывается уважение к чужому труду. Человеку с детства прививают понимание того, что всякий профессиональный труд благодарен и должен быть оплачен по заслугам.

Профессионалы, т.е. люди, обладающие специализированными знаниями и навыками, образуют в современном обществе ядро так называемого *среднего класса*. Он представляет собой уникальное явление в мировой истории, которое возникает лишь ко второй половине XIX века. Средний класс является важнейшим фактором социально-политической стабилизации

общества и как никто другой заинтересован в сохранении демократии, дающей ему возможность реализовать свои амбиции и таланты. Известный британский философ истории А. Тойнби подчеркивал, что современная цивилизация – это, прежде всего, цивилизация среднего класса. Общество становится современным лишь после того, как ему удастся создать многочисленный и компетентный средний класс. Фундаментальный характер данного положения подтверждается не только историей западноевропейских государств, США и Японии, но также развитием новых индустриальных стран (Бразилия, Мексика, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг и др.): все они модернизировались и интегрировались в мировую рыночную экономику лишь после того, как в них образовался экономически и политически активный средний класс. Там же, где по разным причинам эта сила не смогла оформиться, сохраняется нестабильность и архаичность общественного порядка, а процесс модернизации затруднен и нередко сопровождается провалами и откатами.

Кроме того, средний класс разводит в стороны два противоположных класса – богатых и бедных – не давая им столкнуться. Чем многочисленнее средний класс, тем меньше вероятность общественных потрясений (бунтов, переворотов, восстаний, революций, гражданских войн и т.п.). Поэтому высокообразованный и профессионально компетентный, уверенный в себе и своем будущем средний класс составляет социальную опору демократии и гражданского общества. В развитых странах Европы, Северной Америки, Японии численность среднего класса достигает 70–80 % населения.

Человечество прошло долгий путь, прежде чем право на свободный выбор профессии стало реальностью, а профессионализм приобрел значение одной из важнейших общественных ценностей. В традиционном обществе профессиональное самоопределение было обусловлено объективными, не зависящими от человека обстоятельствами. Он был прикован к определенному сословию и профессии по факту своего рождения. Так, например, в Древней Индии существовала жесткая система каст, делающая смену своего социального статуса практически невозможной. Родившийся горшечником, кузнецом, плотником должен был продолжать семейную традицию. В «идеальном государстве» Платона тоже существовало жесткое разделение труда, закрепляющее за каждым социальным классом определенную общественную функцию и обусловленный ею вид деятельности. Умные и знающие (философы) должны были заниматься государственным управлением. Смелые и сильные (воины) – защищать от внешней опасности. Уделом остальных было кормить и обслуживать правящую элиту [2, с. 188–212]. Однако при внешней разумности и справедливости этого установления («каждый делает свое дело») подобный подход не оставлял человеку права выбора. Человек превращался в винтик огромного механизма под названием государство [3, с. 146]. Не было права выбора по большому счету и в Средние века, где, как правило, сын ремесленника или крестьянина вынужден был идти по дорожке, проторенной родителями.

В традиционном обществе основная масса выполняемых работ носила рутинный характер и была посвящена добыче средств к существованию. Социальная стратификация отличалась кумулятивным (концентрированным) неравенством. Дефицитные ресурсы (власть, богатство, образование, престиж и т.д.) были сконцентрированы в руках правящей элиты (дворянство, клир), тогда как остальное общество не имело к ним практически никакого доступа. Пирамидальный и закрытый характер социальной структуры почти полностью исключал вертикальную и горизонтальную социальную мобильность. В сознании аристократической верхушки общества все виды деятельности делились на «благородные» (политика, военное дело, искусство) и «неблагородные» (ремесленничество, земледелие, торговля). Многие творческие профессии не получали достойной общественной оценки, отчего гениальные художники, композиторы, писатели нередко умирали в нищете и забвении.

Положение стало меняться лишь с переходом к современному обществу, индустриальному капитализму и демократии. Экономическая и политическая модернизация в корне изменила общественное отношение к труду, а с ним и представления о престижности профессий. Профессиональное самоопределение человека лишается своей принудительности (предзаданности) и становится предметом осознанного выбора. У человека появляется возможность самому «сделать себя» – изменить судьбу, сделать карьеру и состояние. Всякий труд становится почетным. Главное, чтобы он был нужен обществу и выполнялся профессионально и добросовестно. Капитализм реабилитировал всякую связанную с производством и торговлей деятельность. Критерием ее оценки становится способность удовлетворять материальные и духовные потребности людей.

Социальная структура приобретает открытый характер, что необычайно расширяет возможности для восходящей социальной мобильности у представителей низших слоев. Характерной особенностью социальной стратификации становится так называемая *система дисперсного (рассеянного) неравенства*. При дисперсной структуре ресурсы рассредоточены в обществе так, что субъект, имеющий более низкий показатель в отношении одного ресурса (например, доступ к власти), может обладать более высоким статусом в отношении других ресурсов (например, образование и профессия). Тем самым недостаток одних ресурсов компенсируется наличием других. Такая сбалансированность статусов означает преодоление жесткой социальной иерархии, свойственной неразвитым обществам, и снимает угрозу классового противостояния.

В Западной Европе большое значение в формировании современного общества сыграла протестантская трудовая этика. Она напрямую связала профессию с богоизбранностью. Предназначение человека на земле заключается в том, чтобы с честью выполнять свой профессиональный долг. Не случайно слово *профессия* с немецкого языка (*beruf*) переводится как ‘призвание’ (*be-rufen* – ‘призывать’). Общественная мораль предписывает

человеку добросовестное выполнение своих обязанностей. Не знать или не уметь делать свое дело, равно как и делать его недобросовестно, считается просто неприличным.

Одной из важнейших предпосылок современной демократии стал переход к системе рационального управления, которую М. Вебер назвал *функциональной бюрократией*. Она характеризуется властью неизменных, стабильных формальных правил (законов, постановлений, инструкций), действующих независимо от социально-экономической или политической конъюнктуры, четко определяющих обязанности каждого чиновника и ограничивающих его полномочия. Этот тип управления в той или иной степени характерен как для современных экономических предприятий, так и для государства и других формальных структур, которые впитали в себя лучшие черты деловой активности (расчет, плановность, соблюдение правил, недвусмысленность, ответственность, снижение затрат, точность, скорость, строгая субординация). Так, например, государственная бюрократия призвана обеспечивать эффективное функционирование всей общественной системы: сбор налогов и других поступлений в бюджет, распределение ресурсов, регулирование экономики, работу правоохранительных, медицинских, образовательных и иных государственных учреждений [4, с. 660–666].

Система рационального управления требует от чиновников высокого уровня профессионализма, компетентности, хорошего знания специфики той отрасли, в которой они работают. Поэтому подбор и назначение профессионалов-управленцев основывается на принципах публичного конкурсного отбора, продвижении наверх лучших и избавлении от аутсайдеров. В демократических обществах наиболее распространена *антрепренерская система рекрутирования (отбора) элит*, которую отличает открытость, широкий доступ для талантливых молодых специалистов к занятию лидирующих позиций независимо от их социального происхождения, небольшое число формальных требований, высокая конкурентность отбора. Однако что касается экономики и публичного администрирования, то в этих сферах используются некоторые элементы *гильдейской системы рекрутирования*: медленный, постепенный путь наверх по многочисленным ступенькам служебной иерархии, назначение «сверху», высокая степень формализации процесса отбора. Среди всевозможных институциональных фильтров на пути к занятию высокой должности особое значение имеют уровень образования, профессиональной компетентности, возраст, стаж работы.

Совершенно иную модель управления и рекрутирования кадров являет собой *автократическая система*, примером которой служат бюрократии в странах государственного социализма. Для всех автократий характерна неопределенность формальных правил, которые принимаются узким кругом властвующих лиц, а то и одним человеком исключительно по собственному усмотрению. Это обуславливает очень сильную зависимость законов и других процедур от узкогрупповых интересов правящего класса и индивидуаль-

ных качеств его представителей. Поэтому автократическая система управления отличается невысоким уровнем институционализации действующих правил, их нестабильностью, частой сменяемостью, подменой формальных процедур неформальными личными связями и отношениями, что открывает широкие возможности для иррационального управления, принятия неэффективных, ошибочных решений, чиновничьего своеволия и произвола, тотальной коррупции и nepотизма.

В автократической системе рекрутирования элит преобладают худшие черты системы гильдий: закрытость в принятии решений, отбор претендентов на более высокие должностные посты из состава самого правящего класса и отсутствие механизмов открытой конкуренции. Все кадровые решения покрыты завесой тайны, непубличны и непрозрачны. Подбор кандидатов на должность идет «по личным каналам» и держится в секрете: никакой гласности, открытых конкурсов и выборов. Через знакомых обзваниваются «знакомые знакомых». При подборе кадров решающую роль играет не профессионализм, компетентность, деловые качества, а личная и политическая преданность вышестоящему руководству. Секретность кадровых решений обусловлена стремлением правящей элиты сохранить статус-кво, корпоративной солидарностью правящей элиты, клановым характером ее организации. Она в значительной мере построена на личных связях, где главным критерием является принадлежность к «своим» или «чужим». Даже проштрафившихся чиновников из числа «своих» обычно не изгоняют, а лишь перемещают по властной горизонтали или вертикали из кресла в кресло.

В иерархии ценностей современного демократического общества профессионализм, в отличие от автократических государств, занимает традиционно высокое место. *Профессионалами (professional people)* называют тех, кто, как правило, имеет университетское образование и большой практический опыт, отличается высоким мастерством в своей области и занят творческим трудом. Это, в первую очередь, разного рода дипломированные специалисты, администраторы, менеджеры, составляющие верхний и частично средний слои среднего класса. Многие профессионалы относятся к категории «самонанятых», т.е. людей, имеющих свое «дело», свою практику. Среди них врачи, юристы, ученые, эксперты, преподаватели и др. В индустриально развитых странах professional people имеют высокий доход и пользуются заслуженным авторитетом. Эти люди отдали значительную часть своей жизни освоению сложных профессий. Их работа требует глубоких знаний и навыков, наличие которых подтверждается соответствующими степенями и званиями. Уважение окружающих подчеркивается специальным, формализованным обращением.

Общественное признание профессионалов объясняется не только потраченными на приобретение профессий усилиями, но и их высокой компетентностью. Подготовка специалистов имеет глубокие традиции и, как правило, отличается высоким качеством. На уровень профессионализма

также влияет высокая конкуренция на рынке труда. Современный человек, в свою очередь, высоко ценит мнение специалистов. Он доверяет своему врачу и адвокату, прислушивается к советам учителя или эксперта.

На отношении современного человека к профессиям сказываются тенденции общественного развития. В современном мире растет привлекательность творческого, интеллектуального, высокотехнологичного труда. Все большее значение приобретают виды деятельности, связанные с ростом сервисного сектора, с производством и распространением информации. В шкале престижности профессий верхние места отдаются ученым, преподавателям, юристам, врачам, программистам. И наоборот, представители чиновничьей элиты занимают в рейтинге профессий далеко не лидирующие позиции. Сказывается традиция инструментального отношения к власти. Чиновник, даже самого высокого ранга, воспринимается как гражданский служащий, лишенный какого либо «священного» ореола.

Возрастающее значение роли интеллектуальных профессий повлекло за собой значительное увеличение численности и изменение структуры среднего класса, формирование так называемого «нового среднего класса». В отличие от «старого среднего класса», состоящего преимущественно из мелких и средних предпринимателей, торговцев, фермеров, извлекающих доход из своей материальной собственности, представители «нового среднего класса» получают доход благодаря своему образованию, квалификации, востребованным знаниям и интеллектуальным качествам. И именно эта особенность новых, преимущественно верхних, категорий среднего класса придает им высокую степень стабильности и независимости от государства и высшего класса, чувство уверенности в завтрашнем дне.

Общий рост численности и изменение состава среднего класса, увеличение доли ролей среднего ранга в основных статусных иерархиях привели к кардинальному изменению всей конфигурации социальной структуры современного общества. На смену свойственной неразвитым обществам пирамидальной фигуре пришла ромбовидная форма стратификации, характерная именно для модернизированных обществ. В увеличении численности и расширении состава среднего класса наиболее ярко проявляется тенденция к формированию более однородной в классовом отношении социальной структуры, сближению экономического положения групп, выравниванию различий между традиционными социально-экономическими классами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пак, Г. С. Профессионализм как ценность [Электронный ресурс] / Г. С. Пак, Н. Ю. Бармин // Вест. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Соц. науки. – 2013. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-kak-tsennost/viewer>. – Дата доступа : 20.03.2022.
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Платон // пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.

3. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги // К. Поппер; пер. с англ. – М.: Феникс, «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
4. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова – М.: Прогресс. – 808 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022

А. М. Захаров, В. В. Наумова

МНГОВЕКТОРННОСТЬ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫЗОВОВ

В статье рассмотрено значение использования принципа многовекторности при осуществлении внешнеполитической деятельности для защиты и укрепления Республикой Беларусь своей международной субъектности, национального суверенитета в контексте стремительного нарастания рисков и угроз в характере мирового развития, беспрецедентной эскалации международных конфликтов. Сделана попытка выявления цивилизационных оснований, обеспечивающих эффективность осуществления внешней политики Республики Беларусь на условиях многомерности и разноуровневости. Обосновано, что применение принципа многовекторности представляет собой оптимальный вариант использования Беларусью как государством с ограниченными геополитическими возможностями своего влияния в международных отношениях. Определены также возможные направления смыслового обогащения самого понятия многовекторности по отношению к внешней политике Беларуси. Делается вывод о необходимости глубокого обоснования технологий гибкого маневрирования, обеспечивающих продуктивность современной модели многовекторности.

Настоящее время – это сложный и беспокойный период радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. Происходящие стремительные изменения в характере мирового развития, нарастание рисков, вызовов и угроз в различных сферах оказывают негативное влияние на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь. Речь идет, прежде всего, о следующих доминирующих тенденциях.

1. Усиление воздействия геополитических факторов столкновения основных центров силы. Обострение экономической конкуренции сочетается с возрастанием масштабности локальных военных конфликтов и гибридных методов воздействия на различные страны и регионы в целях продвижения своих интересов. При этом, однако, ни одно государство в мире в перспективе не сможет достичь абсолютного мирового доминирования. Наблюдается некоторое ослабление процессов глобализации, единства ЕС, падение доверия к международным организациям. Весьма ощутима тенденция милитаризации мировой политики, что, в свою очередь, способствует дальнейшей эрозии международной системы безопасности.

2. Процессы глобализации содействуют стремительному формированию мирового информационного сообщества. С помощью информационно-ком-

муникационных технологий оказывается всеобъемлющее влияние на общественные настроения, в первую очередь, молодежи. На уровне обеспечения национальной безопасности приобрела исключительное значение кибербезопасность. Быстрое внедрение передовых разработок по совершенствованию средств борьбы отражается на способах и формах применения вооруженных сил – прежде всего за счет их дальнейшей гибридизации. Нарастают сочетание традиционных методов вооруженного противоборства со стратегиями комбинированного воздействия на умы населения и дестабилизацию общественных процессов, эскалация межэтнических конфликтов, проблемы демографического характера, международной миграции, негативные последствия из-за усиления климатических изменений и загрязнения окружающей среды.

Республика Беларусь в качестве небольшого суверенного государства подвержена воздействию практически всех представленных выше вызовов в системе мировой политики. Стремясь избежать или минимизировать связанные с ними риски и дистанцироваться от различных форм эскалации конфликтов, находясь в центре противостояния между Востоком и Западом, наше государство должно выстраивать и постоянно модернизировать основную платформу для защиты собственной международной субъектности, самодостаточности, идентичности, своих национальных интересов. Такая платформа должна базироваться на принципе многовекторности внешнеполитических усилий государства, его интеграционных возможностей. Беларусь должна стремиться присутствовать в разных регионах мира в таком формате, который позволяет эффективно в условиях современных глобальных угроз обеспечивать свой национальный суверенитет. Поэтому не удивительно, что данный тезис выразительно прозвучал в докладе Главы государства на открытии VI Всебелорусского народного собрания: «Мы неизменно готовы выстраивать отношения со всеми странами и союзами на основе принципов равноправия, взаимного уважения и невмешательства в наши внутренние дела. Также как заинтересованы иметь сбалансированные и разнообразные связи с внешним миром, прежде всего, экономические. В этом вся суть нашей концепции многовекторности» [1].

Содержание данной концепции в полной мере вписывается в цивилизационный код, свойственный белорусской нации. *Цивилизационный код* – набор доминирующих в обществе, в том числе в конкретном этносе, генеалогических и социальных знаков, ценностей и символов, устойчивый комплекс формальных и неформальных признаков и правил, норм и установок трансляции и сохранения исторической памяти народа, его поведенческих форматов и знаний, благодаря которым социальный опыт и смысл жизни, взгляды и традиции, умения и навыки, формы общения и социальные уклады передаются от поколения к поколению, являются источником жизненных планов, стратегий и перспектив развития, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для сохранения и развития цивилизационных отношений. У н и к а л ь н о с т ь цивилизационного кода,

свойственного определенному этносу, заключается в детерминировании исторического понимания прошлого, порождении определенного отношения к современной социальной реальности и направлении создания моделей будущего общества. В рамках элемента цивилизационного кода реализуется этническая специфика во всем ее разнообразии, формирование исторически и культурно адаптированных моделей осуществления внутренней и внешней политики. Анализ становления, структуры и динамики цивилизационного кода белорусов подтверждает гипотезу его принципиальной идентичности с моделью народов и государств Центральной Европы. Беларусь всегда характеризовалась «максимумом многообразия при минимуме жизненного пространства», исторической общностью полиэтнического архетипа с соседними европейскими народами; выступала «водоразделом» ветвей христианской культуры – православной, католической и униатской, а также местом приложения усилий цивилизационного миссионерства великих держав, напряженным театром военных действий, мировых войн, пространством дефицита материально-энергетических ресурсов и, вместе с тем, наличия главного производственного ресурса – квалифицированного работника. Однако, даже определив место и роль Беларуси как одного из центральноевропейских субъектов, нельзя не обратить внимание на традиционно уникальный характер отношений Беларуси с Россией и Западом. Эта специфика прослеживается на протяжении всей истории нашего государства, его маятниковых ориентаций между Западом и Востоком.

Идентификация цивилизационного кода белорусского этноса базируется на культурной деятельности по реализации и творческому обновлению белорусского среднеевропейского архетипа и, вместе с тем, на обосновании необходимости органического единения Беларуси и России в одно системное единство, целостность при сохранении государственного суверенитета обеих стран. Цивилизационный код Беларуси – в принципиальном понимании ее как территории взаимопроникновения и противоречивого сочетания различных культурно-цивилизационных практик в контексте коммуникаций Восток–Запад. Потребность белорусского общества в многовекторности находит свое отражение в философии, истории, национальном искусстве. Так, в государственном гимне Беларуси есть такие строчки: «Дружба народау – сіла народау – наш заповітны, сонечны шлях» [2].

По нашему глубокому убеждению, применение принципа многовекторности при осуществлении внешнеполитической деятельности представляет собой оптимальный вариант использования Беларусью как государством с ограниченными геополитическими возможностями своего влияния в международных отношениях, создает наиболее выгодный бонус для роста в перспективе международной значимости Беларуси. Страна имеет все необходимые условия, чтобы повысить способность к стратегическому выбору и маневру, выгодной интеграции с мировыми центрами – даже независимо от своего геополитического веса. Тем не менее несмотря на наличие высокого уровня потенциала политической нейтральности рассматриваемого подхода, многие

государства, выступающие в роли региональных гегемонов, склонны воспринимать многовекторную внешнюю политику небольших и средних государств чисто в геополитическом формате, имеющем негативный контекст. Что касается конкретно Беларуси, то, по сути, проводится целенаправленная, хорошо спланированная и скоординированная информационно-психологическая кампания по извращению смысла политики многовекторности, подмене характеризующих ее понятий и, как следствие, ее дискредитации в различных СМИ.

Политическая ситуация, которая сложилась после августа 2020 года, только усилила востребованность многовекторности внешней политики в целях сохранения Беларусью своей субъектности в весьма напряженной международной обстановке, так как характер трансформации современных международных отношений делает весьма эффективным подобное позиционирование средних государств, представляет собой решающее условие для форматирования конструктивных поскольку расширяет и углубляет поле возможностей для реализации ими своей субъектности.

Необходимо отметить также следующие обстоятельства. Во-первых, многостороннее сотрудничество любого государства (в том числе Беларуси) с различными регионами мира изменений в картине современных межгосударственных взаимодействий, повышении уровня управляемости последних. Во-вторых, в любой стране (Беларусь не является исключением) резкий поворот во внешней политике в нынешних условиях может негативно сказаться на укреплении единства гражданского общества. Реализация же принципа многовекторности скрепляет целостность гражданского общества изнутри за счет выработки компромиссных оценок и предпочтений относительно системы современных геополитических реалий.

В условиях турбулентного характера современных международных реалий назрела очевидная необходимость проведения определенного смыслового обогащения самого понятия многовекторности. В центр внимания должны быть поставлены политические установки, касающиеся диверсификации (балансировки) вариантов, платформ взаимодействия в сферах экономики, культуры, образования, науки, техники и т.д. с различными регионами и основанные на прагматических мировоззренческих ориентациях. Речь идет о разработке гибкого и разнопланового набора технологий осуществления разнообразных диверсификационных моделей подобного взаимодействия, постоянной модернизации последних в быстро меняющейся международной обстановке, что может придать стабильность самому процессу оптимизации защиты национальной безопасности Беларуси.

Модернизация принципа многовекторности основана на тенденции к формированию новой многополярности, придающей процессу регионализации социокультурных коммуникативных связей, в том числе регионализации взаимосвязей технологического характера, дополнительные импульсы, в определенной степени ослабляющие паутину глобализма. Речь идет не об оформлении новых политических блоков или даже новых экономических

интеграционных объединений по отношению к существующим, а о географической концентрации таких межкультурных взаимосвязей, которые не совпадают с границами региональных интеграционных объединений. Тем самым принципиально обогащается платформа плюрализма при осуществлении внешнеполитической деятельности.

Осмысление обновленной трактовки многовекторности как фактора обеспечения баланса в международных отношениях предполагает проведение анализа значительного потенциала, заложенного: а) в пакете интеграционных документов, принятых Россией и Беларусью в конце 2021 г. и направленных на принципиальное углубление содружества в формате Союзного государства; б) в содержании стратегических направлений евразийской экономической интеграции в целом вплоть до 2025 г. и на последующий период. Однако масштаб проведения такого анализа требует выхода за рамки одной статьи и подготовки отдельных публикаций.

Обратим внимание на еще одно принципиальное обстоятельство. В настоящее время становится очевидным, что инновации в формировании и реализации принципа многовекторности как базового внешнеполитического фактора для Республики Беларусь все более определяются успехами в реализации нашим государством стратегии «разумной силы». Ее осуществление представляет собой оптимальный вариант использования Беларусью как государством с ограниченными геополитическими возможностями своего влияния в международных отношениях. Весьма перспективным представляется следующий широкий спектр шагов страны для повышения собственного политического влияния, роста регионального авторитета в контексте использования «разумной силы»:

- оздоровление демографической ситуации;
- укрепление энергетической безопасности белорусского государства;
- структурная, интеллектуальная и технологическая модернизация национального информационного пространства;
- актуализация способностей к осуществлению информационной безопасности Республики Беларусь;
- национально-политическая консолидация как средство сближения ментальной ориентации белорусов, укрепления геополитической устойчивости государства и способности подтягиваться к уровню передовых стран мира;
- повышение влияния белорусского языка как фактора национальной консолидации и преобразования внутреннего мира белорусской нации;
- гармонизация состояния регионального исторического самосознания белорусов, экспликация моделей развития белорусской идентичности в многомерном пространстве современных международных коммуникаций.

Представленные выше соображения позволяют сделать следующий вывод. Осуществление многомерных и разноуровневых отношений как с ключевыми, так и региональными центрами силы, что представляет собой суть современной модели многовекторности внешнеполитических усилий,

требует серьезного научного обоснования технологий гибкого маневрирования, обеспечивающих эффективность реализации и продуктивность данной модели. Представляется необходимым, чтобы подобное обоснование было закреплено при подготовке новой Концепции внешней политики Республики Беларусь, о создании которой было заявлено Главой МИД Беларуси В. В. Макеем в рамках работы VI Всебелорусского народного Собрания [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> . – Дата доступа : 11.02.2021.
2. Гимн Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/gosudarstvo-i-pravo/gosudarstvennaya-simvolika/dzyarzha-ny-gimn-respubliki-belarus/>. – Дата доступа : 15.01.2022.
3. МИД намерен разработать новую Концепцию внешней политики Беларуси [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа : // <https://www.belta.by/politics/view/mid-nameren-razra-botat-novuju-kontseptsiju-vneshnej-politiki-belarusi-428274-2021>. – Дата доступа : 23.02.2021.

Поступила в редакцию 05.05.2022

И. В. Ковалева

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье представлено понимание теории научной дипломатии как взаимодействия общественных сфер дипломатии и науки. Раскрывается содержание понятия *научная дипломатия*, ее особенности и направления, роль в достижении внешнеполитических целей государства. Соотносятся понятия *научная дипломатия*, *публичная дипломатия* и *«мягкая сила»*. Рассматриваются различия между международным научным сотрудничеством и научной дипломатией. Отмечается, что научная дипломатия, являясь формой публичной дипломатии, служит средством продвижения национальных интересов и является перспективным форматом международных контактов.

«Тектонические» сдвиги в международных отношениях XXI в. привели к корректировке инструментов внешней политики. Традиционная межправительственная дипломатия для достижения внешнеполитических целей государства уже недостаточно эффективна. Процессы глобализации способствовали развитию инструментов публичной дипломатии – процессов

взаимодействия между людьми в разных странах, влияющих на внешнюю политику и международные отношения [1, с. 62]. Публичная дипломатия осуществляется в различных формах – культурной, спортивной, народной дипломатии – и представляет собой трансмиссионный канал «мягкой силы».

Научная дипломатия рассматривается исследователями как вид публичной дипломатии, а иногда даже и как равновеликая ей категория, поскольку не только имеет важное значение в решении многих насущных проблем планеты, но и является эффективным каналом передачи основополагающих человеческих ценностей. Научная дипломатия должна содействовать продвижению национальных потребностей государства и трансграничных интересов, решению глобальных проблем и вызовов, налаживанию двусторонних и многосторонних отношений.

Тенденции общественного развития обусловили интернационализацию не только экономик, но и науки как сферы деятельности. В современном обществе наука уже не может существовать в узких национальных границах – требуется создание тесно взаимодействующих коллективов ученых в разных странах для решения той или иной исследовательской задачи и оснащение их высокотехнологичным оборудованием. Тем не менее само по себе научное сотрудничество не является автоматически научной дипломатией, эти понятия следует разграничивать: «Научная дипломатия выходит за рамки международного научного сотрудничества, поскольку она затрагивает интересы, которые не ограничиваются научными, и могут прямо или косвенно служить достижению дипломатических целей» [2]. Научная дипломатия направлена на реализацию национальных интересов отдельной страны, а международное научное сотрудничество может не затрагивать непосредственных интересов государств. Целью научного сотрудничества является достижение научной задачи и практическая/коммерческая выгода каждой из сторон – и не требуется участия государства. В то же время, как отмечают В. Киселев и Е. Нечаева, «любой участник международного проекта, особенно известный ученый, всегда остается представителем своей страны, и его научный рейтинг неизбежно влияет на имидж и международный авторитет государства, которое он представляет. Именно в этом заключается «мягкая сила» науки, значение которой в дальнейшем будет возрастать как в силу роста наукоемкости мировой экономики, так и в связи с определенными сложностями в международных отношениях» [3].

Кроме того, зачастую совместная работа ведет к улучшению отношений между участниками, созданию атмосферы взаимного доверия, а в условиях обострения глобальных и межгосударственных проблем наука становится тем инструментом, который способен через научных работников снизить существующую напряженность и укрепить отношения между странами. В этих условиях просто международное научное сотрудничество перерастает в научную дипломатию. В связи с тем, что значительное количество научных исследований проводятся за счет бюджетного финансирования и указывают

на непосредственную связь науки с государством и государственными интересами, можно говорить лишь об относительной самостоятельности негосударственных субъектов научной дипломатии. Наконец, в XXI в. усиливается роль научного сообщества в вопросах экспертной оценки не только по природно-технологическим проблемам, но и по широкому кругу социальных вопросов, в том числе установления межгосударственного диалога, нормотворчества. Стремительное развитие инновационных технологий, научных знаний и исследований, роли науки в социуме содействуют тому, что наука может быть действенным инструментом реализации целей государства на международной арене.

Использование науки в достижении внешнеполитических целей государства рассматривается в рамках публичной дипломатии. Под *публичной дипломатией* понимается процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность, субъектами которой выступают средства массовой информации, неправительственные организации, университеты. В свою очередь, публичная дипломатия является ключевым компонентом т.н. «мягкой силы». Автор термина «*мягкая сила*» американский политолог Дж. Най характеризует его как «способность влиять на то, чего хотят другие страны. “Мягкая сила” связана с нематериальными ресурсами, такими как культура, идеология и институты». По его мнению, «*мягкая сила*» является одним из трех источников власти наряду с военным и экономическим принуждением, для которых он использует общий термин «*жесткая сила*» [4, с. 106]. Использование инструментов «мягкой силы» обеспечивает возможность добиваться желаемых результатов, более прочных и с меньшими усилиями. Хотя Дж. Най не использовал понятие *научная дипломатия*, но он отмечал возрастающее влияние научного фактора на мировую политику.

В условиях превращения науки в инструмент внешней политики возникла настоятельная необходимость в четкой дефиниции феномена научной дипломатии. Мадридская декларация о научной дипломатии 2019 г. трактует *научную дипломатию* как «совокупность практик на пересечении науки, техники и внешней политики» [5, с. 122], т.е. это совокупность методов и средств, разрабатываемых и реализуемых в целях решения внешнеполитических задач с использованием достижений науки и возможностей научного взаимодействия. Таким образом, феномен научной дипломатии означает соединение двух сфер деятельности – науки и дипломатии со взаимным воздействием науки на внешнеполитический курс государства, а также влияние государственных политических институтов на науку.

Осмысление научной дипломатии происходило в последнее десятилетие и на национальном уровне. Так, в Великобритании и США сформировался многомерный подход к ее пониманию. Основы такого подхода были заложены в докладе «Новые рубежи научной дипломатии: навигация по меняющемуся балансу сил», опубликованному Королевским обществом

(Royal society) и Американской ассоциацией содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science, AAAS) в 2010 г., где научная дипломатия рассматривается в трех а с п е к т а х:

1) наука в дипломатии означает использование науки, научных знаний в выработке и реализации внешнеполитических решений. Речь идет об использовании достижений мировой науки при решении глобальных проблем. В качестве примера «науки в дипломатии» выступают принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. Цели в области устойчивого развития. Очевидно, что реализация Целей в области продовольствия, здравоохранения и окружающей среды невозможна без использования совместных усилий ученых всех стран. Аналогичным образом регулирование в таких областях, как мировой океан и полярные области, космическое пространство и киберпространство, должно опираться на международное научное сотрудничество;

2) дипломатия для науки предполагает содействие международному научному сотрудничеству путем заключения соглашений о сотрудничестве с зарубежными странами на правительственном или институциональном уровне;

3) наука для дипломатии подразумевает использование науки и научного сотрудничества для улучшения отношений между государствами и укрепления международной стабильности. В данном контексте научная дипломатия рассматривается как инструмент политики «мягкой силы» государства. Наука способна обеспечить нейтральную и свободную среду для обмена идеями и знаниями между людьми независимо от их национального и культурного статуса [5, с. 120].

Существует ряд проблем, затрагивающих все три измерения научной дипломатии: например, взаимодействие по вопросам изменения климата включает и дипломатическое обеспечение мероприятий по этой проблеме, и участие ученых в выработке стратегии государства в данной области, и взаимодействие научного сообщества для решения существующих задач на региональном и глобальном уровнях.

Расширение сферы реализации научной дипломатии соответствующим образом привело к увеличению количества ее институтов, причем как государственных, так и общественных. Это международные и межправительственные организации, государственные и негосударственные научно-исследовательские центры, образовательные учреждения – университеты, сообщества ученых, государственные внешнеполитические ведомства, органы управления наукой, образованием и инновациями и др. В ряде стран, таких как Великобритания, США, Япония, Новая Зеландия учрежден пост атташе по науке. В Великобритании даже создана должность главного научного советника Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании. Советник, являясь представителем академической сферы, консультирует министра иностранных дел и других официальных лиц по вопросам науки и инноваций во внешней политике.

Что касается конкретных инструментов научной дипломатии, то бельгийский профессор Л. Ван Лангенхов выделил три их группы – стратегические, оперативные и вспомогательные.

К стратегическим инструментам научной дипломатии он отнес программные политические документы, в которых формулируются стратегические приоритеты и цели страны, национальные концепции, стратегии национальной безопасности или международного научно-технического сотрудничества. В таких документах научная дипломатия рассматривается как инструмент, способствующий достижению национальных интересов. Например, могут быть обозначены международные схемы сотрудничества в области исследований, использование научных обменов ресурсами и знаниями.

Политические инструменты, используемые для осуществления научной дипломатии, он отнес к оперативным инструментам научной дипломатии. Это двусторонние или многосторонние соглашения о научно-техническом сотрудничестве; создание научно-технических консультативных советов между государственными институтами стран; введение должностей научно-технических атташе при посольствах с целью оказания помощи дипломатическим миссиям в налаживании сотрудничества с учеными зарубежных стран; финансирование совместных исследований с зарубежными странами.

К вспомогательным инструментам относят образовательные мероприятия по вопросам научной дипломатии, диалоговые и консультационные платформы между профессиональными группами.

В настоящее время можно выделить довольно широкий перечень видов деятельности в сфере научной дипломатии: привлечение ученых и экспертов по решению разнообразных проблем, в том числе вопросам экологии, здравоохранения, чрезвычайных ситуаций; приглашение ученых для участия в переговорном процессе и урегулировании конфликтов; проведение научных выставок и конференций; взаимодействие научного сообщества по вопросам формирования международной повестки дня [1, с. 68].

Важным фактором расширения научной дипломатии может послужить разработка методики оценки эффективности ее использования. Существующие сегодня методики либо подменяют результаты научной дипломатии на результаты международного научного сотрудничества, либо обходятся без количественных показателей. Методика, основанная на институциональном подходе, предлагает определять *эффективность* как способность согласовать коллективные или скоординированные действия и исполнить принятые обязательства, привлекая другие институты для своих целей», а в качестве индикаторов эффективности рассматривать «принятые обязательства», «приближение к/отдаление от целей», «полнота/фрагментарность использования ресурсов». Оценка научной дипломатии стран

БРИКС показала результативность деятельности научной дипломатии объединения по всем трем измерениям – «наука в дипломатии», «дипломатия для науки» и «наука для дипломатии» [6, с. 124–126].

Таким образом, научная дипломатия как самостоятельное направление достижения внешнеполитических целей открывает современным государствам следующие конкретные возможности:

- улучшается международный климат, повышается доверие между странами;
- улучшается имидж государств. В процессе реализации научной дипломатии и выстраивания международных связей каждая страна демонстрирует свои научные достижения и вклад ученых своей страны в мировую науку, подчеркивает их в собственном внешнеполитическом имидже;
- способствует научному развитию государств, обмену новыми технологиями, что особенно актуально для таких государств, как Беларусь, имеющих значительный человеческий научный потенциал и недостаток инвестиций в исследовательскую сферу, недостаточную материальную базу научных институтов;
- способствует интеграции академической среды страны в мировое научное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитонова, Е. М. Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты / Е. М. Харитонова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – №2. – С. 61–91.
2. Краснова, Г. А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 [Электронный ресурс] / Г. А. Краснова; вып. ред.: Е. О. Карпинская, И. А. Бочаров; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 48 с. – Режим доступа : <https://russian-council.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf>. – Дата доступа : 10.03.2021.
3. Букалова С. В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений [Электронный ресурс] / С. В. Букалова // Мировая политика. – 2018. – №2 – С. 95–103. – Режим доступа : https://nb-publish.com/library_read_article.php?id=25855. – Дата доступа : 10.03.2022.
4. Паксютов, Г. Д. «Мягкая сила» и «культурный капитал» наций: пример киноиндустрии / Г. Д. Паксютов // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 11. – С. 106–113.
5. Гутенев, М. Ю. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей / М. Ю. Гутенев // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №6. – С 119–127.

6. *Хаткевич А. А.* Научная дипломатия в формате БРИКС: подходы к оценке эффективности / *А. А. Хаткевич* // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – Т. 4. – №3. – С.119–132.

Поступила в редакцию 01.04.2022

В. Н. Усский

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК» В БИЗНЕС-ЦИКЛЕ?

В статье исследуется сущность категорий «подрывные технологии» и «демократия» в рамках рыночного бизнес-цикла на предмет сравнительного анализа понятий. Выявлены субстанциальные характеристики и фундаментальные связи между данными категориями. Доказано, что использование термина *демократия* применительно к экономической системе является методологически не корректным, ведет к подмене понятий и смешиванию смыслов экономических и политических отношений.

В статье проводится дискуссия с *традицией постмодернистского футуризма*, адепты которого представляют дело таким образом, что появление «подрывных технологий» (disruptive technologies) запускает процесс диффузии продвинутых технологий (IT – information technologies или ИКТ – информационно-коммуникационные технологии), которые порождают радикальные изменения природы микроэкономики фирмы и банка, сущности рыночной макросистемы и двухуровневой банковской системы. Цифровые энтузиасты предполагают, что феномен «технологической сингулярности» запустит процесс взлома традиционной иерархии общества, в которой ключевую роль играют государство, крупные корпорации, средний и малый бизнес, связанные друг с другом сложным порядком денежно-кредитных и бюджетно-финансовых отношений.

Массовое применение «подрывных технологий» в прорывных отраслях экономики оказывают воздействие на изменения относительных ценностей хозяйственных благ на рынке. Критическая масса изменений приводит к взлому отраслей рыночной экономики, что свидетельствует о действии научно-технического прогресса. Вот как об этом пишет К. Шваб: «Все технологии Четвертой промышленной революции имеют некоторые общие аспекты, связанные с теми системными изменениями, которые мы наблюдаем. Чтобы взглянуть на происходящее с общего, системного уровня, следует рассмотреть четыре общих аспекта динамики развития технологий:

1. Технологии Четвертой промышленной революции существенно расширяют и преобразуют цифровые системы.

2. Технологии распространяются с экспоненциальной скоростью, проникая в материальные объекты и в нашу жизнь.

3. Разрушительная мощь технологий усиливается по мере того, как они комбинируются и запускают очередной цикл инноваций (Курсив наш. – В. У.).

4. Разные технологии создают похожие преимущества и проблемы. Преимущества и проблемы перспективных технологий связаны с такими важными вопросами, как неравенство, безработица, демократия, суверенитет, экономическое развитие, здоровье и безопасность.

Чтобы успешно справляться со скоростью и масштабностью влияния технологий Четвертой промышленной революции, потребуются новые, более гибкие модели управления для частного сектора, общественных организаций, а также для правительств и традиционных регуляторов. Мы должны создать новые, более гибкие и приспособленные к будущим реалиям формы управления, включая нормы, стандарты и практики, которые будут учитывать всеобщие интересы» [1, с. 43–44].

Футуристы сформулировали гипотезу, согласно которой вместо всей устаревшей аналоговой архаики «старой» экономики внезапно возникнет новый порядок индивидуалистических отношений между людьми (P2P). Кредитные деньги, создаваемые двухуровневой банковской системой в порядке кредитования заменяются криптовалютным финтехом одноранговых пиринговых сетей ('peer to peer' или 'равный человек к равному человеку' – P2P, т.е. «экономика без посредников») системы блокчейн. Так видится криптоэнтузиастам их светлое будущее. Они уверяют публику в том, что ростки будущего существуют уже сегодня. Правда оно пока находится в свернутом и неразвитом состоянии. По мнению цифровых энтузиастов, сложившийся в настоящем техногенный тренд уже позволяет понять направленность технологических изменений и представить картину будущего, в котором «подрывные технологии» будут активно воздействовать на поведение людей. Считается, что развитие криптовалютного финтеха должно привести к ликвидации системы субъектов торгового и финансового посредничества, а вместо отживающих свой век посреднических структур, которые как паразиты «пожирают» добавленную ценность, экономическая власть в будущем перейдет к субъектам «новой экономики». Последние превратятся в «чистых» потребителей, а искусственный интеллект (ИИ) супермашин посредством «межмашинных отношений» станет совершать прямые переводы криптовалют (P2P обмен), используя технологию блокчейн. Утверждается, что одноранговые пиринговые сети создадут условия для включения людей в систему *распределенной демократии*, которая будет осуществляться в пространстве Интернета.

В 1995 г. Д. Тапскотт написал книгу «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы сетевого интеллекта». В ней он провел анализ воздействия ИКТ на способы ведения бизнеса в системе электронных коммуникаций. Было введено понятие *эпоха сетевого интеллекта (Age of Networked Intellengence)*. Содержание этого термина заключается «не только в сетевых технологиях, ... но во взаимодействии людей посредством сетевых технологий», которые «объединяют интеллект, знания и творчество для совершения прорыва в создание общественного капитала и благополучия» [2]. Являясь сторонником либертарианства, Д. Тапскотт понимает под

общественным капиталом создание среды «новой экономики», в которой люди, используя сетевые технологии и формируя новые компетенции, повышают благосостояние и изменяют общество в направлении роста *экономического равноправия людей* вне действия принудительной иерархии и государства. Либертарианцы предполагают, что ИКТ являются активно действующей силой, радикально преобразующей общество и экономику. Предлагается футуристический проект создания «нового общества», в котором с помощью цифровых технологий будут созданы новые общественные отношения, построенные на принципе *«демократии прямого действия»*, где отсутствуют государство и структуры представительной демократии со сложной системой взаимоотношений трех ветвей государственной власти. Демократию прямого действия еще называют *«распределенной демократией в интернет-пространстве»*.

Использование ИКТ позволит создать также систему экономических отношений, в основе которых будет лежать прямое взаимодействие между производителем и потребителем. Предполагается, что ИКТ помогут вытеснить торговых и финансовых посредников из экономики. Двухуровневая банковская, бюджетно-финансовая система и государство, которое их контролирует под напором «подрывных технологий» должны будут уйти со сцены истории. В либертарианской концепции материальный (техногенный) фактор (ИКТ) становится инструментом радикальной трансформации общества и экономики. Делается вывод, что с помощью продвинутых ИКТ будет достигнуто равноправие людей. Только учитывая рамки этой системы мировоззренческих координат можно понять сущность понятий, введенных Д. Тапскоттом – *сетевой интеллект* и *общественный капитал*.

Ученый предложил двенадцать признаков «нового общества»: ориентация на знания; цифровая форма представления объектов; виртуализация производства; «молекулярно-структурированная среда информации»; инновации; интеграция и межсетевое взаимодействие; конвергенция; трансформация отношений «изготовитель–потребитель»; динамизм; глобальные масштабы; противоречия в развитии общества. ИКТ в «новой экономике» создают возможности значительно снизить транзакционные издержки на поиск информации при заключении людьми контрактов. В центре теоретических построений автора лежит гипотеза о возможности исключения посредников для формирования прямого контакта между производителем и потребителем. Посредники, по его мнению, занимаются «усилением слабых сигналов ... в каналах связи в доэлектронной экономике» [2].

Однако не все так просто. Через четверть века развития цифровой революции произошли глобальные изменения. Действительность оказалась значительно более сложной вещью по сравнению с иллюзиями техногенного футуризма. В 2016 г. Тапскотт пишет новую книгу «Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня», в которой излагает свои взгляды. В ней после двух десятилетий больших надежд цифровые энтузиасты подводят неоднозначные итоги действия «подрывных технологий»

в экономике. Однако, несмотря на временные неудачи, автор убежден в том, что основой прогресса общества является создание «удивительнейшей технологии, призванной обеспечить экономическое равенство» между людьми, которые действуют в рамках «открытого, распределенного, уравновешенного пространства Всемирной паутины» [3, с.17].

Ключевыми критериями общественного капитала, который используется в «новом обществе» в либертарианской концепции Д. Тапскотта, являются понятия открытости и распределенности прав субъектов в сети, равновесия при взаимодействии субъектов, нейтральности распределенной сети и ее параллельного существования относительно иерархии государства и корпораций. Предполагается, что распределенная пиринговая сеть – это специфический технологический механизм «мягкой силы», который возьмет верх над «жесткой силой» государства и иерархически организованных корпораций. Все эти свойства и отношения базируются на *демократии прямого действия*, которая исключает иерархию общества. Общественный капитал «нового общества» – это распределенная пиринговая сеть без посредников и государства, которая из потенциальной силы станет реальностью. Стержень, на котором базируется равноправное общество – это инновационные ИКТ, позволяющие перевернуть, изменить до неузнаваемости иерархию и сложную структуру традиционной системы капиталистических рыночных отношений, где пока что регулятивную роль играет государство, а на рынке доминируют иерархические вертикально интегрированные корпорации.

Д. Тапскотт пришел к выводу, что во время революции Интернета выросли крупные компании «новой экономики» (Uber, AirBnB и др.), которые не позволили реализовать надежды на справедливое согласование интересов людей, ведущих к равновесию и экономическому равноправию. Он пишет: «Но Империя нанесла ответный удар. Очевидно, что власть, сосредоточенная в бизнесе и госуправлении, подчинила своей воле *исходную, демократическую архитектуру Интернета* (Курсив наш. – В. У.). Огромные учреждения теперь держат в собственности и контролируют эти новые средства производства и социального взаимодействия – структуру в основе Интернета, богатейшие и все увеличивающиеся залежи информации, алгоритмы, которые все больше управляют бизнесом и повседневной жизнью, мир приложений, необыкновенные возможности, такие как машинное обучение и самоуправляемые автомобили. От Кремниевой долины и Уолл-Стрит до Шанхая и Сейла эта новая аристократия пользуется своими преимуществами собственника, чтобы с помощью удивительнейшей технологии, призванной обеспечить экономическое равенство, скопить огромные личные состояния и укрепить свою власть над экономикой и обществом» [3, с. 17].

Анализируя широкий контекст развития современного общества, Д. Тапскотт отмечает: «Многие мрачные прогнозы первых пионеров цифрового века сбылись. Рост ВВП не сопровождается ростом занятости в большинстве развитых стран. Вместе с увеличением производства благ увеличивается и социальное неравенство. Флагманы технологии перевели

большую часть своей деятельности из открытого, распределенного, уравновешенного пространства Всемирной паутины в закрытые и надежно огражденные “садики” или приложения в собственном формате, открытые “только для чтения”, где невозможен, в частности диалог. Корпоративные силы захватили множество замечательных открытых демократических технологий прямого общения (Курсив наш. – В.У.) и пользуются ими, чтобы извлекать несоразмерные доли прибыли» [3, с. 17].

Мировоззрение Д. Тапскотта является амбивалентным, так как построено на совмещении двух начал. С одной стороны, ставится цель создать с помощью ИКТ демократическое пиринговое общество, а с другой – определяется задача, используя ИКТ, не дать крупным корпорациям продолжить самодостаточное функционирование, результаты которого нарушают права некорпорированных производителей. Приводится пример, когда объединенные общими интересами коллективы заинтересованных лиц (водители Uber) с помощью блокчейна смогут обойтись без агрегатора платформы (Uber), используя технологическую платформу для реализации своих прав. Д. Тапскотт приводит интервью В. Бутерина (30.09.2015 г.) о возможности вытеснения Uber водителями через блокчейн. «В то время как большинство технологий направлено на автоматизацию повседневной деятельности второстепенных (или вспомогательных) работников, блокчейн автоматизирует и делает ненужным суть сложившихся вещей. Вместо того, чтобы вытеснить с рынка водителя такси, блокчейн вытесняет Uber и позволяет таксисту взаимодействовать напрямую с клиентом» [3, с.21].

В. Бутерин, используя методологию механистического детерминизма, подменяет понятия, редуцируя высшие сущности к низшим сущностям. Технология блокчейн как таковая не обладает волшебными свойствами изменять природу вещей. Это очевидно, так как это эмпирический факт. Другого пока нет. Когда произойдет волшебство (по В. Бутерину), то это «священнодействие» будет зафиксировано как явление экономической жизни. Используя «подрывные технологии», невозможно, противодействуя Uber, чудодейственным образом убрать корпорации с рынка такси. Однако цифровые энтузиасты утверждают, что это волшебство возможно, так как они этого очень хотят. Здесь наши мнения радикальным образом расходятся, так как мы стоим на брэнной земле и анализируем эмпирические факты, в рамках которых блокчейн не обладает придуманными волшебными свойствами, позволяющими осуществлять изменения природы вещей.

Согласно убеждению Д. Тапскотта, технология блокчейн, обладающая свойствами распределенной пиринговой сети, сможет ограничить действие рыночных механизмов взвешивания издержек и выгод, в рамках которых объективным преимуществом обладают иерархически организованные капиталистические фирмы. Блокчейн поможет некорпорированным производителям, этой массе «чернорабочих» бизнеса, обыграть корпорации. Не увядает технократическая мысль, утверждающая, что новейшая технология блокчейн неким чудодейственным образом сможет упростить сложную структуру

общественных отношений до предельного отношения «производитель–потребитель». Футуристы, однако, считают, что «подрывные технологии» можно поставить на службу некорпорированным производителям, взломав рыночную действительность в противовес корпорациям, приведя к равноправию общество, дав процветание всем его членам.

Ученый пишет: «Если бизнес, госуправление и новаторы гражданского общества справятся с задачей, мы перейдем от Интернета, мотивированного преимущественно снижением цен на поиск, координацию и сбор информации и принятие решений (где в центре внимания мониторинг, посредничество и монетизация информации и транзакций в сети), к Интернету, мотивированному снижением стоимости выработки, регулирования и осуществления общественных и коммерческих соглашений, где в центре внимания будут этичность, безопасность, сотрудничество, неприкосновенность личных данных во всех транзакциях и в создании и распределении ценностей. Это разворот стратегии на 180 градусов. *Результатом может стать экономика равноправных участников с институтами, которые будут по-настоящему распределенными, безбарьерными и дающими новые возможности – и потому легитимными. Новая платформа фундаментально переопределяет, что и как мы можем делать онлайн и кто в этом участвует, и таким образом даже способна создать технологические условия для разрешения самых болезненных социальных и экономических проблем* (Курсив наш. – В. У.).

Если с этой задачей справиться не удастся, многообещающая технология блокчейна будет ограничена или вовсе уничтожена. Хуже того, она может превратиться в орудие мощных институтов, с помощью которого они будут охранять свое состояние, или, если к ней получат доступ правительства, в платформу для нового общества тотальной слежки. Тесно связанные технологии распределенного программного обеспечения, шифрования, автономных агентов и даже искусственного интеллекта могут выйти из-под контроля и обратиться против своих создателей» [3, с. 26–27].

Суммируя опыт развития ИКТ, Д. Тапскотт остается оптимистом относительно перспектив технологического прогресса недалекого будущего. Он пишет: «С развитием *глобальной пиринговой платформы* (Курсив наш. – В. У.), которая позволяет идентифицировать пользователя, устанавливать доверительные отношения, отслеживать репутацию и проводить транзакции, мы, наконец, сможем перестроить глубинную суть фирмы, чтобы обеспечить инновации, совместную деятельность и, возможно, даже общее благополучие, а не просто обогащение немногих (Курсив наш. – В. У.). Речь не идет о фирмах с небольшим капиталом и незначительным влиянием на рынок. Напротив, мы имеем в виду компании двадцать первого века, в том числе с огромными прибылями, доминирующие на своих рынках. Мы убеждены, что предприятия будущего станут больше походить на сети, чем на вертикально интегрированные иерархии индустриальной эпохи. Таким образом, *появится возможность распределять (а не перераспределять)*

прибыль более демократично (Курсив наш. – В. У.)» [3, с. 24] . Таким образом, пиринговые сети – это альтернатива вертикально интегрированным иерархиям индустриальной эпохи, а фирма превращается в сетевую структуру.

Концепция Д. Тапскотта строится на системе неиспользуемых в экономике политических понятий, которые употребляются потому, что автор либо подменяет экономические смыслы явлений либо их просто не знает. Он употребляет понятие *демократия* для интерпретации экономических явлений, которые этим термином не описываются: демократические технологии, демократизация экономики, демократизация рынка, демократическое распределение прибыли. Этот методологический прием ведет к некритическому переносу смыслов из политической сферы в экономику. В этом пункте его концепции возникает фундаментальное противоречие. Либертарианство базируется на исходной интуиции о возможности построения демократии прямого действия вне иерархии общества и государства. Поэтому появление технологических новшеств информационной эпохи оно восприняло как тот самый чудодейственный инструмент, с помощью которого наконец-то появилась возможность развязать «гордиев узел» иерархии старого аналогового общества. В основе техногенной гипотезы либертарианства лежит упрощенное представление о сложной природе человека, который представляется в качестве свободного индивида, т.е. рационального эгоиста, стремящегося к максимизации полезности и живущего вне стесняющей его жизнь иерархии общества и государства.

Мы считаем, что *демократия* – это политический способ упорядочивания отношений социальных групп в обществе, которая заключается в системе политических процедур жесткого взаимного контроля противоположными слоями общества друг друга. Демократия как форма политического устройства общины возникла в античных полисах. Например, в Риме демократическая форма правления позволяла упорядочивать противоположные интересы между патрициями и плебеями. Однако эта политическая система оказалась совершенно не способной выполнять свои функции, когда в результате территориальных захватов полис из небольшого города-государства превратился в гигантскую империю. Количественный территориальный рост маленького уютного полиса привел к качественным изменениям, к возникновению сложной структуры союза различных религиозных и этнических общин. Это разнообразное цветистое созвездие народов, находившихся на трех континентах (Европы, Азии и Африки) на очень разных условиях входили в Рим. Часть из них свободно вступали в состав Римской республики, получая гордое название союзника и друга римского народа, другая часть принудительно включались в Рим после серии кровопролитных войн как, например, Галлия, Испания, Карфаген, Британия. Во II-I вв. до н.э. механизмы прямой демократии в Римской республике перестали работать, что вызвало волну затяжных гражданских войн между плебеями и патрициями. В результате гигантских гражданских конфликтов, приведших к неисчислимым жертвам среди римского народа, Октавиану Августу удалось, разгромив

Антония в 30 г. до н.э., установить долгожданный мир. Римская республика вступила на сложный трехвековой путь формирования бюрократической иерархии имперского государства, которое осуществляло свое господство на громадной территории Римской империи.

По нашему мнению, методологически некорректно переносить принципы демократии на политику, армию, производство, экономику, технологии. Неверно считать, что технология блокчейн, создающая распределенную пиринговую сеть, защищает права человека. Перенос политических смыслов на экономику ведет к построению неадекватных конструкций, неспособных объяснить природу объективной реальности, плодит заблуждения в сознании людей. Анализ содержания книг Д. Тапскотта и взглядов близких к нему ученых приводит к следующим выводам. В очередной раз в истории общества возник прогрессистский миф, в основании которого лежит механистическая техногенная идея. Высказано предположение о том, что технологии превращаются в активное действующую силу, изменяющую как природу человека, так и природу общества. Футуристы приписывают «подрывным технологиям» волшебную способность элиминировать иерархию общества, упростив его до неузнаваемости. Техногенная гипотеза приходит к абсурдному утверждению о том, что технологии, созданные человеком, могут подменить активное творчество человека в экономике, делая его пассивным пользователем при растущей механистической силе «подрывных технологий». Мы считаем, что технологии не тождественны экономическим отношениям между людьми. Технологии обладают свойством нейтральности, они объект, так как являются элементом производительных сил. Субъектом деятельности является человек, применяющий технологии в своих целях.

Человек ставит цели и достигает их с помощью адекватных средств, изменяя общество через активные коммуникации с контрагентами. Очевидно, что творческими функциями технологии не обладают, так как не способны ставить цели и достигать их, используя необходимые средства. Тем не менее, *сциентизм* породил безжизненную гипотезу, продолжающую традицию овеществления общественных отношений, согласно которой человек превращается в придаток машины, некое подобие «домашнего животного» при ней. Вот к каким далеко идущим выводам приводит прямая подмена понятий, ведущая к радикальному сдвигу смыслов. Безличная матрица в одноименном фильме «Матрица» управляет людьми, утратившими свою идентификацию и персонификацию личности.

С 90-х гг. XX в. результаты использования ИКТ воплотились в динамичном росте новой цифровой отрасли в рыночной экономике, которая оказывает влияние на преобразование смежных отраслей. ИТ отрасль из обслуживающей подсистемы в экономике превратилась в стратегическую подсистему, взяв на себя функции локомотива экономики. Рыночная экономика является исходной структурой изменений, на которую оказывает влияние человек, применяющий «подрывные технологии». Критериями выделения цифровой отрасли являются: продукт; система межсубъектных

экономических отношений; бизнес-модель фирмы; миссия и стратегия фирмы; ценности и нормы, разделяемые собственниками, менеджерами и работниками фирмы (корпоративная культура). Предмет исследования экономической науки (особенно в трансформационных экономиках) традиционно фокусируется на развитии рыночной экономики и преобразовании ее структуры в направлении повышения эффективности. В рамках гуманитарной традиции экономической науки мы изучаем роль и место «подрывных технологий» в работе рыночной экономики.

Цифровая революция внутри себя имеет инновационный источник, оказывая влияние на бизнес цикл экономики. Й. Шумпетер создал теорию «созидательного разрушения», в рамках которой он исследовал природу инноваций в широком смысле слова (организация и управления фирмой, производство и продажи товаров и услуг) и степень воздействия, которое инновации оказывают на динамику рыночного бизнес цикла. Теорию Й. Шумпетера отрицает концепция «технологического детерминизма». На ее основе Р. Курцвейл сформулировал гипотезу «экспоненциального роста», которая построена на наблюдении феномена массового потока спонтанно возникающих технологических инноваций, возникающих в течение последних 40 лет. Р. Курцвейл утверждает, что возникновение «подрывных технологий» и накопление их критической массы с середины второго десятилетия XXI в., подвели современную экономику к завершающей стадии цифровой революции.

Ученый сформулировал оригинальную идею «технологической сингулярности», под которой он понимает гипотетический момент в будущем, когда появляется порождающий самого себя искусственный интеллект (ИИ) в процессе самосовершенствования. ИИ обладает суперинтеллектом супермашины («Саманта» Криса Скиннера). Это приводит к радикальному изменению сущности Бытия человеческой цивилизации. Этот чудесный феномен возникает спонтанно и становится абсолютным вызовом человеку, на который он оказывается не в состоянии ответить. Обладая мизерным по своему потенциалу интеллектом по сравнению с Самантой, человек чудесным образом превращается в «домашнее животное» при суперинтеллекте супермашины. В какой-то момент мгновенно возникает тотальное механистически рациональное общество, управляемое математическими алгоритмами. В таких радикально изменившихся условиях технологическое развитие для человека становится в принципе неуправляемым и необратимым во времени и пространстве. Подобный феномен напоминает содержание сценария фильма «Матрица». Р. Курцвейл воспроизводит одну из популярных версий гипотезы технологической сингулярности, именуемой «*интеллектуальным взрывом*» (эту концепцию выдвинул, в частности, британский математик и космолог И. Гуд) [4, р. 11–22]. Обновляемый интеллектуальный агент (например, компьютер с сильным ИИ) в конечном итоге может войти в «безудержную реакцию» циклов самосовершенствования. При этом каждое

новое поколение ИИ будет появляться все быстрее, порождая своего рода «интеллектуальный взрыв» и создав в конечном счете суперинтеллект, превосходящий интеллект всего человечества» [5].

Сторонник гипотезы «интеллектуального взрыва» Бытия Г. Греф предлагает современному человеку научиться «экспоненциально» мыслить для того, чтобы понять сущность «экспоненциального роста», который произойдет в скором будущем. Это вполне логичное предложение, так как радикальные изменения Бытия требуют столь же адекватной и глубокой трансформации мышления человечества и соответственно изменения индивидуального сознания самого человека. В ином случае непонятно как человек впишется в эру господства «подрывных технологий», которые вызывают «экспоненциальный рост». Без освоения азов «экспоненциального мышления» человек выпадает из Бытия «технологической сингулярности». Более того, обычный человек рискует превратиться в пассивный объект, который перед своим взором видит только иллюзорный мир. Он не понимает происходящего и пребывает в совершенном невежестве, будучи подчиненным Сверхмашине под названием «Матрица». В общем, все очень печально для традиционного человека, все строго по сценарию, разработанному братьями (ныне уже сестрами) Вачовски в фильме «Матрица».

Однако вернемся на бrenную землю и попытаемся осмыслить те последствия «интеллектуального взрыва», который принесет в будущем феномен «экспоненциального роста» «подрывных технологий». Предложенная цифровыми энтузиастами модельная конструкция общества будущего несет в себе необходимые закономерные следствия. Они ведут к тому, что из общества и экономики исчезает сущность природы человека. Во-первых, утрачивается активный человек-творец, обладающий свободой воли, о котором с упоением и восхищением писали обществоведческие науки с XVII века по сегодняшний день. Во-вторых, умирает рыночный бизнес-цикл, который является имманентным элементом рыночной системы отношений последние двести лет. В-третьих, исчезает рыночная система отношений между людьми и на их место заступают машины, которые с помощью криптовалют приступают к «межмашинной коммерции». В-четвертых, суперинтеллект супермашины оставляет человеку Постмодерна убогий удел паразитарного потребителя, в увядающей душе которого умирает смысл жизни. Все эти последствия вытекают из атеистической теории и являются логическим следствием действия более общей концепции «технологической сингулярности». Христианский Бог милосерден к человеку. Он дал жизнь человеку, наделив его свободой воли для того, чтобы человек нес по своему уникальному жизненному пути свой тяжкий крест.

О данных последствиях, к сожалению, цифровые энтузиасты вообще не упоминают и, соответственно, не видят в них никаких проблем. Эти фундаментальные и значимые последствия для общества в целом, для людей, живущих в этом бrenном мире, и работающих в действительности рыночной

экономики, цифровые энтузиасты не разъясняют. Для них рыночный бизнес-цикл не существует либо это явление просто не существенно. Это неизбежное следствие отрицания сложной природы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шваб, К.* Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с.
2. *Тапскотт, Д.* Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы сетевого интеллекта / Д. Тапскотт. – Киев: ИНТПресс; М.: Релф бук. – 1999. – 432с.
3. *Тапскотт, Д.* Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня / Д. Тапскотт. – М.: Эксмо, 2017. – 270 с.
4. *Vinge, V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era / V. Vinge // Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G. A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129, 1993.
5. Технологическая сингулярность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki> – Дата доступа : 09.02.2016.

Поступила в редакцию 07.06.2022

ИСТОРИЯ

Вуглік І. Р.

СУАДНОСІНЫ ЦЫВІЛІЗАЦЫЙНАГА І ЭТНІЧНАГА
Ў ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается проблема соотношения цивилизационных и этнических параметров в истории белорусской культуры. В основу исследования положен цивилизационный подход, в котором культура Беларуси изучается в контексте цивилизационных образований восточного и западного типов. В центре изучения – проблема соотношения периодов интенсификации этнических параметров со временем вхождения белорусских земель в восточную либо западную цивилизацию. Делается вывод о соответствии этапов вхождения в новый цивилизационный тип с периодами активизации этничности. Также рассматривается проблема бинарного противостояния цивилизационных конгломератов внутри белорусской культуры. Делается вывод о деформационном воздействии данной дихотомии на устойчивость белорусской этнической аутентики. Рассматриваются позитивные и негативные аспекты влияния цивилизационного фактора на этнические индикаторы традиционной культуры.

У вивучэнні гісторыі культуры Беларусі дастаткова плённым з’яўляецца цывілізацыйны падыход, які адпавядае аб’ектыўным рэаліям гістарычнага існавання Беларусі ў спецыфічнай геапалітычнай, метакультурнай прасторы. Гэты падыход дазваляе сістэматызаваць разнастайны матэрыял па палітычнай, эканамічнай, інтэлектуальнай (навука, адукацыя), мастацкай, бытавой культуры, падвесці яго пад інтэграл вялікіх цывілізацыйных тыпаў. Гэта тычыцца і этнічных параметраў беларускай культуры, якія таксама адпаведным чынам суадносяцца з цывілізацыйнымі канцэптамі і інстытутамі. Цывілізацыйны падыход да вивучэння культуры Беларусі выкарыстоўваўся ў даследаваннях аўтара [1; 2: 3], а таксама іншых навукоўцаў [4; 5, 6]. Мэта артыкула – сістэматызацыя кантэнту суадносін цывілізацыйнага і этнічнага ў гісторыі беларускай культуры.

За час свайго існавання культура Беларусі знаходзілася ў двух супрацьлеглых, бінарных цывілізацыйных утварэннях – заходнім і ўсходнім; разам з тым той ці іншы тып на нашых землях ніколі не быў цалкам дамінуючым, але меў рысы іншага цывілізацыйнага тыпу [1; 6]. Храналагічна перыяды можна вызначыць наступным чынам: першы, усходні перыяд протабеларускай культуры і пачатку этнагенезу – IX–XIV стст., час перавагі заходняй цывілізацыі – XV–XVIII стст., час усходняй цывілізацыі – пачатак XIX – пачатак XXI ст. Гэта змена цывілізацыйных парадыгм утварае, як падаецца, галоўную спецыфіку гісторыі культуры Беларусі, а таксама ўласна беларускага этнасу. Як і іншыя этнасы, беларускі зазнаў час этнагенезу (прыблізна XIV–XV стст.), этнічнай гісторыі, якая ўключала часы этнакультурнага ўздыму і стагнацыі, утварэння і знікнення пэўных гістарычных тыпаў беларускага этнасу. Гэтыя перыяды маюць адпаведныя дэтэрмінантныя сувязі з цывілізацыйнымі працэсамі і цывілізацыйнымі ўтварэннямі, куды ўваходзіла Беларусь.

Галоўная канцэпцыя суадносін цывілізацыйнага і этнічнага ў гісторыі беларускай культуры – гэта каталізацыя этнічнасці пры перыядзе пераходу да іншай цывілізацыйнай супольнасці. З пачатку развіцця цывілізацыйных інтэнцый на нашых землях (прыблізна IX ст.) Беларусь увайшла ва ўсходні – візантыйскі, праваслаўны тып цывілізацыі. Перыяд з часоў рассялення славян, у тым ліку крывічоў, у VI ст., звязаны з фарміраваннем тыпу этнічнасці, які трактуецца даследчыкамі як крывіцкі і можа разглядацца як час праэтнічнага станаўлення беларусаў. Разам з тым уласна крывіцкая (а таксама племянныя культуры радзімічаў, дрыгавічоў, валынян, драўлян) суадносяцца з працэсам станаўлення беларускай мовы, а таксама элементаў традыцыйнай культуры. Менавіта ў цывілізацыйных артэфактах нашых землях адбіліся элементы этнакультурнай спецыфікі. Гэта – пісьмова зафіксаваныя рысы моўнай адметнасці, базілікальная планіроўка першых праваслаўных храмаў, іх арыгінальная пабудова і дэкор, адносна вольная кампазіцыя фрэсак Спаскага храма ў Полацку, насычанае язычніцкімі сімваламі красамоўства Кірылы Тураўскага, асветніцкая дзейнасць Еўфрасінні Полацкай, прыхільнасць да антычных аўтараў Клімента Смалаяціча. Гэтыя культурныя з’явы маюць цывілізацыйную глебу, менавіта яны – цывілізацыйныя інверсіі часу адаптацыі культуры беларускіх зямель да візантыйскага свету.

Перыяд этнагенезу беларусаў звязаны з уваходжаннем культуры Беларусі ў заходні (еўрапейскі) тып цывілізацыі – станаўленнем на нашых землях палітычных, эканамічных, культурна-стылёвых (стылі раманскі, гатычны, рэнесанс), мастацкіх, тэалагічных канстант. У XV ст. аформіліся стандарты старабеларускай афіцыйна-справавой, літаратурнай мовы, усталяваліся назвы буйных гісторыка-культурных рэгіёнаў – Белая Русь (замацавалася толькі за нашымі паўночна-ўсходнімі землямі ў XVII ст.), Палессе, Чорная Русь, Літва (назва цэнтральнага і заходняга рэгіёнаў, а таксама ўсёй краіны), этнонімы *літва*, *літоўскія людзі*, зрэдку (у кірылічным напісанні) – *лицвіны*, *русіны* (так зваліся праваслаўныя беларусы і ўкраінцы). Склаліся адметныя прынцыпы дзяржаўнага (на аснове Статутаў), эканамічнага (розныя формы землеўладання, валочная рэформа) уладкавання, сістэмы гарадскога самакіравання. Узніклі спецыфічныя апрацоўкі архітэктуры позняга раманскага стылю, готыкі; істотнае этнакультурнае значэнне мела мадыфікацыя на заходняй, а таксама мясцовай глебе візантыйскай іконы (беларуская іканапісная школа) [7, с. 6]. Як вынік актыўных этнакультурных навацый у 1596 г. у Брэсце ўзнікла этнічна маркіраваная ўніяцкая царква – істотны ўнёсак Беларусі ў хрысціянскую цывілізацыю.

У XVI ст. пад уздзеяннем канфесійных цывілізацыйных параметраў аформілася такая істотная рыса этнічнай псіхалогіі беларусаў, як талерантнасць. Гэта звязана з узнікненнем і пашырэннем у Еўропе пратэстантызму, што зрабілася значным фактарам еўрапейскай палітычнай, эканамічнай, увогуле культурнай гісторыі. Пратэстантызм паклаў канец хрысціянскаму каталіцкаму монаканфесіянізму Еўропы і выклікаў феномен рэлігійных хрысціянскіх еўрапейскіх войнаў (дагэтуль еўрапейцы вялі войны з канфесійным маркерам

з мусульманамі ці рэдка – супраць улады рымскіх пап). У Беларусі праваслаў’е і каталіцызм мірна (маючы на ўвазе ўзброеныя дзеянні) суіснавалі дзякуючы лаяльнай палітыцы вялікіх князёў дзяржавы. Распаўсюджванне сярод эліты грамадства, гараджан пратэстантызму выклікала бурныя дыскусіі, дыспуты, але не становілася прычынай войнаў, як у Нямеччыне, Чэхіі, Францыі. Менавіта рэлігійная лаяльнасць пратэстанцкіх вернікаў на беларускіх землях, а таксама канфесійная верацярпімасць, заклалі падмурак такой адметнай этнапсіхалагічнай рысы беларусаў, як талерантнасць. У сялянскім асяроддзі талерантнасці спрыяла ўніяцтва, якое спавядала абсалютная большасць вяскоўцаў. Узброеныя ж канфлікты на рэлігійнай аснове ў Беларусі не мелі мясцовых каранёў, а былі інспіраваны звонку – агрэсіўнай палітыкай Маскоўскай дзяржавы, запаражскага казацтва, а таксама польскай экспансіяй каталіцызму пад лозунгам: “Адна краіна – адна вера”.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай Беларусь змяніла цывілізацыйны вектар на ўсходні, расійскі. У другой палове XVIII ст. культура Беларусі назапашвала шмат высакаякасных еўрапейскіх дасягненняў у галіне эканомікі (мануфактуры, што выраблялі тавар на экспарт), навучы (праца навукоўцаў, выкладчыкаў езуіцкай акадэміі, шматлікіх калегіумаў), адукацыі (дзеінасць Адукацыйнай камісіі), мастацтва (прафесійны тэатр, класічная музыка, партрэтны жывапіс); асобна можна адзначыць узнікненне этнічна афарбаванай архітэктуры віленскага (беларускага) барока [8, с. 141–157], але гэтыя з’явы не зрабіліся падмуркам новага этнічнага ўздыму па прычыне ўнутраных і знешніх палітычных абставін.

Пераходны перыяд не выклікаў істотных этнічных імпульсаў, наадварот, фармальна пачаўся перыяд этнічнай стагнацыі, які завяршыўся афіцыйнай забаронай гістарычных назваў краіны (*Літва, Беларусь*) і беларускай мовы, распаўсюджваннем дзяржаўнай ідэалогіі заходнерусізму. Эліта этнасу была дэмаралізавана пасля трох няўдалых паўстанняў, адступлення Напалеона, шматлікія яе прадстаўнікі былі арыштаваны, высланыя на далёкі расійскі ўсход ці знаходзіліся ў эміграцыі, гарады засяляліся іншай этнічнай прыналежнасці насельніцтвам. Беларускі (ліцвінскі) этнас існаваў у латэнтным стане, яго маркеры захоўваліся ў культуры шляхецкіх маёнткаў, а таксама сялянствам, прадстаўнікамі дробнай шляхты, гараджан. Тым не менш з пачатку XIX ст. пачалося фарміраванне такіх істотных этнічных кампанентаў будучай культуры, як новая беларуская мова, літаратура.

Новыя цывілізацыйныя змены ў Расіі канца XIX – пачатку XX ст., звязаныя з развіццём буржуазна-дэмакратычных, па сутнасці заходніх, свабод, далі імпульс перыяду інтэнсіфікацыі беларускай этнічнасці, стварэнню новай беларускай культуры, лагічным вынікам чаго было ўтварэнне БНР. Моцны ўплыў на гэтыя працэсы зрабіла звязаная з распадам імперый еўрапейская этнапалітычная парадыгма нацыянальнай дзяржаўнасці, дзякуючы чаму свае дзяржавы атрымалі шмат былых імперскіх народаў, у тым ліку і беларусы. Адметнымі рысамі новай беларускай этнічнасці былі ўсталяванне назвы *Беларусь*, этноніма *беларусы*, палітычнае афармленне нацыянальнай тэрыторыі, улады, кадыфікацыя мовы (на аснове граматыкі Б. Тарашкевіча), стварэнне

на ёй літаратуры, спроба маніфестацыі этнічнай (нацыянальнай) ідэалогіі (Ф. Багушэвіч, В. Ластоўскі, А. Уласаў і інш.). Адметнай рысай этнічнай ідэалогіі, пры яе ў цэлым заходнім цывілізацыйным змесце, адзначалася вялікая доля сацыялістычнага, сацыяльнага кампанента.

Утварэнне БССР (БСР) і звязаныя з гэтай падзеяй этнічная працэсы актывізацыі этнічнасці таксама былі цывілізацыйна абумоўлены пераходам да артадаксальна ўсходняга тыпу культуры – савецкага. Была канчаткова вызначана нацыянальна-адміністрацыйная (не зусім адпавядаючая этнічнай) мяжа (у 1939 г.), сістэма дзяржаўнай улады, савецкая беларуская ідэалогія (канцэпцыя беларускай савецкай нацыі), створаны вялікі пласт культуры з беларускімі маркерамі – дзяржаўная мова (упершыню пасля 1696 г.), беларускамоўныя тэатр, кінематограф, новая літаратура, а таксама навука, адукацыя, сродкі масавай інфармацыі; гэты час атрымаў назву беларусізацыі. Завяршаўся працэс этнічнай кансалідацыі на аснове этноніма *беларусы*, які, у першую чаргу ў сялянскім асяроддзі, замяняў назвы *ліцвіны*, *тутэйшыя*, субэтнонім *палешукі*, мікраэтнонімы *пінчукі*, *паляне* і г.д. Упершыню ў этнакультурнай гісторыі беларусаў адзін тып цывілізацыі атрымаў татальнае дамінаванне (выключэннем з’яўляліся каталіцкая, пратэстанцкая канфесіі, творы асобных літаратараў, мастакоў, беларускамоўная рок-музыка). Найбольш відавочна заходняе ўздзеянне праявілася ў грамадскай архітэктуры: гэта мясцовая мадыфікацыя канструктывізму ў 30-е гг., будынкі 70–80-х гг. XX стагоддзя.

Наступны ўздым этнічнасці 90-х г. XX ст. таксама звязаны з інтэнсіфікацыяй цывілізацыйнай парадэгмы – на гэты раз заходняй, ідэалогіяй самастойнай нацыянальнай дзяржаўнасці, правоў чалавека. Яго адметнымі рысамі было зніжэнне ролі сацыялістычнага, сацыяльнага фактару пры рэфлексіі беларускай культуры, звароту ў пошуках этнічнай аўтэнтыкі да ўсяго гістарычнага абшару беларускай культурнай мінуўшчыны, у першую чаргу культуры Вялікага Княства Літоўскага, таксама канца XIX – пачатку XX ст. У пэўнай ступені гэты час адпавядае распаўсюджанай у культурах свету мадэлі механізму адраджэння.

Існаванне Беларусі ў розных цывілізацыйных сістэмах адбілася на параўнальных этнічных характарыстыках гэтых беларускіх этнакультурных утварэнняў. Адным з найбольш істотных вынікаў бінарнага цывілізацыйнага ўздзеяння на беларускую этнічнасць з’яўляецца пэўная дыхатамія, нават апазіцыйнасць паслядоўных гісторыка-культурных комплексаў. Так, новая беларуская этнічная культура другой паловы XIX – пачатку XX ст. утваралася амаль без выкарыстання багатай этнакультурнай спадчыны XV–XVIII стст., якая нават разглядалася творцамі новай культуры як сацыяльна апазіцыйная, чужая. Іншым разам гэты перыяд называецца ў беларускай культуралогіі адраджэннем, аднак, зыходзячы з культурнага інструментарыю гэтай з’явы, дзе галоўнае – зварот да культуры пазапапярэдняга часу, дадзены час у беларускай этнакультурнай гісторыі адраджэннем не з’яўляецца, – гэта быў працэс стварэння новай беларускай культуры, заснаванай на традыцыйна-бытавой культуры сялянства.

У сваю чаргу, новая савецкая беларуская культура падавалася яе ідэолагамі як прынцыпова адметная не толькі ад рэалій часоў Вялікага Княства Літоўскага, але і ад нацыянал-дэмакратычнай плыні этнічнай культуры папярэдняга часу. З 90-х гг. XX ст. на хвалі ўтварэння сучаснага тыпу беларускай культуры рабіліся спробы прадукцыйнага сінтэзу ўсёй этнакультурнай спадчына беларусаў у адзіны этнічны кангламерат, аднак гэты працэс не атрымаў завяршэння.

Такая мадэль этнакультурных працэсаў уласціва і Расіі, якая прайшла перыяды старажытнарускага (Маскоўская дзяржава) часу, рэформ XVIII ст. і новай культурнай рэчаіснасці, савецкага часу і, нарэшце, сучаснай этнакультурнай сітуацыі. Таксама, ў пэўнай ступені, такі фармальны дынамічны канцэпт уласцівы балгарскаму, сербскаму, украінскаму і іншым этнасам. Разам з тым у беларускай культуры змена этнакультурных комплексаў суправаджалася пераходам яшчэ і да іншай бінарнай сістэмы дзяржаўных інстытутаў, моў, што давала дадатковы імпульс дыхатаміі этнакультурных утварэнняў.

Дадзеная асаблівасць этнакультурнай гісторыі мае як станоўчыя, так і адмоўныя вынікі. З аднаго боку, прысутнасць гістарычных этнакультурных кансорцыумаў насычае гістарычны шлях беларускай культуры, робіць яго шматвектарным, плённым для вывучэння. З іншага боку, бінарнасць гістарычных утварэнняў у пэўнай ступені дэфармуе існаванне трансчасовай устойлівай беларускай этнічнасці. Кожны новы этнакультурны кангламерат прапанаваў, навязваў сваю мадэль беларускай этнічнасці (этнагенезу і этнічнай гісторыі), і гэтыя мадэлі часта былі бінарнымі. Менавіта гэтая асаблівасць этнакультурнай гісторыі беларусаў падаецца асноўнай пры тлумачэнні праблем беларускай этнічнасці.

Досыць складана выявіць цывілізацыйны ўплыў у асяроддзі самага вялікага класа беларусаў да другой паловы XX ст. – сялянства, яго замкнёнай традыцыйнай культуры. Разам з тым цывілізацыйныя змены аб'ектыўна ўплывалі на сацыяльныя, псіхалагічныя аспекты сялянства, ствараючы адпаведны этнічны рэзананс. Так, правядзенне ў працэсе пераходу да заходняй парадыгмы валочнай рэформы, якая ліквідавала эканамічную функцыю абшчыны (грамады), заклала падмурак для фарміравання істотнага для псіхалогіі беларускага сялянства (да пачатку савецкага часу і калгасаў) індывідуалізму. Таксама змена канфесійных дамінантаў – распаўсюджванне каталіцызму, потым уніяцтва, затым пераход з уніяцтва праваслаў'е і часткова ў каталіцызм, парманентная наяўнасць у сялянскім асяроддзі розных хрысціянскіх канфесій дэфармавала апарат сістэмнай барацьбы хрысціянства з язычніцтвам, затрымлівала евангелізацыю сялянства. У выніку беларуская сялянская культура захавала вялізны слой паганства, зафіксаваны даследчыкамі другой паловы XIX – пачатку XX ст., які аб'ектыўна ствараў сістэмаўтваральны стрыжань этнаспецыфічнай культуры сялянства. Таксама і звязаная з пераходам ва ўсходнюю цывілізацыю адмена ў 1839 г. уніяцтва абвастрыла

супрацьстаянне афіцыйнага праваслаўя і іншых канфесій, у першую чаргу, каталіцызму ўнутры беларускага этнасу. Заканадаўчыя перашкоды ў Расіі праваслаўным браць шлюб с прадстаўнікамі іншых канфесій актывізавалі дыферэнцыяцыю беларусаў па рэлігійнай прыкмеце, якая існуе і ў наш час.

Такім чынам, цывілізацыйнае і этнічнае ў гісторыі беларускай культуры маюць пэўную сістэмную ўзаемасувязь: пераход да новай цывілізацыйнай супольнасці звязаны з інтэнсіфікацыяй этнічнасці, утварэннем новых спецыфічных мадыфікацый, а таксама навацый. Выключэннем з'яўляецца перыяд канца XVIII – пачатку XIX ст., калі ўваход у склад Расійскай імперыі не зрабіўся значным каталізатарам этнічнасці. Таксама спецыфікай суадносін цывілізацыйнага і этнічнага стала абвостраная апазіцыйнасць новых гістарычных этнакультурных кансорцыумаў унутры беларускай культуры.

ЛІТАРАТУРА

1. Вуглік, І. Р. Да праблемы перыядызацыі гісторыка-культурнага працэсу ў Беларусі / І. Р. Вуглік // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2004. – № 4. – С. 67–71.
2. Углік, І. Г. Циклизм в истории культуры Беларуси / И. Г. Углик // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2014. – С. 91–92.
3. Углік, І. Г. Эволюционистская и диффузионистская парадигмы в истории культуры Беларуси / И. Г. Углик // Человек и общество в противоречиях и согласии : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Н. Новгород, 2012. – Ч. 1. – С. 141–146.
4. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыя, 1993. – 168 с.
5. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі : дапаможнік / У. А. Сосна [і інш.]; пад рэд. Л. В. Лойкі. – 2-е выд., пашыр. і папраўл. – Мінск : РІВШ, 2005, – 334 с.
6. Вуглік, І. Р. Беларуская культура ў сістэме каардынат Усход – Захад / І. Р. Вуглік, А. М. Кушнярэвіч // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2021. – С. 263–268.
7. Жывапіс Беларусі XII–XVIII стагоддзяў. Фрэска. Абраз, Партрэт / склад.: Н. Ф. Высоцкая, Т. А. Карповіч. – Мінск : Беларусь, 1980. – 315 с.
8. Габрусь, Т. В. Стылістычныя аспекты архітэктуры віленскага барока / Т. В. Габрусь // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. – Мінск, 1998. – С. 141–157.

Поступила в редакцию 05.04.2022

І. В. Грабянчук

АКАДЭМІЧНАЯ НАВУКА Ё БССР У 1930-х гг. (на прыкладзе Фізіка-тэхнічнага інстытута БАН)

У артыкуле разгледжаны працэсы ўзнікнення і станаўлення акадэмічнай навукі ў Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы. На прыкладзе Фізіка-тэхнічнага інстытута Беларускай Акадэміі навук прааналізаваны праблемы, якія меліся пры яго стварэнні, а таксама паказаны дасягненні супрацоўнікаў гэтай навуковай установы, іх значэнне для развіцця грамадства.

Вытокі акадэмічнай навукі ў Савецкай Беларусі сягаюць у пачатак 20-х гадоў XX ст., калі ў 1921 г. была створана комплексная арганізацыя – Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт). Яго узнікненне стала магчымым дзякуючы знакавай з’яве той эпохі – беларусізацыі – афіцыйнай палітыцы нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва ў БССР. Яна ўключала важнейшыя для фарміравання беларускай нацыі накірункі: станаўленне дзяржаўнасці, развіццё нацыянальнай эканомікі, вылучэнне на кіруючую працу беларусаў, развіццё нацыянальнай адукацыі, навукі і культуры, роднай мовы і інш. Дзякуючы палітыцы беларусізацыі народ перажываў небывалы раней ўздым творчых сіл.

10 ліпеня 1926 г. Савет Народных Камісараў БССР пастанавіў лічыць неабходным з 1926/1927 акадэмічнага года даць Інстытуту беларускай культуры кірунак да яго паступовага пераўтварэння ў Беларускаю акадэмію навук [1, с. 12–14; 2, с. 8].

14 кастрычніка 1928 г. цэнтральныя газеты рэспублікі апублікавалі пастанову Цэнтральнага Выканаўчага камітэта і Савета Народных Камісараў (Саўнаркама) БССР “Аб рэарганізацыі Інстытута беларускай культуры ў Беларускаю акадэмію навук”. Згодна з гэтым дакументам рэарганізацыя ажыццяўлялася “ў мэтах сацыялістычнага будаўніцтва, а таксама для стварэння магчымасці яшчэ больш інтэнсіўнага развіцця навуковай дзейнасці ў галіне беларускай культуры і даследчай работы ў БССР, яшчэ большага згуртавання ўсіх вучоных, якія гатовы аддаць свае веды на карысць рабочых і сялян, стварэння больш спрыяльных умоў падрыхтоўкі навуковых кадраў...” (Цыт. па: [3, с. 14]).

Урачыстае адкрыццё Беларускай акадэміі навук (БАН) адбылося 1 студзеня 1929 г., у дзясятую гадавіну ўтварэння БССР. У першыя гады свайго існавання, у 1929–1931 гг., Акадэмія захоўвала ў асноўным структуру Інбелкульту. У штаце акадэмічных устаноў, уключаючы бібліятэку, налічвалася 239 супрацоўнікаў [2, с. 8–9].

У 1931 г. БАН перайшла ад сістэмы шматлікіх і невялікіх кафедраў і камісій са складаным механізмам кіравання да сістэмы досыць буйных інстытутаў, падпарадкаваных непасрэдна Прэзідыуму Акадэміі навук. Важным крокам у справе перабудовы структуры Акадэміі стала рашэнне Прэзідыума БАН ад 29 сакавіка 1931 г. аб стварэнні некалькіх навукова-даследчых інстытутаў. У выніку рэарганізацыі да сярэдзіны 1931 г. у складзе Акадэміі налічвалася 12 навукова-даследчых інстытутаў. Сярод іх быў і Фізіка-тэхнічны інстытут, створаны на базе былой кафедры фізікі Акадэміі і аддзела энергетыкі Інстытута прамысловасці [4, с. 8].

Прапанаваная рэарганізацыя структуры Беларускай акадэміі навук была зацверджана пастановай Саўнаркама БССР ад 13 мая 1931 г. Згодна з дакументам Фізіка-тэхнічны інстытут займаўся даследаваннямі ў галіне фізікі, тэхнікі, астраноміі і матэматыкі. Будынак новага інстытута знаходзіўся ў Менску, у доме пад нумарам 29/35 на рагу вуліц Ленінскай і Універсітэцкай.

Дастаткова цэласнае ўяўленне аб Фізіка-тэхнічным інстытуце ў першы год яго працы дае дакумент, які захоўваецца ў фондах Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Гэта справаздача аб выніках аналізу працы інстытута, датаваная 15 лютага 1932 г. [5, арк. 133–134]. Яна напісана на беларускай мове, як і шмат іншых дакументаў згаданага фонда, прысвечаных дзейнасці інстытута ў 1930-х гг. Дадзены факт пацвярджае выснову сучаснай айчыннай гістарыяграфіі, што магутны ўплыў на грамадскае жыццё, які зрабіла беларусізацыя, не быў адразу спынены пасля яе афіцыйнага згортвання ў 1929 г.

З дакумента можна даведацца, што Фізіка-тэхнічны інстытут пры Беларускай акадэміі навук быў створаны 13 мая 1931 г. Агульная карціна становішча спраў апісана наступным чынам: “супрацоўнікі Інстытута адзначаюць, што з іх боку ў 1931 г. была зроблена памылка ў сэнсе пераацэнкі сваіх сіл і магчымасцяў, з-за чаго намечаны на 1931 г. план выкананы не цалкам. Умовы, у якіх інстытуту неабходна было разгортваць сваю працу, былі вельмі дрэннымі: адсутнасць добрага памяшкання, абсталявання, недастатковасць сродкаў і навуковых работнікаў, надыходзячыя летнія адпачынку і г. д. На фоне гэтых канкрэтных пералічаных умоваў мы маем у 1931 г. 5 месяцаў сталай працы Інстытута” [5, арк. 133].

Да канца 1931 г. супрацоўнікі Фізіка-тэхнічнага інстытута паспелі прадставіць шэсць работ па матэматыцы ў выдавецтва БАН, свой навуковы зборнік у выдавецтва БДУ, два артыкулы метадалагічнага зместу ў навуковы часопіс (у які канкрэтна – у дакуменце не сказана), выдалі шэраг іншых работ. У мэтах папулярызацыі навуковых ведаў яны прачыталі некалькі дакладаў па матэматыцы і фізіцы.

Правяраючая інстытут брыгада выявіла шэраг недахопаў у яго працы:

- 1) пытанні тэхнікі і тэхнічнай прапаганды ў плане на 1931 г. хоць і закраналіся, але засталіся нераспрацаванымі і нявыкананымі;
- 2) інстытут не меў сувязі з іншымі навукова-даследчымі інстытутамі і прадпрыемствамі;
- 3) праблемы абараназдольнасці краіны інстытутам не закраналіся і не распрацоўваліся;
- 4) адсутнічала выразная сістэма ўліку працы супрацоўнікаў;
- 5) у дзейнасць інстытута не былі ўцягнутыя студэнты і аспіранты, прычым некаторыя супрацоўнікі лічылі наогул немэтазгоднай працу ў гэтым кірунку са студэнтамі і аспірантамі першага года навучання;
- 6) супрацоўнікі інстытута (усяго іх налічвалася 17 чалавек) былі празмерна перагружаныя працай у іншых установах.

У плане працы інстытута на 1932 г. задача першараднай важнасці была сфармуляваная наступным чынам: “паставіць сістэму ўліку на належную вышыню, звярнуўшы асаблівую ўвагу на месячную справаздачу кожнага супра-

цоўніка аб праведзенай ім працы” [5, арк. 133 адв.]. Наступным крокам павінна было стаць вызваленне супрацоўнікаў інстытута ад працы ў іншых установах. Таксама прадугледжвалася рашэнне і астатніх праблемных пытанняў: наладжванне сувязяў з іншымі навукова-даследчымі інстытутамі і прадпрыемствамі праз Саветы народнай гаспадаркі, з ваеннымі спецыялістамі, прыцягненне да працы інстытута студэнтаў і аспірантаў [5, арк. 133 адв. – 134].

У 1932 г. у складзе Фізіка-тэхнічнага інстытута былі створаны лабараторыі электрамагнітных ваганняў (загадчык – Яўген Васільевіч Сняткоў), электратэхнікі (загадчык – Міхаіл Дзмітрыевіч Каўцэвіч), геофізікі (загадчык – акадэмік АН БССР Аляксей Іванавіч Кайгародаў), металафізікі і рэнтгенаструктурнага аналізу (загадчык – Іосіф Паўлавіч Шапіра). Тут працавалі 14 супрацоўнікаў і 24 аспіранты [4, с. 8].

Вялікую працу ў лабараторыі геофізікі праводзіў яе кіраўнік А. І. Кайгародаў. Ён быў стваральнікам і дырэктарам Беларускай геофізічнай абсерваторыі і адначасова супрацоўнікам Фізіка-тэхнічнага інстытута. Ім была створана, у прыватнасці, натуральная занальная класіфікацыя кліматаў Зямлі [4, с. 9; 6, с. 111].

Асобна неабходна сказаць пра першага дырэктара інстытута. Ім быў прызначаны вядомы матэматык, акадэмік Беларускай акадэміі навук Бурсцін Цэlestын Лявонавіч. Ён нарадзіўся ў 1888 г. ва ўкраінскім горадзе Цярнопалі, які ў той час знаходзіўся ў складзе Аўстра-Венгерскай імперыі. У 1911 г. скончыў Венскі ўніверсітэт, а ў 1912 г. атрымаў навуковую ступень доктара філасофіі.

Цэlestын Бурсцін адрозніваўся вальнадумствам, прытрымліваўся левых палітычных поглядаў, актыўна ўдзельнічаў у працы Камуністычнай партыі Аўстрыі, за што быў выгнаны з выкладчыцкай працы ў Венскім універсітэце з “воўчым білетам”. Далейшы яго лёс быў звязаны з Беларуссю.

Камуніст Бурсцін у 1929 г. стаў прафесарам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, узначаліўшы нядаўна створаную кафедру геаметрыі. З часам венскі эмігрант займаў усё больш прыкметнае месца ў беларускай навуцы: стаў акадэмікам, з’яўляўся старшынёй на міжнародных канферэнцыях, выдаваў падручнікі на беларускай мове для студэнтаў і публікаваў артыкулы за мяжой [6, с. 47; 7, с. 7].

Навуковыя інтарэсы першага дырэктара інстытута Цэlestына Бурсціна ахоплівалі розныя галіны матэматыкі: дыферэнцыяльную геаметрыю, рыманову геаметрыю, дыферэнцыяльныя ўраўненні, праблемы лінейнай алгебры, механікі, а таксама тэорыі адноснасці. Шмат у чым дзякуючы навуковым зацікаўленням дырэктара ў той перыяд у інстытуце праводзіліся даследаванні па матэматыцы і механіцы, тэарэтычнай фізіцы, радыётэхніцы, структурнаму аналізу матэрыі, цеплафізіцы, геофізіцы; частка была прысвечана некаторым праблемам электра- і цеплаэнергетыкі.

Такі шырокі ахоп навуковых даследаванняў паслужыў падставай для перайменавання Фізіка-тэхнічнага інстытута: у лютым 1933 г. ён стаў называцца Фізіка-матэматычным інстытутам. У 1934–1936 гг. установа мела свой друкаваны орган – “Зборнік прац Фізіка-матэматычнага інстытута” [8, с. 104]. Пазней інстытут вярнуўся да сваёй першапачатковай назвы.

У першай палове 1930-х гадоў Фізіка-тэхнічны (фізіка-матэматычны) інстытут засяродзіў галоўныя намаганні на праблемах дыферэнцыяльнай геаметрыі, такіх як выгінанне паверхняў, умяшчэнне паверхняў, паралельнае

перасоўванне ў прасторы і праблема механікі ў дыферэнцыяльнай геаметрыі. Да 15-годдзя БССР у 1934 г. яго супрацоўнікі рапартавалі аб сваіх распрацоўках у галіне тэорыі гіперкомплексных лікаў і іх прыстасаванні, аксіёмікі геаметрыі, метэаралогіі, кліматалогіі і аграфізікі. Былі закранутыя праблемы дысперсіі і мадуляцыі кароткіх хваль у радыёэлектроніцы, праблемы паляпшэння каэфіцыентаў магутнасці электраўстановак БССР. Таксама ўвага была нададзена праблемам фізічнага метаду матэматыкі і сферычнай трыганаметрыі, энергетычных рэсурсаў БССР і праблем іх выкарыстання, алгебраічнай праблемы метрычнага вылічэння і гіперкомплексных лікаў [1, с. 98].

За кароткі тэрмін інстытут стаў вядучым навукова-даследчым цэнтрам БССР у галіне фізіка-матэматычных навук. Як і ў іншых інстытутах Беларускай акадэміі навук, усе распрацаваныя праблемы навукоўцы выносілі на абмеркаванне шырокай грамадскасці. Даследчыкі інстытута прадстаўлялі даклады ў фізіка-матэматычнай асацыяцыі, якая аб'ядноўвала навуковых і навукова-педагагічных кадры ўсёй рэспублікі. Для павышэння кваліфікацыі навукоўцаў і папулярызацыі дасягненняў навукі ў 1926, 1929 і 1935 гадах былі праведзены тры Усебеларускія фізіка-матэматычныя канферэнцыі.

Пачынаючы з 1933 г., навукова-даследчая праца інстытута стала фарміравацца з улікам новай тэндэнцыі – развіцця ў Рэспубліцы металаапрацоўчай прамысловасці. За гады першых пяцігодак у Савецкай Беларусі было пабудавана і рэканструявана больш за 1 700 прадпрыемстваў. Навукоўцамі Фізіка-тэхнічнага інстытута былі створаны мікраскопы для даследавання металаў і прыбор для вызначэння крытычных кропак сплаваў з аўтаматычнай рэгістрацыяй экза- і эндатэрмічных эфектаў, распрацоўваліся працэсы павярхоўнай тэрмамеханічнай апрацоўкі металаў. У рэнтгенаўскай лабараторыі вывучаліся змены параметраў металічных узораў пры розных відах механічнай апрацоўкі [7, с. 16].

Калектыў інстытута сумесна з Беларускім металургічным трэстам у 1935 г. ініцыяваў правядзенне ў Менску першай канферэнцыі па фізіцы металаў. У ёй удзельнічалі інжынерна-тэхнічныя работнікі металаапрацоўчых заводаў БССР і работнікі навукова-даследчых інстытутаў, якія спецыялізаваліся ў гэтай галіне. Асноўная ўвага на канферэнцыі надавалася пытанням прымянення розных метадаў вымярэння тэмпературы, хімічнага і металаграфічнага аналізу і іншых метадаў, якія недастаткова выкарыстоўваліся на металаапрацоўчых заводах БССР.

Удзельнікі намерзілі шэраг мерапрыемстваў па далейшым паляпшэнні працы завадскіх лабараторый, распрацоўцы і вырабе дакладных вымяральных прыбораў і наладжванні сістэматычных кансультацый на металаапрацоўчых прадпрыемствах. Таксама на канферэнцыі меркавалася вырашыць задачы, звязаныя з тым, як палепшыць якасць прадукцыі, знізіць колькасць вытворчага браку, павысіць прадукцыйнасць працы і наладзіць больш цеснае супрацоўніцтва інстытута з прадпрыемствамі металаапрацоўчай прамысловасці рэспублікі [Там жа, с. 17].

Далёка не ўсё з намечанага ўдалося ажыццявіць. У матэрыялах Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі захаваўся план навукова-даследчай работы інстытута на 1935 г. У дакуменце прыцягвае ўвагу адзін пункт – бяздروгавая сувязь і яе значэнне [5, с. 50]. Масавыя сталінскія рэпрэсіі, апагей якіх

прышоўся на 1937–1938 гады, моцна закранулі і акадэмічную навуку Беларусі. Шмат якія з запланаваных даследаванняў па гэтай прычыне ажыццявіць ўжо было немагчыма. Што датычыцца бяздратавай сувязі, то ў Вялікую Айчынную вайну, асабліва на яе пачатковым этапе, Чырвонай арміі катастрофічна не хапала такіх сродкаў, і гэта акалічнасць вельмі моцна зніжала яе баяздольнасць, прыводзіла да вялікіх страт.

5 студзеня 1938 г. Бюро ЦК КПБ(б) прыняло пастанову “Аб практычных мерапрыемствах па далейшай працы Акадэміі навук БССР”, дзе гаварылася: “Заслухаўшы даклад Кавалёва (старшыні СНК БССР) аб практычных мерапрыемствах па далейшай працы Акадэміі навук БССР, Бюро ЦК КПБ(б) адзначае, што ў АН БССР з моманту яе арганізацыі зламаны дзейнічалі лютыя ворагі народа, якія паставілі сваю працу так, што яна была падпарадкавана выкананню іх шпіёнска-шкодніцкіх, дыверсійных заданняў...

Усе інстытуты Акадэміі будавалі сваю тэматыку так, што яна была адарваная ад сацыялістычнага будаўніцтва...

Зыходзячы з вышэйпаказанага, Бюро ЦК КПБ(б) пастанаўляе:

...3. У мэтах лепшай арганізацыі навукова-даследчай працы інстытутаў Акадэміі навук і канцэнтрацыі навукова-даследчых кадраў вызначыць наступную структуру Акадэміі навук БССР: 1) аддзяленне прыродазнаўчых навук; 2) аддзяленне грамадскіх навук. У складзе аддзялення прыродазнаўчых навук пакінуць наступныя інстытуты: торфу, геалогіі, хіміі, біялогіі і батанікі, на базе аграгалебавага інстытута арганізаваць Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі, медыцынскі кабінет. У складзе аддзялення грамадскіх навук пакінуць наступныя інстытуты: гісторыі, літаратуры і мовы.

4. Інстытут эканомікі і фізіка-тэхнічны, якія не апраўдалі сябе – скасаваць...” (Цыт. па: [3, с. 52–53]).

У 1937–1938 гг. безпадстаўна, на аснове паклёпаў і прыдуманых абвінавачванняў, былі арыштаваныя вядомыя беларускія навукоўцы, арганізатары навукі, дзеячы культуры, у тым ліку акадэмікі Я. Н. Афанасьеў, Ц. Л. Бурсцін, П. А. Горын, Т. Ф. Домбаль, І. І. Замоцін, З. Ф. Жылуновіч, С. Ю. Матулайціс, П. Я. Панкевіч, І. А. Пятровіч, В. А. Сербента, І. З. Сурта, Б. А. Тарашкевіч, В. К. Шчарбакоў, члены-карэспандэнты С. Х. Агурскі, А. І. Александровіч, Я. А. Бранштэйн, С. П. Мельнік, І. Д. Харык, Б. М. Шпенцар [9, с. 11].

Усяго ў 1930–1940-х гг. было рэпрэсавана 143 супрацоўнікі Акадэміі навук БССР. Устаноўлены прозвішчы 42 чалавек з ліку рэпрэсаваных супрацоўнікаў Акадэміі, якія, як сведчаць матэрыялы з КДБ БССР, былі расстраляныя ў канцы 1930-х гг. у Менску [Там жа, с. 12].

5 сакавіка 1937 г. Цэlestын Бурсцін прыняў на сябе павышаныя абавязальствы ў межах сацыялістычнага спаборніцтва. Аднак 10 снежня 1937 г. вучоны быў арыштаваны па абвінавачванні ў “шпіёнска-дыверсійнай дзейнасці”. 2 кастрычніка 1938 г. ён памёр у турэмнай бальніцы. Крымінальная справа ў адносінах да яго была спыненая Галоўнай ваеннай пракуратурай 2 сакавіка 1956 г. за адсутнасцю саставу злачынства. Ёсць версія, што Ц. Бурстын быў рэпрэсаваны па прычыне яго знаёмства са знакамітым вучоным Альбертам Эйнштэйнам і з-за спробы запрасіць вялікага фізіка на працу ў Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт [7, с. 14–15].

Па пастанове пазасудовай “тройкі” 27 кастрычніка 1937 г. быў расстраляны яшчэ адзін супрацоўнік Фізіка-тэхнічнага інстытута – вучоны сакратар Міхаіл Дзмітрыевіч Каўцэвіч, кандыдат тэхнічных навук. Ён быў пасмяротна рэабілітаваны Ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда СССР 20 ліпеня 1957 г.

Такім чынам, для фарміравання акадэмічнай навукі ў БССР рашаючае значэнне мела дзейнасць Інбелкульта – першага шматпрофільнага навукова-даследчага цэнтра. Закладзеныя ім традыцыі забяспечылі назапашванне, захаванне і трансляцыю навуковага вопыту. Да сярэдзіны 1930-х гг. ужо быў закладзены падмурак для стварэння беларускай фізічнай школы дзякуючы намаганням лепшых розумаў – супрацоўнікаў фізіка-матэматычнай падсекцыі Інбелкульта, фізіка-матэматычнага факультэта БДУ і Фізіка-тэхнічнага інстытута Беларускай акадэміі навук. Навукова-даследчыцкая праца навукоўцаў гэтай школы забяспечвала важкі ўнёсак у індустрыяльнае развіццё краіны. Аднак масавыя палітычныя рэпрэсіі і Вялікая Айчынная вайна нанеслі велізарную шкоду айчыннай навуцы. Пасля вайны прыйшлося практычна зноўку фарміраваць фізічныя структурныя падраздзяленні, рыхтаваць навуковыя кадры і займацца абсталяваннем лабараторый.

ЛІТАРАТУРА

1. *Шпілеўскі, І. Ф.* Беларуская акадэмія навук : да XV-годдзя БССР / І. Ф. Шпілеўскі. – Менск : Выд-ва БАН, 1934. – 143 с.
2. Навука ў Беларускай ССР за 40 год ; рэдкал.: В. Ф. Купрэвіч [і інш.]. – Мінск : Выд-ва АН Беларус. ССР, 1958. – 476 с.
3. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі : іст.-док. летапісь, 1928–2008 гг. / сост.: Г. В. Корзенко [і др.] ; редкол.: М. В. Мясніковіч [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 604 с.
4. Фізіка-тэхнічны інстытут Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі : іст. очерк ; под ред. акадэміка А. І. Гордіенка. – Мінск : ФТИ НАН Беларусі, 2016. – 146 с.
5. Дакументы аб дзейнасці Фізіка-тэхнічнага інстытута Беларускай акадэміі навук // Цэнтр. навук. архіў НАН Беларусі. – Ф. 36. – Воп. 1. – Спр. 4.
6. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі : персанальны состав, 1928–2015 / сост.: Т. С. Буденкова [і др.] ; редсов.: В. Г. Гусаков (пред.) [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 557 с.
7. *Гребенчук, І. В.* Двигаясь вместе : 90 лет / И. В. Гребенчук // Фізіка-тэхнічны інстытут НАН Беларусі / редкол.: А. І. Гордіенка [і др.]. – Мінск : Колорград, 2021. – 111 с.
8. *Гапоненка, О. А.* Інстытут беларускай культуры і фарміраванне навуковага грамадства фізікаў Беларусі / О. А. Гапоненка // Інстытут беларускай культуры і становленне навукі ў Беларусі : к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. науч. конф., Мінск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [і др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 100–108.
9. Возвращенные имена : Сотрудники АН Беларусі, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев ; под ред. А. С. Махнач. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.

Поступила в редакцию 31.03.2022

РОЛЯ ГЕРМАНСКАГА ФАКТАРУ Ё РАЗВІЦЦІ ЭКАНОМІКІ І ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Статья посвящена роли германских капиталов, предпринимателей и специалистов в развитии экономики и промышленности Беларуси XIX – начала XX в. Названы основные уровни развития белорусско-германских экономических связей того времени. Охарактеризован ассортимент белорусского экспорта в Германию и перечислены основные промышленные товары, ввозимые с этой страны в Беларусь. Обращено внимание на то, что упомянутые предприниматели и специалисты сосредотачивали свои устремления на наиболее технично оснащенных и технологически сложных предприятиях белорусской экономики того времени – текстильной, химической, бумажной промышленности, металлообработке и машиностроении.

Беларуска-германскія эканамічныя сувязі маюць шматвяковую гістарычную традыцыю. Яна заключаецца не толькі ў гандлёвых кантактах яшчэ з часоў Ганзы, але і ахоплівае больш шырокі спектр эканамічнага супрацоўніцтва – ад пераносу новых тэхналогій і да асабістага ўдзелу прамыслоўцаў ў развіцці эканамічнага і прамысловага патэнцыялу беларускіх зямель. Таму мэта публікацыі – ахарактарызаваць ролю германскіх капіталаў, прадпрымальнікаў і прамыслоўцаў у развіцці эканомікі і прамысловасці Беларусі XIX – пачатку XX ст. у рамках распрацоўкі аднаго з раздзелаў індывідуальнай навуковай тэмы, прысвечанай беларуска-германскім этнакультурным кантактам XIII–XIX стст. ва ўсёй іх разнастайнасці.

Найперш неабходна адзначыць, што ўсталяванню стабільных беларуска-германскіх эканамічных сувязяў спрыяла наяўнасць агульных межаў паміж германскімі землямі і тымі дзяржавамі, у склад якіх уваходзілі беларускія землі – Вялікім Княствам Літоўскім, Рэччу Паспалітай і Расійскай імперыяй. У развіцці гэтых сувязяў у XIX – пачатку XX ст. можна выдзеліць тры ўзроўні. Па-першае, гэта міждзяржаўныя адносіны Расійскай імперыі і Германіі і іх уплывы на развіццё народнай гаспадаркі беларускіх губерняў. Па-другое, гэта месца, якое займала Беларусь у знешнім гандлі з Германіяй. Па-трэцяе, гэта непасрэднае вядзенне эканамічнай дзейнасці прадстаўнікамі германскіх дзяржаў на беларускай зямлі.

Міждзяржаўныя расійска-германскія адносіны стваралі ўмовы для рэалізацыі беларуска-германскіх эканамічных сувязяў. У многім на іх развіццё, а таксама сістэмы шляхоў зносін уплывала мытная палітыка дзвюх суседніх дзяржаў – Расійскай імперыі і Каралеўства Прусіі. Напрыклад, мытныя супярэчнасці прывялі ў першай чвэрці XIX ст. да думкі злучыць Нёман і Віслу водным шляхам у абход прускіх зямель. У выніку з'явіўся праект Аўгустоўскай воднай сістэмы на стыку беларускіх і польскіх губерняў, стварэнне якой вялося ў 1824–1839 гг. [1, с. 14–15].

Будаўніцтва чыгункі ў беларускіх губернях таксама было праблемай міждзяржаўнай палітыкі. У 1861 г. Таварыства Кёнігсбергска-Львускай чыгункі прапанавала царскаму ўраду працягнуць гэту дарогу да Гродна, а ў перспектыве

і да Пінска. Пазней гэтая прапанова была паўторана прускім пасланнікам у Пецяўбургу і Усходне-Прускім Таварыствам чыгунак. Аднак папярэднія ўмовы, выказаныя расійскім Камітэтам чыгунак, не задаволілі прускі бок, у выніку ў 1873 г. Брэст і Граева на прускай мяжы злучыла 199-вёрстная чыгунка, пабудаваная расійскім акцыянерным таварыствам [2, с. 87].

Развіццю ўстойлівых эканамічных сувязей паміж беларускімі губернямі і нямецкімі землямі садзейнічала наяўнасць прамых водных шляхоў зносін, дапоўненых у другой палове XIX ст. чыгункамі. Цікава, што амаль манапольнае месца ў лясным гандлі з Германіяй належала Беларусі. Гэтаму садзейнічалі лясныя рэсурсы беларускіх губерняў і параўнаўчая таннасць і зручнасць дастаўкі ляснога тавару водным шляхам на германскія лясныя рынкі. Пры гэтым попыт на беларускі лес пастаянна ўзрастаў. У апошняй трэці XIX ст. пачала складвацца даволі зладжаная сістэма беларускага ляснога экспарту ў Германію. У многім гэта звязана са значным пашырэннем ляснога гандлю пасля адмены ў 1868 г. вывазнай пошліны на лес. З басейна Нёмана лес сплаўляўся ў Тыльзіт і Мемель. Беларускае Палессе ў асноўным было арыентавана на Заходні Буг, а далей па Вісле лес дастаўляўся ў Бромберг і Данцыг. Акрамя прамога сплаву па рэках беларускі лес трапляў у Германію і праз балтыйскія парты Расійскай імперыі (Пецяўбург, Кранштат, Рэвель, Пернаў, Рыга, Віндава, Лібава). Пры гэтым амаль палова ляснога экспарту праходзіла праз Рыгу, куды лес вывозіўся ў асноўным з беларускага Падзвіння і з басейна Беразіны па аднайменнай воднай сістэме.

Часам нямецкія прадпрымальнікі займаліся самастойнай распрацоўкай лясных нетраў Беларусі. Стабільна ўзрастаў і экспарт у Германію прадукцыі беларускай сельскай гаспадаркі, у прыватнасці мяса. З Германіі ў беларускія губерні ўвозіліся прамысловыя тавары. К канцу XIX ст. вырас увоз у беларускія губерні машын і абсталявання вытворчасці нямецкіх фірм. Так, буйнейшыя заводы Германіі сельскагаспадарчага машынабудавання прапаноўвалі беларускім спажывцам сваю прадукцыю (конныя і ручныя малацілкі, касілки, снопавязалкі).

Майстры і рамеснікі з Германіі здаўна былі вядомыя на беларускіх землях. Сярод беларускіх губерняў вялікай колькасцю немцаў-прадпрымальнікаў і рабочых выдзялялася Гродзенская губерня. Прычынай гэтага з'яўляецца не толькі блізкасць прускай мяжы, але і наступствы эканамічных ператварэнняў, якія ў эпоху заняпаду Рэчы Паспалітай спрабаваў правесці на гродзенскай зямлі граф Антоні Тызенгаўз. Нават пасля 1795 г. не ўсе замежныя майстры, запрошаныя ім для працы ў Гродзенскай эканоміі, вярнуліся на радзіму [1, с. 17–18].

Як правіла, і ў далейшым германскія прадпрымальнікі і прамыслоўцы засяроджвалі свае намаганні на найбольш тэхнічна абсталяваных і тэхналагічна складаных прадпрыемствах беларускай эканомікі таго часу – тэкстыльнай, хімічнай і папяровай прамысловасці, металаапрацоўцы і машынабудаванні. Германскіх майстроў ахвотна наймалі на свае прадпрыемствы беларускія прадпрымальнікі. Так, у многім дзякуючы ім і завезенаму з Германіі абсталяванню, пасля пачала дзейнічаць суконная фабрыка Аляксандра Скірмунта,

адкрытая ў 1836 г у Парэччы. У хуткім часе яна стала лепшай беларускай тэкстыльнай фабрыкай. У 1851 г. на ёй працавалі прускія падданыя – суконшчык Франц Коммес і шпільмайстар Вернар Цэллер [3, с. 31–33]. На Адахоўскай суконнай фабрыцы (Навагрудскі ўезд) у памешчыка Казіміра Рдултоўскага ў 1840 г. былі не толькі “машыны замежныя”, але і чатыры майстры-немцы. Тады ж 9 майстраў і 20 рабочых з Прусіі працавалі на суконнай фабрыцы ў мястэчку Ізабелін. Германскія прадпрымальнікі неслі на беларускія землі ініцыятыву і вытворчы вопыт. Напрыклад, выхадзец з Прусіі Эдуард Ціль з 1851 г. займаўся пабудовай бяролін у маёнтку Сінчыцах Пінскага ўезда. У гэтым жа ўездзе яго суайчыннік Іаган Кірш з 1849 г. працаваў хімікам на Альбрэхтаўскім стэарынавым заводзе. З 1877 г. функцыянаваў у Мінску мылаварны завод прускага падданага Б. Блімовіча. Чыгуна-ліцейны і механічны завод Рудольфа Шмідта ў Брэсце, адкрыты ў 1870 г., праводзіў рамонт сельска-гаспадарчых машын і абсталявання. Адну з першых у Беларусі аўтарамонтную майстэрню адкрыў у пачатку XX ст. у Віцебску германскі падданы Гуго Ленгельфельд. Ён жа з’яўляўся гандлёвым прадстаўніком аўтамабільнай фірмы “Комнік” з Эльблонга. Германскі падданы Іаган Лютберг валодаў у пачатку стагоддзя ў Стоўбцах каўбаснай крамай з гадавым абаротам 10 тыс. руб. Яго суайчынніку Густаву Баўэру належылі тры каўбасныя крамы ў Мінску: па Губернатарскай вуліцы ў доме Поляка, па Захар’еўскай вуліцы ў доме Машкілейсана і па Грыгор’еўскай вуліцы ва ўласным доме. Аднак па-ранейшаму найбольшая колькасць германскіх прадпрымальнікаў даводзілася на Гродзенскую вобласць. Самыя ж буйныя прадпрыемствы, якія належалі германскім падданым, былі ў лясной прамысловасці. Прадпрымальнікі з Германіі працавалі не толькі ў прамысловасці, але і ў сельскай гаспадарцы Беларусі. Пры гэтым варта адзначыць, што наяўнасць замежнікаў у кіраўнічым апарате была даволі распаўсюджанай з’явай у беларускіх маёнтках, імі часцей за ўсё становіліся падданыя германскіх дзяржаў. Адным з найбольш яркіх прыкладаў узорнай сельскагаспадарчай вытворчасці другой паловы XIX ст. з’яўляюцца валоданні графа Храптовіча, які поспехамі ў многім абавязаны ўмелым дзеяннем сваіх кіраўнічых кадраў. З 1851 г. у фальварку Мураванка служыў эканомам прускі падданы Карл Аўгуст Браўн, а ў маёнтку Шчорсы – віртэнбергскі падданы Вільгельм Фаазэ. Саксонскі падданы Фердынанд Фішэр служыў больш за сорок гадоў галоўным упраўляючым маёнткамі графа Храптовіча – Шчорсамі і Вішнева ў Мінскай губерні і Бешанковічамі ў Віцебскай губерні [1, с. 19]. Немцы займалі ў беларускіх маёнтках і больш нізкія адміністрацыйна-гаспадарчыя пасады. Так, у першай чвэрці XIX ст. у Гомельскім маёнтку графа Н. П. Румянцава працавалі эканомы Оландэр і Шеленберг, бухгалтар Грум, ветэрынар Гейслед, гадзіннікавы майстар Цідэман, булачны майстар Тарант, столяр Фогель, півавар Вольфарт, механік Енгель, ліцейны майстар Ланге, меднік Мілер [4, с. 23].

Уплывы германскіх капіталаў праявіліся і на формах арганізацыі прамысловасці. Характэрным узорам у гэтых адносінах з’яўляецца рэалізацыя ініцыятывы дырэктара Добрушскай папяровай фабрыкі А. І. Стульгінскага

аб стварэнні Саюза фабрыкантаў па вытворчасці паперы па ўзору Verein'a Deutscher Papierfabrikanten. Да таго ж А. І. Стульгінскі быў асабіста знаёмы з арганізацыяй папяровай прамысловасці Германіі, бо ў пачатку 70-х гг. XIX ст. наведаў папяровыя фабрыкі ў Вертгейме (паблізу Гановера) і ў Гайнсбергу (паблізу Дрэздэна). Яго артыкулы, прысвечаныя тэхналогіі вытворчасці паперы, друкаваліся ў нямецкіх навукова-тэхнічных выданнях («Papier Zeitung» і інш.). А. І. Стугельскі ўкараніў у Добрушы шэраг перадавых тэхналогій нямецкіх папяровых фабрык. Частка абсталявання Добрушскай папяровай фабрыкі – найбольш тэхнічна дасканалага беларускага прадпрыемства таго часу – была прывезена з Германіі. Нямецкае абсталяванне стаяла і на Добрушскай электра-станцыі, адкрытай у 1889 г. – першай на тэрыторыі Беларусі.

У XIX – пачатку XX ст. германскія капіталы і нямецкія прадпрымальнікі займалі першае месца сярод замежных эканамічных партнёраў Беларусі. На працягу гэтага часу беларуска-нямецкія эканамічныя сувязі мелі ўстойлівую тэндэнцыю свайго росту як у колькасных так і якасных адносінах. Гэтым сувязям уласцівы не разавы, а стабільны характар і ахоплівалі яны практычна ўсе ўзроўні эканамічнага супрацоўніцтва ад міждзяржаўнай эканамічнай палітыкі да асабістага ўдзелу ў развіцці эканомікі двух народаў. Маштабы германа-беларускіх эканамічных сувязяў і паўната іх форм, якія былі дасягнуты ў ходзе развіцця рынкавых адносін і эканамічнай эвалюцыі XIX – пачатку XX ст., не былі перасягнутыя на працягу ўсяго наступнага гістарычнага перыяду [1, с. 20–21].

Такім чынам, германскія капіталы, прадпрымальнікі і адмыслоўцы былі даволі важкімі як у колькасных, так і якасных адносінах на Беларусі, што садзейнічала яе інтэграцыі ў еўрапейскую эканамічную сістэму. Яны выступаюць як істотны фактар паступовага развіцця германа-беларускіх эканамічных адносін у гэты час. Германа-беларускае эканамічнае ўзаемадзеянне ў разглядаемы час сведчыць пра здольнасць айчыннай прамысловасці да ўспрымання перадавых заходніх тэхналогій.

Літаратура

1. *Киштымов, А.* Германские капиталы и немецкие предприниматели в экономике Беларуси XIX – начала XX в. // *Беларусіка – Albaruthenica*. Кн. 7. Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы / рэд.: Л. Кулажанка, А. Мальдзіс. – Мінск, 1996. – С. 13–21.
2. *Дякин, В. С.* Германские капиталы в России / В. С. Дякин. – Л.: Наука, 1971. – 170 с.
3. *Киштымов, А.* Скирмунты: династия предпринимателей / А. Киштымов // *Деловой вестник*. – 1994. – № 9–10. – С. 30–35.
4. *Киштымаў, А.* Гомельскі маёнтак графа М. П. Румянцава: вопыт гаспадарання / А. Кіштымаў // *БГЧ*. – 1995. – № 1. – С. 21–25.

Поступила в редакцию 16.03.2022

НЯМЕЦКІЯ ТРАФЕЙНЫЯ ДАКУМЕНТЫ
АБ НАЦЫСЦКІМ ГЕНАЦЫДЗЕ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1942 г.
(на матэрыялах калекцыі НАРБ “Александрыйскія мікрафільмы”)*

В статье анализируется источниковедческий потенциал немецких трофейных документов НАРБ, прежде всего из малоизвестной коллекции «Александрийские микрофильмы» по истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Впервые вводятся конкретные сведения о последствиях проведения германской оккупационной властью, в том числе охранными частями вермахта, подразделениями полиции, среди них местной полиции и СД, полевой жандармерии карательных акций на оккупированной белорусской территории в течение нескольких последующих месяцев 1942 г., когда в конце марта и начале апреля в районе Глуск–Паричи–Октябрьский была проведена первая пилотная «антипартизанская акция». Показано, что проведенные акции являлись преступными по своей сути и одновременно прямыми актами геноцида гражданского населения, основой его полного или частичного физического уничтожения, характеризуя в целом противозаконные действия германских захватчиков в рамках выполнения нацистских планов массового уничтожения славянского населения на востоке.

У цяперашні час, калі ў нашай краіне набывае тэндэнцыя да актыўнага ўвядзення ў навуковы зварот новых дакументальных крыніц [1; 2; 3], у тым ліку асобных нямецкамоўных матэрыялаў [1, с. 35; 41; 42; 50; 51; 52; 53; 60; 61; 2, с. 19; 3, с. 27–29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 66; 67; 68], перад гісторыкамі і шырокай чытацкай аўдыторыяй адкрываюцца ўнікальныя магчымасці для аб’ектыўнага даследавання вельмі складаных аспектаў рэгіянальнага ўзроўню ваеннай гісторыі Беларусі 1941–1944 гг. У пераліку такіх няпростых і супярэчлівых тэм да гэтага часу застаецца праблема ўсебаковага асвятлення наступстваў нацысцкай палітыкі генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай беларускай тэрыторыі, дзе германскія вайсковыя часці, падраздзяленні паліцыі і СД, палявыя і мясцовыя камендатуры, службы тайнай палявой паліцыі рэгулярна праводзілі карныя акцыі, вынікам якіх стала гібель соцень тысяч людзей рознага ўзросту, у тым ліку жанчын, старых, дзяцей. Матэрыялы шматлікіх нямецкіх трафейных дакументаў (фонды часткі з іх на цяперашні час захоўваюцца ў НАРБ) садзейнічаюць данясенню да людзей гістарычнай праўды аб тых жахлівых падзеях.

Звернемся да малавядомай не толькі для шырокай чытацкай аўдыторыі, але і для прафесійных ваенных гісторыкаў нямецкай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы”. Першаснае знаёмства з матэрыяламі фонду аўтару гэтых радкоў удалося ажыццявіць больш за два дзесяцігоддзі таму: на той час у беларускай гістарычнай навуцы адсутнічалі публікацыі на гэту тэму. Першыя з іх пабачылі навуковы свет на стыку 1990-х і нулявых гадоў, аднак былі апублікаваны не ў профільных гістарычных часопісах накіраваных на БГЧ, а ў навукова-тэарэтычным штоквартальніку “Весці Інстытута сучасных ведаў” [4, с. 60–69] і навукова-метадычным штоквартальніку “Весці Беларускага дзяржаўнага

* Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

педагагічнага ўніверсітэта” [5, с. 149–152]. Калі другі артыкул закранаў гістарычныя падзеі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны, раскрываючы некаторыя з іх, што мелі месца на тэрыторыі Беларусі, дык першы цалкам прысвячаўся гісторыі паходжання дакументальнай калекцыі, а таксама часткова археаграфічнаму аналізу яе зместу, раскрыццю факталагічнага патэнцыялу і паказу важнасці гэтага ўнікальнага комплексу дакументальных матэрыялаў, захаваных на старонках “Александрыйскіх мікрафільмаў”, якія на той час у навуковай літаратуры атрымалі назву “Нацыянальная калекцыя” [Там жа, с. 149].

Узнікае правамернае пытанне: у чым жа на цяперашні час заключаецца гістарычнае значэнне гэтай калекцыі? Як адзначалася вышэй, у сучаснай беларускай гістарыяграфіі дадзеная тэма пакуль застаецца маладаследаванай. Адной з прычын гэтага становішча можна назваць той просты факт, што змест мікрафільмаў складаюць нямецкамоўныя дакументальныя матэрыялы, праца з якімі патрабуе валодання замежнай мовай. На наш погляд, другой актуальнай прычынай, якая ў апошні час пачала замінаць даследчыкам працу з самімі нямецкамоўнымі матэрыяламі, аўтар вылучыў бы знішчэнне асобных мікрафільмаў, асабліва негатыўнага характару. Іх практычна нельга прачытаць нават з дапамогай спецыяльнага апарата, паколькі якасць перазнятых дакументаў за больш чым паўстагоддзя істотна знізілася і працягвае губляцца. Таму ў бліжэйшы час можа скласціся сітуацыя, калі пры наяўнасці мікрафільма даследчыкам будзе амаль што немагчыма працаваць з ім пры вывучэнні падзей ваеннай гісторыі Беларусі. У выніку гэта можа азначаць нішто іншае як страту такой важнай замежнай крыніцы для даследавання розных пытанняў беларускага гістарычнага мінулага.

У гэтай сувязі зусім каратка нагадаем чытачу пра гісторыю ўзнікнення мікрафільмаў. Пачаць жа распавядаць пра “Александрыйскія мікрафільмы” хацелася б з назвы самой калекцыі. Паводле даследавання, праведзенага аўтарам гэтага артыкула, такую назву калекцыя атрымала ад горада Александрыя (на той час прыгарад Вашынгтона) у штаце Вірджынія, дзе пасля вывазу з нацысцкай Германіі знаходзіліся нямецкія трафейныя дакументы, з якім пачала працу Асацыяцыя амерыканскіх гісторыкаў Гарвардскага ўніверсітэта разам з Амерыканскім камітэтам па вывучэнні дакументаў вайны, Нацыянальным архівам і Цэнтрам архіўнага сэрвісу [4, с. 61–62]. Забягаючы наперад, заўважым, што, як ні дзіўна, вывезеным за акіян нямецкім дакументам было накіравана вярнуцца ў пасляваенную Германію як у арыгінальнай форме, так і на мікрафільмах. Пра гэта чытач можа знайсці неабходныя звесткі ў манаграфіі С. Я. Новікава “Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў)” [6, с. 35–49]. Апроч таго, важна памятаць, што фарміраванне нацыянальнай калекцыі мікрафільмаў з’яўлялася спецыяльнай задачай секцыі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. У выніку цягам 1970-х гадоў ваенныя гісторыкі П. П. Ліпіла, В. П. Раманоўскі і А. В. Сямёнава наведалі Патсдам, дзе здолелі зрабіць тэматычную падборку мікрафільмаў і ўкамплектаваць

цэлую калекцыю ў агульнай колькасці 279 мікрафільмаў [4, с. 67]. Заўважым, што на цяперашні час у нацыянальнай калекцыі на ўліку знаходзіцца 292 мікрафільмы.

Не менш цікавай для чытача можа з’яўляцца колькасная характарыстыка саміх мікрафільмаў, якія, насамрэч, уяўляюць сабой фотаплёнку рознай даўжыні, накручаную на ролікавую бабіну. Па нашых падліках, нацыянальная калекцыя, якая цяпер захоўваецца ў фондах НАРБ, складае 6 296 пагонных метраў у даўжыню, або больш за 6 км. Самым доўгім можна лічыць мікрафільм пад уліковым № 79: пры агульнай колькасці ў 1 862 кадры даўжыня на ім перавышае 37 пагонных метраў, у той час як самым кароткім з’яўляецца мікрафільм даўжынёй у 52 кадры, г.зн. роўна 1,6 м. Заўважым, што ў калекцыі большасць мікрафільмаў перавышае 1 000 кадраў, ці стандартных уліковых старонак, гэта азначае, што кожны з гэтых ролікаў мае даўжыню больш за 20 м. Агульная колькасць уліковых старонак, захаваных на мікрафільмах, складае амаль 315 000 уліковых лістоў [4, с. 68].

Аналіз агульнага зместу дакументальных матэрыялаў, выяўленых сярод трафейнай калекцыі па ваеннай гісторыі Беларусі, дае падставы сцвярджаць, што шматлікія з іх можна лічыць незаменнымі першакрыніцамі. Даступныя на цяперашні час для беларускіх даследчыкаў, яны ў поўным сэнсе ўтрымліваюць унікальныя гістарычныя звесткі аб ваеннай гісторыі Беларусі, істотна дапаўняюць ужо добра вядомую архівістам і гісторыкам крыніцазнаўчую базу, у дэталіх раскрываючы яе на рэгіянальным ці лакальным узроўнях.

Дакументальныя матэрыялы нямецкай трафейнай калекцыі, прааналізаваныя скрозь прызму выяўлення звестак аб наступствах нацысцкай палітыкі генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі, пераканаўча сведчаць аб выяўленні доказнай часткі матэрыялаў у дачыненні да вынікаў знішчэння мірных людзей у ходзе карных аперацый у 1942 г. Намі разгледжаны змест 8 архіўных мікрафільмаў, з якіх мікрафільм пад № 101 утрымлівае 103 старонкі матэрыялаў Генеральнага плана “Ост” (Generalplan Ost) [7], вядомага ў выглядзе агульнай канцэпцыі палітыкі германізацыі з базавымі палажэннямі прававых, эканамічных і адміністрацыйных асноў адбудовы акупаваных усходніх тэрыторый.

Сярод іншых надзвычай важных дакументаў можна назваць зводкі падзей з тэрыторыі СССР (Ereignismeldungen aus der UdSSR), якія штодзённа дасылалі Айнзацкаманды (Einsatzgruppe B; Einsatzkommando 7a, 7b, 8, 9) у службу бяспекі Рэйха – РСХА (RSHA) у Берлін Рэйхсфюрару СС і начальніку германскай паліцыі. Некалькі мікрафільмаў (№ 131–134) утрымліваюць 195 зводак (№ 1 ад 23.06.41 г. і № 195 ад 24.04.42 г.) [8; 9; 10]. Сярод зводак найбольшую навуковую каштоўнасць маюць тыя данясенні, якія паказваюць злачынную дзейнасць Айзацгрупы “Б” на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку прыводзяць дакладныя звесткі аб знішчэнні грамадзянскага насельніцтва, у першую чаргу беларускіх яўрэяў: так, паводле зводкі № 22 ад 14.07.41 г. было забіта 4 234 чалавек; праз 5 дзён гэта лічба дасягнула 7 620, на 31 ліпеня паводле зводкі № 39 колькасць ахвяр вырасла да 11 084, на 20.08.41 гэта лічба павялічылася да 16 964 чалавек, зводка № 82 утрымлівае звесткі пра 23 804 яўрэяў,

забітых да гэтага часу на тэрыторыі Беларусі. У зводцы № 97 ад 28 верасня 1941 г. пазначана, што на гэты момант былі забіты 30 094 чалавекі [11, S. 62]. Цікавыя звесткі ўтрымлівае зводка № 2 з занятых усходніх абласцей ад 8 мая 1942 г., у якой прыводзяцца звесткі аб разгроме падпольнага партыйнага камітэта г. Мінска. Гэты мікрафільм (№ 133–134) таксама дае магчымасць прааналізаваць падзеі з усходніх тэрыторый, якія мелі месца да пачатку жніўня 1942 г. У зводцы № 15 ад 7 жніўня 1942 г. разам з данясеннем з занятых усходніх абласцей прыводзіцца дадатковы матэрыял у дачыненні да тэрыторыі РСФСР.

Астатнія 7 мікрафільмаў ахопліваюць перыяд з пачатку вясны да сярэдзіны снежня 1942 г., калі на тэрыторыі Беларусі адбыліся амаль два дзясяткі карных аперацый, скіраваных супраць беларускіх партызан, у тым ліку: 7 насілі назву гарадоў Германіі, напрыклад, “Бамберг”, “Гамбург”, “Гановер”, “Нюрнберг”, “Мюнхен”, “Карлсбад”, “Патсдам”; 7 атрымалі назвы птушак, звяроў і насякомых – “Грыф”, “Балотная кветка”, “Арол”, “Дзядоўнік”, “Майскі жук”, “Чорна-бурая ліса”, “Смерць алень”; 2 – геаметрычныя назвы: “Трохвугольнік”, “Чатырохвугольнік”; 1 – насіла назву гаспадарчых заняткаў вяскоўцаў – “Позні збор ураджаю”; 1 аперацыя насіла жаночае імя “Фрыда” і інш. Такім чынам, з дакументальных звестак вынікае, што на працягу некалькіх месяцаў 1942 г. было праведзена амаль два дзясяткі карных аперацый, якія ахоплівалі тэрыторыю практычна ўсёй Беларусі: *Віцебска–Полацка* – у раёнах Асвеі, Расон, Дрысы, Ушач, Чашнікаў, Сянно, Ветрына, Шуміліна; *Оршы–Магілёва* – у раёнах Быхава, Чэрвеня, Беразіно, Краснаполля, Прапойска; *Бабруйска–Крычава* – у раёнах Любані, Азарыч, Глуска, Капаткевіч, Карпілаўкі, Жыткавіч, Хоцімска, Клімавіч, Мгліна і Суража [12; 13; 14; 15].

Матэрыялы ахопліваюць больш за 3 000 кадраў, ці традыцыйных аркушаў фармату А4. Некаторыя з іх утрымліваюць важныя гістарычныя звесткі, датычныя маштабў правядзення карных аперацый, іх непасрэдных выканаўцаў, згадкі аб колькасці захопленых матэрыяльных трафeyaў і людзей, у тым ліку лічбы пра колькасць забітых.

Так, сярод матэрыялаў мікрафільма пад № 115 захаваны данясенні на імя Рэйхсфюрара СС і начальніка германскай паліцыі аб барацьбе супраць партызан у ходзе антыпартызанскіх аперацый рознага маштабу, у тым ліку “Альберт”, “Мюнхен”, “Нюрнберг”, “Гамбург”. Так, карная аперацыя “Нюрнберг” працягвалася адзін тыдзень – з 23 па 29 лістапада 1942 г. – у раёне населенага пункта Дуброўка (на паўночны захад ад г. Глыбокае) з удзелам 1-й пяхотнай брыгады СС і 14-га паліцэйскага палка і іншых паліцэйскіх падраздзяленняў, якія у адпаведнасці з асобным загадам узначальвала спецыяльна створаная баявая група на чале з К. фон Готбергам – начальнікам СС і паліцыі Генеральнай акругі Беларусь. У данясенні паведамляецца пра ліквідацыю 2 974 чалавек, з якіх 1 826 з’яўляліся яўрэямі і 7 рома (цыганамі), сярод астатніх: 789 “бандытаў” і 353 “падазроных ў сувязі з партызанамі”. Карная аперацыя “Гамбург” цягнулася з 10 па 21 снежня 1942 г. у раёне трохвугольніка рэк Нёман – Шчара і г. Слоніма. Тут цягам 12 дзён 4 нямецкіх паліцэйскіх батальёны і 3 ахоўных калабаранцкіх батальёны забілі 6 172 мясцовых жыхара, сярод якіх 2 988 яўрэяў. Апроч таго, былі захоплены наступныя сельскагаспадарчыя

трафеі: 7 905 галоў буйной рагатай жывёлы, коней, авечак, свіней і 1 678 тон зерня. Таксама на старонках мікрафільма сустракаюцца іншыя важныя дакументы, напрыклад, радыёграма і дакладная на імя фюрара аб знішчэнні зондэркамандаў пад камандаваннем Дзірлевангера некалькіх умацаваных партызанскіх лагераў на поўдзень ад Чэрвеня, звесткі пра хуткацечную карную аперацыю супраць партызан 1-й пяхотнай брыгады СС і зондэркаманды пад камандаваннем Дзірлевангра ў раёне на поўдзень ад Барысава. Завяршае мікрафільм дакладная на імя фюрара Рэйха аб выніках аперацыі, праведзенай супраць партызан 201-м паліцэйскім батальёнам за 20 км на поўнач ад Лепеля [12].

Звесткі аб выніках карных аперацый “Трыф” і “Карлсбад” даюць падставы ўбачыць іх наступствы на тэрыторыі аднаго лакальнага рэгіёна паміж паўночнымі гарадамі Оршай і Віцебскам з пэўным прамежкам часу. Аперацыя “Трыф”, адлюстраваная ў матэрыялах дакладной на імя фюрара, ладзілася цягам аднаго тыдня, з 14 па 20 жніўня 1942 г., з удзелам падраздзяленняў 286-й ахоўнай дывізіі, 2 паліцэйскіх палкоў і французскага батальёна. Вынікам правядзення гэтай карнай аперацыі стала лічба ў 1 395 чалавек, з якіх 796 мірных жыхароў і падазроных у партызанскай дзейнасці былі забіты, а менш значная колькасць – 599 былі захоплены ў якасці працоўнай сілы. У сярэдзіне кастрычніка ў гэтым жа раёне была праведзена яшчэ адна карная аперацыя пад назвай “Карлсбад” з удзелам 1-й пяхотнай брыгады СС і 1-га батальёна 14-га паліцэйскага палка і зондэркаманды пад камандаваннем Дзірлевангера. За гэты час былі забіты 1 051 чалавек, атрымана 178 адзінак зброі ў якасці трафeyaў. Таксама згадвалася аб гібелі 24 нямецкіх карнікаў, тады як у ходзе карнай аперацыі “Трыф” гэта лічба складала 26 карнікаў [13; 14].

Вывучэнне мікрафільмаў паказвае, што найбольш кампактна матэрыялы аб карных аперацыях, праведзеных германскімі акупантамі на тэрыторыі Беларусі ў 1942 г., захаваны на двух мікрафільмах пад № 215 і 280. Так, на першым з іх на 520 кадрах, ці архіўных аркушах змешчаны звесткі пра карныя аперацыі “Бамберг”, “Патсдам”, “Арол”, “Майскі жук”. З матэрыялаў бачна, што з 26 сакавіка па 6 красавіка падраздзяленні 707-й пяхотнай дывізіі, 102-га славацкага пяхотнага палка і 315-га нямецкага паліцэйскага батальёна праводзілі карную аперацыю “Бамберг” у раёне на поўдзень ад Слуцка і на паўднёвым захадзе Бабруйска, у час якой былі забіты не менш за 4 396 мясцовых грамадзян, у тым ліку партызан. У ходзе аперацыі загінулі 7 карнікаў. Былі ўзяты наступныя трафеі: 47 адзінак зброі і прадукты сельскай гаспадаркі, у тым ліку 5 061 галава буйной рагатай жывёлы, коней, свіней, авечак, 115 т зерня і 120 т бульбы. У маі і чэрвені ў раёне Бабруйска былі праведзены яшчэ дзве карныя аперацыі: “Майскі жук” (9–12.05.1941) і “Патсдам” (пачатак чэрвеня 1941 г.). З боку германскіх акупантаў выкананне загадаў аб правядзенні аперацый забяспечвалі 122-і і 473-і ахоўныя батальёны, зондэркаманда Дзірлевангера, 51-ы і 122-і паліцэйскія батальёны. У ходзе карных аперацый было забіта не менш 1 620 мірных жыхароў, у якасці трафeyaў узята 260 коней. Партызаны ў ходзе аперацыі “Майскі жук” забілі 10 карнікаў. З 15 ліпеня па 7 жніўня 1942 г. адбылася адна не толькі з самых працяглых, але і маштабных

карных аперацый пад назвай “Арол”. У ёй бралі ўдзел падраздзяленні адразу дзвюх ахоўных дывізіяў – 203-й і 286-й, якія разам з 2-м паліцэйскім палком і карным батальёнам пад камандаваннем Дзірлевангера праводзілі больш чым трохтыднёвую аперацыю ў раёне Бабруйска–Магілёва–Беразіно. У выніку яе правядзення былі забіты 1 381 чалавек, 428 захоплены ў якасці працоўнай сілы; захоплена 399 адзінак баявых узбраенняў, таксама 39 адзінак цяжкай зброі. Апроч таго, было захоплена 2 838 галоў буйной рагатай жывёлы, коней, свіней, авечак. У ходзе аперацыі карнікі страцілі 25 сваіх падначаленых [15; 16].

У канцы верасня і ў пачатку кастрычніка 1942 г. цягам 11 дзён у раёне паміж Полацкам і Віцебскам адбывалася карная аперацыя пад назвай “Маланка”, у ёй удзельнічалі падраздзяленні 286-й ахоўнай дывізіі, чатыры паліцэйскія батальёны і іншыя паліцэйскія часці. Як вынік – 567 забітых мірных жыхароў, а таксама 8 карнікаў. На працягу двух дзён, з 16 па 18 ліпеня, у раёне Ельска палявая жандармерыя, у тым ліку падраздзяленні з Мазыра, праводзіла карную аперацыю “Балотная кветка”, у ходзе якой былі забіты каля 1 000 мясцовых грамадзян [17; 18].

Разглядаючы карныя аперацыі 1942 г., неабходна адзначыць, што адной з самых вялікіх была карная аперацыя “Балотная ліхаманка”, якая праходзіла цягам цэлага месяца, з 22 жніўня па 21 верасня 1942 г., на тэрыторыі генеральнай акругі Беларусь, г.зн. у яе паўночна-заходняй і цэнтральнай частках. Месячная аперацыя забяспечвалася 1-й пяхотнай брыгадай СС, 2 паліцэйскімі палкамі, 7 батальёнамі мясцовай паліцыі і 2 000 ахоўнай паліцыі. Як вядома, гэтай аперацыяй кіраваў начальнік СС і паліцыі Генеральнай акругі Беларусь К. фон Готберг. Вынікам карнай акцыі стала забойства 10 063 мірных грамадзян, з якіх 8 350 юдзяў, звыш 1 200 чалавек былі вывезены ў якасці працоўнай сілы. Сельскагаспадарчыя трафеі былі нязначнымі – 62 кані, 5 кароў і невялікая колькасць прадуктаў сельскай гаспадаркі [19, S. 899].

На думку нямецкага гісторыка К. Герлаха, з карнай аперацыі “Бамберг” пачынаецца серыя ваенных мерапрыемстваў супраць беларускага сялянства з мэтай яго рабавання, забойства і вывазу ў Рэйх у якасці працоўнай сілы. Галоўнай адметнасцю выбару месцаў правядзення такіх аперацый з’яўлялася прамая залежнасць ад знаходжання партызанскіх зон. Менавіта ў такіх раёнах адбываліся вялікія карныя акцыі, прычым не толькі з мэтай барацьбы з партызанамі на тэрыторыі Беларусі. Для гэтага выкарыстоўвалася тактыка, адпрацаваная на адной з першых аперацый пад кодавай назвай “Бамберг”. Яна падзялялася на 4 фазы: 1) стварэнне вялікага катла; 2) звужэнне катла; 3) ліквідацыя катла; 4) татальная зачыстка тэрыторыі, калі яе ахвярамі становіліся жыхары вёсак, якія знаходзіліся ў гэтым катле. Як вядома, вышэйшым законам вядзення вайны на ўсходзе нацысцкае кіраўніцтва аб’яўляла «патрэбы ваеннай эканомікі», да ліку якіх адносілася прадукцыя сельскай гаспадаркі, а таксама людскія рэсурсы – гэтак званае выкарыстанне чалавека ў якасці працоўнай сілы на прадпрыемствах Рэйха і захопленай усходняй тэрыторыі, у тым ліку ў Беларусі [Там жа, S. 889].

Аналіз выяўленых колькасных звестак, датычных агульных вынікаў правядзення 9 вышэйзгаданых карных аперацый на тэрыторыі Беларусі ў 1942 г., сведчыць пра маштабы нацысцкіх забойстваў партызан, мірнага насельніцтва, жанчын, старых, дзяцей, у тым ліку яўрэяў: усяго было забіты 29 619 чалавек, сярод іх 13 164 яўрэі; 7 рома (цыганоў). Захоплена ў якасці сельскагаспадарчых трафеяў 15 809 галоў буйной рагатай жывёлы, свіней, авечак і 325 коней, а таксама 1 793 т зерня і 120 т бульбы. У ходзе правядзення антыпартызанскіх аперацый карнікі страцілі 69 падначаленых.

Такім чынам, даследаванне новых дакументальных крыніц, захаваных сярод матэрыялаў нямецкай трафейнай калекцыі “Александрыйскія мікра-фільмы”, сведчыць аб значных маштабах вынішчэння мясцовага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, былых савецкіх ваеннапалонных у ходзе правядзення карных акцый на тэрыторыі Беларусі цягам 1942 г. Крытычны аналіз выяўленых гістарычных фактаў на цяперашні час асабліва неабходны для паказу не толькі наступстваў генацыду грамадзянскага насельніцтва на акупаванай беларускай тэрыторыі, але і вяртання ў пантэон нацыянальнай памяці гэтай катэгорыі пацярпелых ад вайны. У сем’ях, якія вынеслі на сваіх плячах цяжар прымусовай рабскай працы на захопленай беларускай тэрыторыі, і праз 80 гадоў пасля яе пачатку маўкліва зберагаецца памяць аб тых трагічных старонках жыцця соцень тысяч грамадзян нашай краіны. Вяртанне гэтых імёнаў у агульны спіс ахвяр Вялікай Айчыннай вайны з’явілася б важным крокам па ўшанаванні такой суровай старонкі ў нацыянальнай хроніцы памяці і фарміраванні якасна новага ўзроўню гэтак неабходных элементаў сучаснай культуры памяці ў беларускім грамадстве ў Год гістарычнай памяці ў Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.

2. Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ, М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

3. Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ, М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 520 с.

4. *Новікаў, С. Я.* “Александрыйскія мікрафільмы” як новая архіўная першакрыніца ваеннай гісторыі Беларусі / С. Я. Новікаў // Вести Ин-та совр. знаний. – 2000. – № 2. – С. 60–69.
5. *Кубека, С. П.* Пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў дакументах нацыянальнай калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы” / С. П. Кубека // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 2001. – № 2. – С. 149–152.
6. *Новікаў, С. Я.* Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў) / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2002. – 219 с.
7. Генеральны план “Ост” (Generalplan Ost) // НАРБ. – МФ 101. К. 3600137–36000240.
8. Ereignismeldungen aus der UdSSR № 1–100 // НАРБ. – МФ 131. К. 721355–722737.
9. Ereignismeldungen aus der UdSSR № 101–173 // НАРБ. – МФ 132. К. 722741–723915.
10. Ereignismeldungen aus der UdSSR № 174–195 // НАРБ. – МФ 131. К. 723917–724695.
11. *Gerlach, Ch.* Die Einsatzgruppe B / Ch. Gerlach // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / hrsg. von Peter Klein. Bd. 6. – Berlin : Druckhaus Hentrich, 1997. – S. 52–70.
12. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Нюрнберг” і “Гамбург” // НАРБ. – МФ 115. К. 698603–698968.
13. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Грыф” і “Карлсбад” // НАРБ. – МФ 117. К. 656114–657394.
14. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Грыф” і “Карлсбад” // НАРБ. – МФ 126. К. 738611–738681.
15. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Бамберг”, “Патсдам”, “Майскі жук” і “Арол” // НАРБ. – МФ 215. К. 000001–000521.
16. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Бамберг”, “Мюнхен”, “Гобург” і “Сяброўства” // НАРБ. – МФ 273. К. 000001–000786.
17. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Фрыда”, “Праныра”, “Маланка”, “Чорна-бурая ліса” і “Позні збор ураджаю” // НАРБ. – МФ 280. К. 000066–000491.
18. Кароткі змест дакументаў па карных аперацыях “Балотная кветка” // НАРБ. – МФ 298. К. 000398–000600.
19. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.

Поступила в редакцию 19.05.2022

“НОВЫ АГРАРНЫ ПАРАДАК” У АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ (1941–1944) ПАВОДЛЕ GERMANCKIX TPAFEIHHIX ДАКУМЕНТАЎ НАРБ*

Статья посвящена изучению информационного потенциала документов Хозяйственной инспекции группы армий «Центр» (фонд 412 Национального архива Республики Беларусь). Документы германских оккупационных структур представляют собой исключительный по значимости и малоисследованный комплекс, который содержит богатый фактический материал относительно повседневной жизни и экономического положения сельского населения Беларуси периода германской оккупации.

Трафейныя дакументы германскага паходжання, што захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, маюць выключную значнасць для аналізу палітыкі, практыкі і наступстваў нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Палітыку акупантаў адносна сельскай гаспадаркі і сельскіх жыхароў, у першую чаргу ўсходняй частцы Беларусі, раскрываюць крыніцы фонду 412 НАРБ (Гаспадарчая інспекцыя групы армій “Цэнтр”).

Матэрыялы гэтага фонду змяшчаюць пастановы, дырэктывы, загады, распараджэнні, цыркуляры, інструкцыі гаспадарчага штаба “Остланд”, гаспадарчай інспекцыі і гаспадарчага кіраўніка пры Галоўным ваенным камандаванні групы армій “Цэнтр”. Сярод дакументальнай спадчыны акупацыйных гаспадарчых структур знаходзяцца справаздачы, статыстычныя дадзеныя, перапіска аб стане і развіцці тэкстыльнай прамысловасці, ходзе аднаўлення і рабоце тарфяных заводаў, папяровых фабрык і прадпрыемстваў тэкстыльнай прамысловасці, забеспячэнні іх сыравінай і палівам, выкананні вытворчай праграмы, памерах ворных і лугавых земляў па раёнах Беларусі, пасевах азімых, яравых і тэхнічных культур, стане саўгасаў і колькасці працоўнай сілы ў калгасах. Сярод дакументаў утрымліваюцца карткі вытворчых магутнасцей і спісы дзеючых прадпрыемстваў, а таксама ўказы, інструкцыі і іншыя дакументы адносна арганізацыі эксплуатацыі рэсурсаў акупаванай Беларусі ў галіне сельскай гаспадаркі і выкарыстанні працы беларускага сельскага насельніцтва [1]. Дадзеныя крыніцы прадстаўляюць вялікі масіў факталагічнай інфармацыі, якая істотна ўзбагачае ўяўленні гістарычнай навукі аб перыядзе нацысцкай акупацыі Беларусі, ажыццяўленні палітыкі генацыду і выкарыстанні працы мясцовага насельніцтва. Акрамя таго, масіў дакументаў пралівае святло на ўмовы жыцця сельскага насельніцтва, працоўную штодзённасць і магчымасці выжывання ва ўмовах акупацыі.

Арганізацыя землекарыстання і кіравання сельскай гаспадаркай ва ўмовах акупацыі

*Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Трафейныя германскія дакументальныя матэрыялы даюць прадстаўленне аб шматлікіх аспектах арганізацыі кіравання аграрным сектарам і яго трансфармацыі здзейсненай акупацыйнымі ўладамі. Яны, сутыкнуўшыся з правалам «маланкавай вайны», былі вымушаны пераходзіць да вырашэння задачы доўга-тэрміновага выкарыстання рэсурсаў Беларусі, у тым ліку сельскай гаспадаркі, якая адыгрывала значную ролю ў забеспячэнні харчаваннем вермахта і адміністрацыйнага апарату.

Адным з першых акупацыйнымі ўладамі было выдадзена распараджэнне аб стварэнні нямецкага сельскагаспадарчага ўпраўлення ад 14 лістапада 1941 г. Згодна з інструкцыяй стваралася сельскагаспадарчая адміністрацыя розных узроўняў. Характэрна, што ў дакуменце адзначалася неабходнасць шырокага выкарыстання працы мясцовых работнікаў [2, арк. 35].

Было распрацавана часовае палажэнне аб землекарыстанні для Генеральнага камісарыята Беларусі, якое павінна было набыць сілу з 1 лютага 1942 г. [3, арк. 47] Палажэнне абумоўлівала асноўныя падыходы нацыстаў да кіравання аграрным сектарам эканомікі. Дакумент складаўся з 16 пунктаў, якія здымалі абавязковую калектыўную апрацоўку зямлі. Сельскія гаспадаркі пасля аднагалоснага рашэння членаў калгаса і адпаведнага зацвярджэння атрымалі права перайсці да індывідуальнага карыстання зямлёй. Любы самавольны падзел калгасаў забараняўся. Тым не менш акупацыйныя ўлады вырашылі захаваць калгасную сістэму. Усе калгасы, якія існавалі да 1942 г., павінны былі аднавіцца і захавацца ў дзяржаўнай уласнасці.

Калгаснікі, што працавалі ў гаспадарцы па стане на 22 чэрвеня 1941 г., атрымлівалі права на зямельную долю. Таксама прадугледжвалася стварэнне фермерскіх гаспадарак. Неабходнай абвешчалася ліквідацыя зямельнага рэзерву, каб даць магчымасць засяліць фермераў. Кожны фермер павінен быў атрымаць у сярэднім 6–8 гектараў ворнай зямлі і лугу. Пры перавышэнні гэтых памераў неабходна было атрымаць спецыяльнае адабрэнне адказнага раённага кіраўніцтва.

Вызначалася неабходнасць размеркавання палёў і лугоў, пашы і адкрытых угоддзяў, якія заставаліся ў карыстанні. Пры падзеле поля неабходна было захоўваць севазварот і магчымасць яго сумеснай апрацоўкі. Памежныя палосы ўзнікаць не павінны. Усе сяляне ў вёсцы былі абавязаны разам араць і несці салідарную адказнасць за стоадсоткавую замову, а таксама за стопрацэнтнае выкананне дзяржаўнага задання. Адказным прадстаўніком вёскі з'яўляўся стараста, які павінен быў абірацца сялянскім сходам большасцю галасоў і зацвярджацца адказным павятовым кіраўніцтвам.

Кожны фермер, які дрэнна веў сваю справу або разглядаўся як палітычна ненадзейны, пазбаўляўся гаспадаркі, і яго замянялі больш годным. Будынкі калгаса заставаліся на месцы да прыняцця спецыяльнага рэгламенту і не падлягалі зносу. Па жаданні складскія памяшканні калгаса маглі быць выкарыстаны ў якасці агульных будынкаў для касы ўзаемадапамогі.

Плаванавалася, што увесь інвентар калгасаў павінен будзе раздацца сялянам, пры гэтым перш за ўсё яго павінны былі атрымаць тыя, хто прынёс у калгас адпаведны інструмент.

У дзень роспуску калгаса, завяршэння бухгалтарскага ўліку, раздачы лішкаў сялянам пасля працоўных дзён сялянства вёскі несла салідарную адказнасць па даўгах.

Кожны фермер, які атрымаў ад калгаса інвентар, уносіў пэўныя сумы ў касу ўзаемадапамогі вёскі, каб фермеры, якія не атрымалі інвентару, маглі набыць яго. Да поўнай выплаты гэтых унёскаў ён быў абавязаны па загаду старасты вёскі [3, арк. 48-49] дапамагаць суседзям у апрацоўцы палёў і г.д., а стараста выдаваў яму пэўны аб'ём кармоў. Падзел калгасных палёў праводзіўся згодна з указаннямі райаграномаў і землемераў, пад наглядам адказнага ўчастковага фермера.

Усе машыны павінны былі перадавацца ў МТС [Там жа, арк. 49]. Царкоўныя землі адводзіліся або ў зямельны запасны фонд, або ў дзяржаўную ўласнасць. Зямля, якая належала школам, заставалася ў іх карыстанні. Існуючыя сядзібы агратэхнікаў таксама падзелу не падлягалі. Меліяраваныя тарфянікі адносіліся да бліжэйшай дзяржаўнай уласнасці. Любы падзел зямельнага фонду забараняўся, а калі ён быў зроблены пасля 22 чэрвеня 1941 года, дык увагуле адмяняўся. Здача зямлі ў арэнду таксама разглядалася як недапушчальная [Там жа, арк. 49].

17 лістапада 1942 г. была выдадзена інструкцыя для службовага карыстання аб кіраванні дзяржаўнай маёмасцю, якая, на думку акупантаў, павінна была садзейнічаць развіццю і кіраванню дзяржаўнай уласнасцю і якая магла быць дапоўнена адмысловымі нарматыўнымі прававымі актамі. Дакумент падзяляўся на некалькі частак: арганізацыя і задачы дзяржаўнай уласнасці. У першай часцы апісваліся агульныя падыходы да кіравання дзяржаўнай маёмасцю. У гаспадарчай групе “Цэнтр”, галаўной групе “Сельская гаспадарка”, гаспадарчых камандах прызначаліся спецыяльныя чыноўнікі, адказныя за дзяржаўную маёмасць. У выпадку з рэгіянальнымі фермерамі па неабходнасці прызначаліся кіраўнікі гаспадаркі, якія падпарадкоўваліся абласному фермеру і ўваходзілі ў яго штат. Аднак вышэйстаячым органам дзяржаўных маёнткаў, што знаходзіцца ў гэтай мясцовасці, заставаўся павятовы фермер, які адказваў за будаўнічыя мерапрыемствы на дзяржаўных землях.

Планавалася, што кожная дзяржаўная маёмасць павінна быць укамплектавана нямецкім персаналам. На пасады начальнікаў у дзяржаўнай уласнасці ставілі спецыяльна прызначаных асоб ў афіцэрскім званні, паколькі кіраванне дзяржаўнай маёмасцю ў такіх абставінах патрабавала непазбежных перамоваў з ваеннымі ведамствамі. Для буйных гаспадарак і гаспадарак з асаблівымі задачамі маглі быць дэлегаваныя кіраўнікі сельскай гаспадаркі [4, арк. 106].

Раздзел, прысвечаны задачам дзяржаўнай уласнасці, быў прапісаны больш грунтоўна. Асноўнымі задачамі ўсіх вышэйзгаданых кіраўнікоў абвешчалася аднаўленне, упарадкаванне тэхніка-эканамічнага становішча дзяржаўнай маёмасці, характэрнага для ўзорнага буйнога сельгаспрадпрыемства. Акрамя таго, памяшканні і рэсурсы, даступныя для выканання спецыяльных задач у асобных кампаніях, павінны былі захоўвацца і пашырацца.

Для вырашэння гэтых задач былі распрацаваны рэкамендацыі, якія датычыліся сельскай гаспадаркі, корманарыхтоўкі, жывёлагадоўлі, выдаленню гною, спецыялізацыі асобных устаноў, кіравання будынкамі, планаў маёнткаў, інвентарызацыі інструментарыя і тэхнікі, бухгалтэрыі, пытанняў кансультацыйнай дапамогі і зімовых павіннасцей дзяржаўных маёмасцей. Прадугледжваўся таксама комплекс работ на зімовы перыяд, які ахопліваў рамонт машын і прылад, выраб простых прыстасаванняў, такіх як граблі, матыкі, кошыкі, драўляныя рыдлёўкі, венікі, вупражы, вяроўкі для сена, выраб мяшкоў, латанне мяшкоў, прадзенне і ткацтва для патрэб прадпрыемства, падтрыманне запасаў насення і кармоў і строгі кантроль за расходам гэтых тавараў у адпаведнасці з планам выкарыстання, унутраны рамонт гаспадарчых пабудов і кватэр, пастаўкі драўніны і дроў, заключэнне кантрактаў на ўсе віды апертыўных патрэб мясцовым кампаніям, офісную працу: крэдытныя карты, планы, разлікі, бухгалтэрыя [4, арк. 14].

28 кастрычніка 1942 г. галаўной групай “Сельская гаспадарка” быў расасланы цыркуляр, які зацвярджаў “новы аграрны парадак” і прадпісваў ажыццяўленне аграрнай рэформы, па якой прадугледжвалася пераўтварэнне існуючых сельскагаспадарчых аб’яднанняў у сельскагаспадарчыя кааператывы. Для выканання аграрнага парадку ў зоне дзейнасці кожнага армейскага камандвання генеральнай інспекцыі, як і ў выпадку з галоўнай групай, неабходна было неадкладна стварыць асобны сельскагаспадарчы штаб. Кіраваць спецыяльнымі штабамі аграрнага парадку павінен быў прыдатны для гэтага кіраўнік сельскай гаспадаркі. Кіраўнікі спецыяльных штабоў неслі адказнасць за агульнае развіццё аграрных адносін [1, арк. 28–30]. Асобнае распараджэнне начальніка групы гаспадаркі ад 21 лістапада 1942 г. рэгулявала персанальны склад кіраўніцтва абласных і раённых фермерскіх гаспадарак [2, арк. 41b].

Працоўная штодзённасць сельскага насельніцтва

Згодна з інфармацыяй крыніц адно з першых распараджэнняў, што датычылася аплаты працы мясцовага сельскага насельніцтва, адносіцца да 3 верасня 1941 г. Яно ўтрымлівала ўказанні для прамежкавага рэгулявання зарплаты работнікаў калгасаў, машына-трактарных станцый і саўгасаў.

Калгаснікі не павінны былі атрымліваць дакладна ўстаноўлены заробак, а выпрацоўваць долю агульнага даходу. У сваю чаргу замежным працоўным і работнікам, якія не з’яўляліся калгаснікамі, а таксама работнікам і працоўным МТС і саўгасаў выплочвалася зарплата. Сцвярджалася: каб забяспечыць атрыманне прадуктаў прыроднага паходжання нямецкімі прыёмнымі пунктамі, раздачу гэтых прадуктаў калгаснікам і адпаведную долю харчавання ў зарплате, нельга было перавышаць індыўідуальныя патрэбнасці атрымальнікаў.

Работнікі калгасаў атрымлівалі ўзнагароду ў адпаведнасці са стаўкамі, сапраўднымі на 22.06.1941 г. (грашовыя сродкі + натураплата). Калі аплата доляй натуральных прадуктаў не прадугледжвалася, атрымальніку заробтнай платы дапускалася вылучыць натуральныя прадукты для ўласнага распараджэння (у сям’і) па кошце дастаўкі.

Інструкцыя аб кіраванні дзяржаўнай маёмасцю ад 17 лістапада 1942 г. рэгулявала пытанне занятасці і зароботнай платы насельніцтва. Інструкцыяй прадугледжвалася замарожванне зароботнай платы служачых і рабочых, занятых у дзяржаўнай уласнасці [4, арк. 14].

Прадугледжвалася дапамога натуральнымі прадуктамі. У далейшым планавалася выдзеліць працаўнікам калгасаў каля 50 % іх заробку ў натуральнай форме. Сцвярджалася, што любое павелічэнне колькасці натуральных прадуктаў, якое перавышала ўзровень харчовай бяспекі для працаўнікоў калгасаў, прывяло б да зніжэння вытворчасці фермы, затрымання будаўнічых работ і, верагодна, да бартэрных здзелак, як лічылі акупацыйныя ўлады. Аднак нямецкае сельскагаспадарчае кіраўніцтва ўжо было гатова забяспечыць неабходны узровень жыцця сельскагаспадарчых работнікаў. Наступныя рэкамендацыі прымяняюцца для выкарыстання прыродных рэсурсаў. Для рабочых у дзяржаўных маёнтках прадугледжваліся бясплатнае жыллё і стайні.

Бульбяная зямля плошчай да 0,25 га і карыстанне агародам, які прымыкае да дамоў, прадастаўляліся з крэдытам у памеры 60 рублёў за га ў год. Лічылася, што бульбяную зямлю апрацоўваць і ўбіраць будуць самі работнікі ўласнымі калектывамі гаспадаркі і, па магчымасці, у вольны час. Неабходнае хлебнае зерне або муку працаўнікі гаспадаркі маглі набыць у адпаведнасці з пражытачнымі паказчыкамі, якія ўстанаўліваліся адказным сельгаспрадпрыемствам для кармлення мірнага насельніцтва. З улікам працы работніка гэты паказчык мог быць перавышаны на 50 г на чалавека ў дзень. На прадпрыемствах, дзе назіраліся цяжкасці з запасамі хлебнага зерня, жыта магло быць заменена на ячмень і грэчку [Там жа, арк. 15].

Рабочыя самі неслі кармавыя выдаткі на хатнюю жывёлу, а работнікі фермы, якія не трымалі буйную рагатую жывёлу, штотомсяц маглі атрымліваць ад фермы сродкі на закупку малочных прадуктаў.

Утрыманне каровы або дзвюх коз магло быць дазволена на суму 180 рублёў у год. Для працоўных сем'яў, якія не трымалі кароў, прадугледжвалася выдача 1 л абястлушчанага малака на чалавека ў дзень і 1/2 л малака для дзяцей да 5 гадоў.

Непрацуючыя паўналетнія члены сям'і або тыя, хто працаваў за межамі дзяржаўнай сядзібы, не павінны былі атрымліваць малако. Рэгуляванне ўтрымання птушкі заставалася на меркаванне кіраўніка фермы. Пасля ўборкі капусты і буракоў працаўніку можна было прадаць неабходныя зімовыя запасы. Работы па нарэзцы і вырошчванні агародніны і ўборцы ўраджаю маглі быць узнагароджаны здзелкай [4, арк. 15b].

Інструкцыяй прадугледжваліся ўзнагароды мясцоваму насельніцтву за дадатковую працу ў двары, стайні і ў полі. За звышурочныя і нядзельныя работы, па меркаванню кіраўніка, маглі быць прэміі ў выглядзе грашовых або натуральных падарункаў у невялікіх памерах на чалавека ў дзень, напрыклад, 1 кг гароху, або 1–2 кг садавіны, або 1 літр малака ці забеспячэнне сняданкам касцоў.

Галоўная сельскагаспадарчая група пакідала за сабой права пераглядаць стаўкі заробку і любыя неабходныя новыя правілы.

Сістэма аплаты працы ў калгасах захоўвала элементы савецкай. Ацэначная адзінка – гэта так званы «працадзень», адзінка вымярэння, якая зыходзіла з выпрацоўкі дарослага за каляндарны дзень.

Аб'ёмы выкананай працы кожным паасобку павінны былі запісвацца кіраўніком брыгады і безупынна заносіцца ў яго працоўную кніжку. Перыядычна працоўныя кніжкі прадстаўляліся ў «кантору» ці бухгалтарскае бюро калгаса для далейшага разгляду [5, арк. 2].

За кожны працоўны дзень калгаснік атрымліваў пэўную колькасць прадуктаў харчавання (напрыклад, 3 кг зерня, некалькі кг бульбы, малако і г.д.), крыху грошай (30 кап., 50 кап). Падчас сезона ён атрымліваў гэта пераважна авансам з канчатковага разліку. Вынікі залежылі непасрэдна ад ураджая, таму вельмі вагаліся. Да размеркавання трапляла толькі тая частка ураджая, якая заставалася пасля вылічвання наступных паставак прадуктаў харчавання:

- 1) пастаўка да дзяржавы (за вельмі нізкія цэны);
- 2) натуральны падатак да дзяржавы;
- 3) аплата прадуктамі харчавання да МТС для трактараў і другіх прац;
- 4) аплата прадуктамі харчавання кіраўніцтву калгасам, ааграномам, настаўнікам і г.д.;
- 5) стварэнне фондаў запасаў.

Дадатковы даход калгаснік імкнуўся атрымаць у натуральнай форме са сваёй маленькай прыватнай гаспадаркі, таксама з продажу гэтых прадуктаў на свабодным «калгасным рынку» ў горадзе па цэнах, якія былі ў шмат разоў вышэй, чым дзяржаўныя рознічныя цэны. За гэта ён павінен быў плаціць высокі падатак. Увогуле рэальны даход калгасніка, таксама як працоўніка прамысловага прадпрыемства, мог быць трохі вышэй за пражытачны мінімум у савецкім сэнсе, як гэта адзначана ў нямецкіх крыніцах [5, арк. 3].

Такім чынам, акупацыйныя ўлады надавалі сельскай гаспадарцы выключна важнае значэнне як рэзервы для забеспячэння харчаваннем вермахту і акупацыйных структур. У цэлым была захавана савецкая калгасная сістэма, але дэкларавалася неабходнасць правядзення зямельнай рэформы і пераходу да індывідуальных форм гаспадарання. Матэрыялы нямецкіх трафейных дакументаў даюць уяўленне аб арганізацыі землекарыстання і кіравання сельскай гаспадаркай ва ўмовах акупацыі, аплаце працы сельскага насельніцтва і ўвогуле працоўнай штодзённасці вясковага насельніцтва. Увядзенне ў выніку праведзенага даследавання новага факталагічнага масіву ў гістарычную навуку дазваляе паставіць тэарэтычныя пытанні адносна метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу акупацыйнага перыяду. Новыя дакументальныя крыніцы вызначаюць задачу неабходнасці дапоўніць існуючыя раней канцэптуальныя погляды на выкарыстанне германскімі акупацыйнымі ўладамі працы мясцовага насельніцтва новымі падыходамі, заснаваным на характарыстыцы паўсядзённых вытворчых узаемаадносін на акупаваных беларускіх тэрыторыях. На падставе ўведзеных ў навуковы зварот крыніц, а таксама сучасных мета-далагічных падыходаў варта звярнуцца да аналізу стратэгіі выжывання насельніцтва ва ўмовах акупацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Хозяйственный руководитель при Главном военном командовании группы армий «Центр», г. Минск // Архівы Беларусі [Электронны рэсурс]. – 2022. – Рэжым доступу : <https://fk.archives.gov.by/fond/11312/>. – Дата доступу : 20.03.2022.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 2.
3. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 6.
4. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 9.
5. НАРБ. – Ф. 412. Воп. 1. Спр. 4.

Поступила в редакцию 24.05.2022

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ**Н. П. Баранов****ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНО-АРМЯНСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В КАРАБАХЕ**

Когда разражается война, люди обычно говорят: «Ну, это не может продлиться долго, слишком это глупо». И действительно, война — это и впрямь слишком глупо, что, впрочем, не мешает ей длиться долго [1].

А. Камю

Мир имеет свои не менее славные победы, чем война. У мира не меньше побед, чем у войны, но куда меньше памятников. Нужно столетие, чтобы восстановить то, что разрушил день войны. Подлинный мир требует, чтобы прежде всего были устранены хозяева войны [1].

А. Камю

Не проливать ничьей крови, обеспечить покой всему миру и мир своему веку – вот высшая доблесть [1].

Сенека

В статье представлены результаты социально-философского анализа одного из острых вооруженных конфликтов современности – войны Азербайджана и Армении в Карабахе. На основе теоретико-философских, исторических и объективных социально-политических данных анализируются онтологическое основание, детерминация развития, социально-политическая сущность данного вооруженного конфликта, осмысливаются определяющие факторы разрешения комплекса сложившихся по отношению к Карабаху азербайджано-армянских противоречий как условия завершения войны. Обосновывается определяющее значение гуманитарного аспекта в преодолении военных противоречий и восстановлении мирных отношений.

Творчески обобщаются философские и научные данные по сохраняющей свою актуальность мировоззренческой проблеме феномена войны.

Представляется актуальным использование обобщенного в статье научного материала и фактологических данных в образовательном процессе со студентами университета, а также в дальнейших теоретических исследованиях социально-философской проблемы феномена войны.

Война – одно из наитяжелейших испытаний в жизни общества, в котором оно может прекратить свое существование. По степени угроз и опасности для человечества данное явление вполне сопоставимо со стихийными природно-космическими катаклизмами, от которых ключевое генетическое отличие войн заключается в их полной сознательной человекотворности

и целевому предназначению. По своей глубинной сущности «война является продолжением политики насильственными вооруженными средствами» (К. фон Клаузевиц).

Клаузевиц дает следующее определение войне как социокультурному феномену: «...Итак, война — не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу; по своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку.

Первая из этих 3 сторон главным образом относится к народу, вторая — больше к полководцу и его армии и третья — к правительству...» [2].

Войны исторически сопровождают противоречиво сложную, особенно в межэтнических отношениях, жизнь народов, формируя известное (социал-дарвинизм) ложное (с точки зрения современной военной науки) представление о их природной естественности или врожденной органичной присущности человеческому бытию, то есть их вечности и неустраимости из жизни человечества.

Весьма точно эту якобы «органичную врожденность» войн истории человечества охарактеризовал русский поэт Серебряного века, участник Первой мировой войны человечества (1914–1918 гг.) Александр Черный (Гликиберг) в своем стихотворении «В детской»:

«Серёжа! Я прочёл в папашином труде,
Что плавает земля в воде,
Как клёцка в миске супа...
Так в древности учил Фалес Милетский...»
«И глупо! — Уверенно в ответ раздался голос детский.
— Учёностью своей, Павлушка, не диви,
Не смысли твой Фалес, как видно, ни бельмеса,
Мой дядя говорил, — а он умней Фалеса,
Что плавает земля... семь тысяч лет в крови!» [3]

По подсчетам математиков, военные столкновения в истории человечества действительно наблюдаемы в течение 7 тысяч лет. Однако уже античные мыслители Демокрит (460–370 гг. до н. э.), Эпикур (341–270 гг. до н. э.), а позднее Тит Лукреций Кар (99–55 гг. до н. э.) не считали войну вечным спутником человечества, обоснованно понимая ее как одно из закономерных порождений политики.

Тит Лукреций Кар в философском поэтическом трактате «О природе вещей» утверждал, что пока люди были «дикими», войн как таковых, как целесообразно организованных вооруженных столкновений не было и под военные знамена никто не звал тысячи людей [4].

Поэтому акцентируемая Клаузевицем сущность войны («господствующая тенденция ее природы») как «продолжение политики насильственными средствами» общепризнана и неоспорима в своей абсолютной истинности. В полной мере данная научная характеристика относится и к 44-дневному азербайджано-армянскому вооруженному конфликту (27 сентября – 10 ноября 2020 г.) – войне в Карабахе, имеющей свои объективно-исторические предпосылки: сложившиеся противоречия, этнотерриториальные притязания в отношениях азербайджанского и армянского народов по Карабаху, «потребовавшиеся» в силу своей антагонистичности военно-политического разрешения на современном этапе суверенного государственного развития Азербайджана и Армении.

Эти предпосылки имеют давние корни, уходящие еще во времена Карабахского ханства Персии, перешедшего в XIX веке в подданство Российской империи (Кюрекчайский договор 1805 г. и Гюлистанский договор 1813 г.), затем вхождения и развития Карабаха в составе СССР.

Главным для азербайджанского и армянского народов Карабаха на всех этапах своей исторической судьбы всегда было обретение и защита справедливых и надежных условий проживания и развития на родной земле, сохранение ее во всех испытаниях. Об этом убедительно свидетельствует, на наш взгляд, длительная борьба народов Карабаха за обретение политической определенности статуса своей земли (ее автономии, государственной суверенности, воссоединения с народами Азербайджана и Армении).

В начале XX века, в 1905–1907 и 1918–1920 гг. Нагорный Карабах дважды становился ареной кровопролитных армяно-азербайджанских столкновений. Этнополитический вопрос приобрел новую остроту в годы советской перестройки (1987–1988) на фоне резкого подъема национального движения в Армении и Азербайджане, когда проблема межнациональных отношений двух стран получила характер открытой межнациональной конфронтации, приведшей к масштабным военным действиям. Именно данные факторы стали актуальными причинами и основаниями принятия соответствующих радикальных военно-политических решений руководством Азербайджана и Армении о войне 2020 года в Карабахе.

Небезразличное к таким трагическим событиям в жизни народов, как война (вооруженный конфликт), современное мировое сообщество, прежде всего соседи по региону, каждодневно внимательно следили за затянувшейся многолетней эскалацией конфликта, по мере возможностей разумно содействуя его скорейшему разрешению и установлению стабильной геополитической ситуации на Кавказе согласно международным и национальным интересам сторон конфликта.

Многие мировые державы и международные организации решительно осуждали конфликт и призывали обе стороны снизить напряженность и без промедления возобновить конструктивные переговоры. В периоды активного обострения затянувшейся эскалации конфликта при содействии государств – сопредседателей (Россия, США и Франция) Минской группы ОБСЕ в зоне

конфликта трижды объявлялось прекращение огня для обмена военнопленными и телами погибших, однако каждый раз стороны обвиняли друг друга в нарушении перемирия, и боевые действия возобновлялись. Миссия группы ОБСЕ до эскалации конфликта в полномасштабную войну была главной международной площадкой для переговоров по Карабаху.

По находящимся в открытом доступе официальным данным «...вооружённый конфликт в Нагорном Карабахе (сентябрь — ноябрь 2020 года), официально именуемый в Азербайджане “Отечественной войной” (азерб. *Vətən müharibəsi*) и “Второй Карабахской войной” (азерб. *İkinci Qarabağ müharibəsi*), а в Армении и НКР “Второй Арцахской войной” (арм. *Մարտահարկի երկրորդ պատերազմ*) и “Отечественной войной” (арм. *Հայրենական պատերազմ*) – крупномасштабные боевые действия между вооружёнными силами Азербайджана с одной стороны и вооружёнными формированиями непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) и Армении с другой, ставшие самыми продолжительными и кровопролитными в регионе за период после завершения Карабахской войны в 1994 году.

Наступление азербайджанских войск с масштабным применением авиации, бронетехники, артиллерии, ударных БПЛА началось утром 27 сентября. По версии Минобороны Азербайджана, речь шла о контрнаступательной операции “Железный кулак” (азерб. *“Dəmir yumruq” əməliyyatı*), начатой в ответ на обстрел армянской стороной нескольких азербайджанских населённых пунктов» [5].

10 ноября 2020 года 44-дневная война в Карабахе, вторая после распада СССР война между Арменией и Азербайджаном по разрешению территориальных претензий в Нагорном Карабахе, закончилась подписанием трехстороннего договора лидеров Азербайджана, Армении и России – президента Ильхама Алиева, премьер-министра Никола Пашиняна и президента Владимира Путина.

Азербайджан и Армения договорились полностью прекратить огонь и все военные действия, обменяться пленными и телами погибших. Ереван передал Баку Кельбаджарский, Лачинский и Агдамский районы. Азербайджан вернул себе семь районов вокруг Карабаха и все занятые во время войны земли – около трети Нагорного Карабаха (если рассматривать его в границах Нагорно-Карабахской Автономной области в составе Азербайджанской ССР). Заключена договоренность о выводе вооруженных сил Армении из прилегающих к Нагорному Карабаху районов и оставлении под контролем Азербайджана части территории Нагорного Карабаха, в том числе города Шуша. Для поддержания стабильности в регионе на пять лет разместились российские миротворцы.

«Целью любой войны является мир на условиях, благоприятных для победившей стороны», – отмечал К. фон Клаузевиц [6]. И этот мир, наконец, достигнут.

Все войны имеют свое начало и завершение, свои битвы-сражения, «обмен болью» и свои, в целом тяжелые, последствия – политические, экономические и гуманитарные проблемы.

По сообщению РИА Новости 18 июля 2021 года, на совместной пресс-конференции с председателем Евросовета Шарлем Мишелем в Баку о завершении азербайджано-армянского вооруженного конфликта президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил следующее: «Азербайджан поставил конец долгосрочному конфликту. ...Хочу еще раз сказать, что армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт нашел свое решение. Этот конфликт разрешен. Сторона, которой разрешен этот конфликт, это мы, азербайджанское государство. Мы решили этот вопрос в одностороннем порядке». По словам политика, Баку выполнил все требования резолюции Совета Безопасности ООН относительно урегулирования ситуации и положил конец противостоянию в регионе. «Конфликт окончен, сейчас пришло время подумать о мире». Президент Ильхам Алиев призвал армянское руководство вступить в мирные переговоры и назвал подписание мирного соглашения с Арменией главным условием установления мира на Южном Кавказе.

На встрече с семьями погибших военнослужащих в ходе эскалации конфликта в Карабахе Ильхам Алиев напутствовал тех, кто продолжает утверждать, что конфликт не урегулирован и должен быть решен: «...это неправильный и опасный путь. Если проблема не решена, пусть нам разъяснят, как ее разрешить. Мы считаем, что конфликт решен, и война окончена».

В Баку завершение войны достигнутой победой было встречено всенародным ликованием. В Ереване – массовыми акциями народного протеста с требованиями отставки Пашиняна и аннулирования трехстороннего заявления по завершенности карабахского конфликта. Но все же к азербайджанскому и армянскому народам Карабаха и единым с ними народам Азербайджана и Армении пришел многотрудно достигнутый мир, пока еще хрупкий, требующий многих новых политических, экономических и гуманитарных усилий и определенного времени для своего прочного утверждения на многострадальной земле Карабаха.

Как абориген советского прошлого автор всей душой за мир, причем за мир во всем мире, и даже согласен допустить идеалистичность мышления в рассматриваемом вопросе и стать пацифистом. Увы, сегодняшние реалии не позволяют этим увлекаться: число военных конфликтов в современном глобализирующемся мире имеет устойчивую тенденцию роста. Сохраняется угроза развязывания новой мировой войны. По некоторым футурологическим оценкам развития милитаризма XXI век может стать не менее кровавым, чем предшествовавший XX.

Объективно противоречивый гуманитарный аспект решения проблемы завершения карабахского военного конфликта обобщенно характеризуется следующими ключевыми данными.

Любой военный конфликт, основное содержание которого составляет активное применение его участниками вооруженного насилия, неумолимо жесток, смертоносен, кровав, разрушителен. Главной его жертвой становятся люди. Это – аксиома военной теории и практики классических войн, вполне достоверно распространяемая также на существенно изменившие свой «оружейный» характер гибридные войны современности. Любое из так называемых *гуманных* (как характеризуют в нынешнее время некоторые летальные виды оружия) средств войны несет людям смерть, отнимает у них самое дорогое – жизнь.

«Бой — это единственный эффективный способ ведения войны; его цель — уничтожение вражеских сил как средство прекращения конфликта», — подчеркивал К. фон Клаузевиц [6]. При этом он акцентировал следующий неоспоримый довод относительно кровопролитности и насилия в войне: «Добросердечные люди могут, конечно, полагать, что существует некий оригинальный способ обезоруживать и побеждать противника без пролития большого количества крови, они вольны также думать, что именно в этом и заключаются подлинные достижения искусства воевать. Звучит это привлекательно, но на деле является обманом, который необходимо открыть. Война есть крайне опасное дело, в котором наихудшие ошибки происходят от доброты» [6].

По официальным данным в 44-дневной войне в Карабахе (27 сентября–10 ноября 2020 г.) человеческие (разум не позволяет характеризовать их термином *гуманитарные*) потери сторон конфликта составили: «(по первоначальным подсчетам) 2886 убитых, более 100 пропавших без вести, 1245 раненых продолжают лечение в госпиталях, — заявило министерство обороны Азербайджана. Армения опубликовала данные о 2718 убитых, но не обнародовала число пропавших без вести, то есть ее сведения далеко не окончательные. Обе стороны теряли каждый день войны до 100 убитых. Причем очевидно, что в некоторые моменты потери были гораздо выше средних показателей.

После окончания боевых действий Министерство здравоохранения Армении объявило, что в войне в Карабахе с армянской стороны погибло более 2,3 тыс. военных. По словам же дипломата Микаэла Минасяна, власти страны намеренно скрывают информацию о числе убитых и, по его утверждениям, оно достигает около 4,7 тысяч военных. 26 марта 2021 года бывший премьер-министр и министр обороны Армении Вазген Манукян заявил, что в этой войне армянская сторона потеряла более 5 тыс. солдат. По данным Азербайджана, Армения с начала конфликта потеряла более 5 тыс. убитыми» [7].

Жертвы среди мирного населения (по официальной последовательно регистрируемой статистике) оцениваются следующим образом. «Согласно азербайджанским источникам, армянские военные нанесли удар по густонаселённым районам, где находятся гражданские постройки. По данным Генеральной прокуратуры Азербайджана, по состоянию на 1 октября в результате

обстрелов из тяжёлой артиллерии районов проживания населения в общей сложности 55 человек получили различные телесные повреждения, 19 человек погибли, нанесён огромный ущерб 169 жилым домам, 40 гражданским объектам, приведены в негодность транспортные средства.

За период с 27 сентября по 13 октября погибли 42 гражданских лица, ещё 206 человек получили ранения, 1479 домов, 66 многоквартирных зданий и 241 гражданский объект пришли в негодность.

В ходе конфликта обстрелам армянских формирований подвергались города Тертер, Бейлаган, Барда, Гянджа, ряд селений Агдамского, Агджабединского, Геранбойского и Тертерского районов.

По данным на 16 ноября генпрокуратуры Азербайджана, число погибших среди гражданского населения с азербайджанской стороны дошло до 94, а раненных до 414. По данным за период с 27 сентября по 14 декабря 2020 года число погибших среди гражданского населения с азербайджанской стороны составило 101 человек и 423 мирных жителя были ранены.

По состоянию на 2 ноября 2020 года власти Азербайджана заявили, что в результате конфликта в Азербайджане было перемещено около 40 тысяч человек.

23 декабря омбудсмен Нагорно-Карабахской Республики Артак Бегларян представил доклад о жертвах среди гражданского населения в результате военных действий на территории НКР, а также об убийствах гражданских лиц, оказавшихся в плену, с переходом территорий их проживания под контроль Азербайджана. Так в докладе, затрагивающем период с 27 сентября по 22 декабря 2020 года, отмечалось что имеются документальные подтверждения об убийстве 60 гражданских лиц. Из них 39 человек было убито в результате обстрелов, а 21 человек был убит в плену. В числе причин смерти последних значатся: избиение, ножевые ранения, обезглавливание, выстрелы в упор или с близкого расстояния. Согласно армянскому правозащитнику, задокументированы многочисленные случаи пыток и нанесения увечий с намерением убийства. Кроме этого отмечается, что среди пропавших без вести числятся около 40 гражданских лиц, некоторые из которых, находятся в азербайджанском плену. По словам Багларяна, есть все основания полагать, что некоторые из пропавших без вести были убиты вооружёнными силами Азербайджана» [7].

Да, такова жертвенная сторона Карабахской войны. Каждая из ее жертв будет многократно оплакана близкими и не будет забыта своим народом.

Вместе с тем необходимо констатировать как факт, что данная завершённая война прекратила многолетнее военное «противостояние» азербайджанцев и армян в Карабахе после первой войны (сентябрь 1991–март 1994 г.), хотя и прерывавшееся временными перемириями, но оказавшееся ужасающе кровопролитным и истребительным для народов. Только в ходе самой войны («первой») «стороны потеряли убитыми от 15 до 25 тысяч человек, более 25 тысяч получили ранения, сотни тысяч мирных жителей вынуждены были

покинуть места проживания. С апреля по ноябрь 1993 года Совбез ООН принял четыре резолюции с требованием о прекращении огня в регионе» [8].

Учитывая, что мировая дипломатия потерпела поражение в своих попытках политико-дипломатическими усилиями урегулировать нагорно-карабахский конфликт, государственная решимость Президента Азербайджана Ильхама Алиева в сложившихся обстоятельствах прекратить столь затянувшийся военный конфликт силовым методом обоснованно заслужит международное признание и позитивную оценку. Акт силового принуждения к миру правомерно является гуманитарным.

Восстановив контроль над утраченными ранее территориями, Азербайджан стал вторым на постсоветском пространстве государством, продвинувшимся по пути восстановления утраченной территориальной целостности.

Гуманитарный аспект (фактор) решения проблем азербайджано-армянского военного конфликта в Карабахе четко и убедительно прослеживается также по всем предпринятым сторонами переговорным процессам, каждый из которых имел свои конструктивные по договоренности результаты, важнейшими из них стали достигнутые перемирия, сохранившие тысячи человеческих жизней. Это свидетельствует также о реальном стремлении воюющих сторон следовать Женевской конвенции о правилах ведения войны, требованиям международного гуманитарного права (МГП) и международного права прав человека (МППЧ) в вооруженных конфликтах современности (переход к переговорным процессам как средству урегулирования конфликта, применение силы в соответствии с МГП; изменение характера конфликта, снижение его интенсивности; ограничения по применению оружия и взрывных устройств в населенных пунктах; недопущение разрушения местных систем жизнеобеспечения; особая защита медперсонала и медицинских объектов; гуманное отношение к раненым, военнопленным, мирному населению; сохранение объектов культуры и культурных ценностей и другие).

Актуальными гуманитарными проблемами Азербайджана и Армении в послевоенном Карабахе являются: обеспечение прекращения пограничных конфликтных ситуаций; восстановление инфраструктуры (разблокировка всех транспортных и экономических инфраструктур); возвращение беженцев; недопущение развития вражды, достижение реального примирения, диалога и сотрудничества двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоризмы и цитаты про войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://citaty.su/vojna-i-mir-citaty-i-aforizmu>. – Дата доступа : 18.02.2022.
2. Клаузевиц, К. О войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 18.02.2022.

3. *Саша Черный*. В детской [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.askbooka.ru/stihi/sasha-chyornyy/v-detskoj.html>. – Дата доступа : 20.02.2022.
4. *Белобородская, Я. А.* Мыслители древности о проблемах войны, мира и армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by>. – Дата доступа : 20.02.2022.
5. Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе (2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 20.02.2022.
6. *Карл фон Клаузевиц* Цитаты о войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.citaty.net> › karl-fon-klauzevits sitaty-o-voine. – Дата доступа : 18.02.2022.
7. Война в Карабахе (2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://regnum.ru/news/polit/3155565.html>. – Дата доступа : 18.02.2022.
8. Что необходимо знать о Карабахе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/2955509>. – Дата доступа : 21.02.2022.

Поступила в редакцию 11.03.2022

Д. В. Майборода

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Коммуникативно-диалогическая ценностная система, сформировавшаяся после мировых войн XX в., казалась, но так и не стала основанием нового глобального гуманизма. Доминирование постмодерна обернулось смещением значения ряда диалогических идеалов (толерантность, креативность, оригинальность, сбалансированное сотрудничество и пр.) и элиминированием других (поиск истины, духовность и гуманизм). Вызванная постмодерном дегуманизация активизировала альтернативные идеологии, чье влияние привело к социально-политическим кризисам, а потому необходим новый ориентир на гуманизацию, который может быть установлен диалогической прививкой к метамодерну как возможному следующему за постмодерном состоянию культур.

Европейская интеллектуальная жизнь после мировых войн XX в. декларировала важность диалога и связанной с ней ценностной системы (с конкретными идеалами толерантности, творчества, оригинальности, сбалансированного взаимодействия, гуманности и пр.). Казалось очевидным, что острейшие современные проблемы локального, регионального и глобального уровней больше не могут решаться исключительно монопольно доминирующей стороной, но требуют диалога и взаимодействия всех заинтересованных субъектов. Для этого же важно, чтобы все стороны согласовывали свои ценностные системы с диалогической, принимаемой как фундаментально значимая. Связанные с диалогизацией общественно-политической жизни идеи активно развивались и в философии, и в гуманитарных науках в целом,

приобретая все больший отклик в общественно-политической жизни общества. Эта тенденция получила название *диалогизм* – этим именем стала обозначаться система идей, представлений и практик, ядро которой – признание диалога смыслом человеческой жизни.

Диалогизм развивался в XX в. на фоне «взрыва коммуникации» – экспоненциального роста частоты, емкости, масштаба и функциональности применения коммуникативных технологий. Этот «взрыв» потребовал экстренного развития коммуникативистики – теоретических, эмпирических и практических исследований коммуникации. Влияние специализированного изучения коммуникации на другие науки, философию и культуру вообще стало столь сильным, что вполне возможно говорить о коммуникативном повороте в современном знании и культуре. Кроме того, увеличение международных контактов привело к формированию идей «межкультурной коммуникации» и «диалога культур», а также возникновению особых академических дисциплин, изучающих их проекцию на взаимодействие обществ в ходе современной глобализации.

Совмещение диалогизма и «взрыва коммуникации» породило ожидания, что в скором времени широкомасштабный коммуникативно-диалогический поворот в социальной жизни и системах знания сформирует глобальную гуманистическую культуру, которая вберет с себя наиболее важные для развития человеческого потенциала достижения как культур модерна, так и традиционных культур. Эти ожидания совмещались с вежливым игнорированием предупреждений об опасностях технологизации общения, которые выносили как последовательные антитехницисты, так и более умеренные диалогисты, призывавшие к гармонии технических и духовных аспектов общения.

Коммуникативно-диалогическая утопия так и не стала реальностью, а преобладающей оказалась культура постмодерна, в которой ряд важных для диалогизма идеалов приобрел совершенно иное значение, а другие и вовсе были отринуты. В целом в постмодерне толерантность приобрела черты безразличия («все подходит»), творчество – программируемой культурой производства, оригинальность – экстравагантной симуляции, взаимодействие – несбалансированной эклектикой автономных актов; человек стал трактоваться как миф, а его права – как особая идеология, производимая либеральным бюрократическим капитализмом для нового типа эксплуататорских практик (рационализация желаний как машина символического производства). А важные для диалогизма идеалы поиска истины, человечности и духовности в постмодернизме оказались практически отброшены, допустимы лишь в сильно завуалированном виде или как девиация.

Противоречия и недостатки постмодерна, обосновывающего его постмодернизма и теоретизирующего его постструктурализма вызывали активную критику уже с самого начала их появления. В XX в. основные линии критики постмодерна определялись точками зрения доминировавших ранее идеологий – традиционализма, классицизма и разных видов модернизма. До

некоторого времени казалось, что постмодерн всё более преодолевал эту критику, включая в свою мозаику элементы этих идеологий. Во второй половине XX в. локальные победы доминировавших ранее идеологий, такие как иранская революция, победа талибов в Афганистане или сохранение ряда коммунистических режимов, казались анахронизмами.

Однако в начале XXI в. критика постмодерна и поиск альтернатив ему начали приобретать новую силу. Традиционалистские взгляды стали всё шире декларироваться в различных обществах, выходя за пределы привычных консервативных кругов. Образовывались причудливые гибриды традиционализма с идеологиями просветительства и неомодернизма. Идеология фашизма, даже в классическом ее выражении представлявшая собой синтез традиционализма и новаторства, оказалась в этой ситуации особенно востребованной несмотря на то, что далеко не всегда ее сторонники открыто именуют себя «фашистами».

Рассмотрим кратко отношение этих альтернативных постмодернизму идеологий к диалогическим ценностям, дабы уяснить себе, насколько диалогизм может взаимодействовать с ними в деле гуманизации человеческого общества.

По самому своему понятию традиционализм антагонистичен новаторству, а поскольку для любого общества новаторскими являются сильно отличающиеся традиции другого общества, то фундаменталисты в стандарте — яркие противники толерантности. Чаще речь идет о базовой враждебности к иному, которая лишь в избранных случаях выливается в открытое противостояние представителям других культур. Творчество в консервативных взглядах допускается лишь для воссоздания обычаев, а оригинальность — для функциональной идентификации в коллективе. Человечность для традиционалиста отождествляется с интересами семьи, клана, племени или народности и не включает интересы отдельного человека.

А вот сотрудничество, духовность и истина принимаются в традиционных культурах как чрезвычайно важные, но в особом значении. Взаимодействие всегда иерархично, фактически представляя собой практику подчинения/исполнения (инициатива снизу в этой системе допустима только в качестве предвосхищения приказа). Поскольку обратная связь при этом часто теряет хоть какое-то значение, то сотрудничество склонно превращаться в эксплуатацию. Духовность для традиционалистов сводится к искренности поддержания системы общественных стереотипов и обрядов, которым нередко придается сверхъестественное значение. Для обеспечения этой искренности нередко задаются стандарты эмоциональности, однако аффективная составляющая нашего опыта плохо поддается ритуализации. Фактически место истинной искренности занимает правдоподобие представления, что в традиционных культурах считается вполне приемлемым, поскольку и сама истина сводится к общественно выгодной структуризации представлений (то, что в русском языке именуется «правда»).

Ясно, что эти трактовки крайне усложняют синтез традиционализма с диалогизмом для гуманизации общества. Однако в действительности нередко в диалогической философии происходило обращение к традиционализму именно потому, что его трактовки диалектически уравнивали крайности просвещенческих культур. М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг искали в религиозных традициях различных культур основание для противодействия индивидуализму и аморализму Нового времени. Однако ясно, что продуктивность обращения к традиционализму работает лишь в просветительских культурах, равно как Просвещение конструктивно для гуманизации общества в условиях господства традиционализма.

Это происходит, конечно, потому что просветительская идеология альтернативна в трактовке важнейших диалогических идеалов. В ней важную роль играют идеи толерантности, творчества, оригинальности, человечности и истины как таковой, но при этом занижается значение сотрудничества и духовности (агностицизм в данном отношении – следствие утверждения принципа свободы совести). Ясно, что в диалогизме неприемлемы превращение толерантности в безразличие и истины – в безличную объективность, а также радикализация творчества и оригинальности до безответственного новаторства и обеспечение прав индивидуальности в ущерб общественному интересу. Противны диалогизму также недооценка взаимодействия и отрицание духовности, пусть и вытекающее из критики обскурантизма церковной и аристократической идеологий. Но далеко не все варианты просветительства радикальны в этих трактовках диалогических идеалов, что оставляет широкие возможности продуктивного синтеза с ним диалогизма в интересах установления новых ориентиров гуманизации общества.

Идеологии модерна – во многом реакции на недостатки культур Просвещения, а потому они реабилитируют по крайней мере некоторые аспекты традиционализма. Самыми влиятельными из них были и в начале XXI в. остаются позитивизм и социализм (в том числе в виде коммунизма).

Наиболее близка просветительству позитивистская (сциентистская), или технократическая, или либерально-демократическая идеология. Разнообразие ее названий выдает различные ее аспекты. *Сциентизм* акцентирует ориентацию на конкретные математизированные науки, *позитивизм* – на то, что в них доминируют позитивные высказывания, то есть утверждения, описывающие опытно проверяемые факты (полезной коннотацией выступает тут то, что позитивисты крайне положительно оценивают динамику общественного развития, веря в то, что технический прогресс оборачивается морально-нравственным совершенствованием общества). *Технократия* – это характеристика, подчеркивающая, что в этой идеологии утверждается центральное значение техники и, соответственно, то, что именно инженерной элите должны принадлежать власть и определяющее культурное влияние в обществе. Наконец, *либеральная демократия* предполагает, что эта идеология утверждает универсальные ценности свободы и народовластия. При этом она также может называться *капитализмом*, что подчеркивает ее ориентацию на концентрацию капитала как важнейшую доминанту экономического развития.

В трактовке ряда диалогических ценностей позитивистская идеология чрезвычайно близка Просвещению и в сущности является ее особым продолжением. Толерантность так же, как и в просветительстве, оказывается по трактовке близка безразличию, но за одним важным исключением – декларируется необходимая нетолерантность по отношению к нетолерантности. Кажется, что тут есть непреодолимое противоречие (то, что подразумевал М. Ганди, утверждая, что следование принципу «око за око» сделает весь мир слепым), однако либерализм подчеркивает, что допустима нетолерантность лишь второго порядка (например, в форме применения насилия лишь в ответ на насилие). Именно это и является основным обоснованием либеральной концепции государства как «ночного сторожа».

Аналогична ситуация и с креативностью и оригинальностью – они оцениваются также крайне высоко, а единственное их принципиальное ограничение – сохранение традиции креативного новаторства. Или, говоря иначе, единственные инновации и творческие свершения, которые исключаются, – те, что ниспровергают в принципе идеалы креативности и новаторства. Это же касается и сотрудничества вообще – оно прежде всего должно обеспечивать индивидуальное творчество. Это – общество индивидуальностей, взаимодействующих, чтобы быть собой. Тут считается, что индивид может быть поистине индивидом только в индивидуалистическом обществе, и, сознавая это, он должен быть готов даже ценой своей жизни поддерживать это общество. Но это требование не тотально, хоть и принципиально. Единство индивидуальностей обеспечивается активизируемой конкуренцией лидеров (либерализм) выбором большинства (демократия), но не всех. Моральное требование учета большинством интересов меньшинства – ориентир, который в полной мере соответствует идее гуманизма в гармонии индивидуального и общественного аспектов. И потому в этой идеологии обнаруживаются элементы как просветительского индивидуализма, так и утопического социализма (в особенности – в идее, что общественное благо обеспечивается единством рабочих и технических руководителей). И все это и формирует единственно принимаемый позитивизмом образ духовности.

Наконец, истина в позитивизме, так же, как и в просветительстве, утверждается как надличностная, но при этом ее восприятие имеет значительные индивидуальные и социальные особенности. Прагматизм в отношении истины близок традиционалистскому отождествлению правды с выгодной для субъекта структурой образа реальности. Однако если для позитивиста прагматизм – человеческая коррекция сверхзначимой объективности, то для традиционалиста помимо приемлемой картины мира никакого другого подступа к истине нет.

Ясно, что такие неоднозначные трактовки диалогических идеалов позволяют лучше синтезировать диалогизм с позитивизмом, чем со стандартным просветительством. Отчасти это же относится к другим доминирующим идеологиям модерна.

В идеологиях социализма и коммунизма крайне важно сотрудничество, фундирующее само существование общества и коммуны. Трактовки этого сотрудничества, однако, крайне разнообразны в различных направлениях – от близкого традиционализму иерархизма до нивелирующей различия между индивидами уравниловки. Во всяком случае доминирует представление о примате общего блага, предопределяющее восприятие гуманизма. Поистине гуманно то, что хорошо для наибольшего числа людей. Этот принцип утилитаризма, правда, может восприниматься не синхронно, но учитывая благо будущего общества, что особенно важно в коммунистической идеологии.

Из этого следует и ограничение толерантности в основном членами собственного общества, а также – относительно – теми, кто благу этого общества прямо или косвенно способствует (в том числе сторонниками родственных идеологий). Поскольку образы общественного блага в социализме сильно различаются от одной конкретной концепции к другой, то среди них можно встретить как интернационализм, так и нацизм, как идею гендерного равноправия, так и пропаганду патриархата, как утверждение свободы совести, так и религиозную нетерпимость. Параметры толерантности определяются границами солидарности.

Социализм в отличие от традиционализма принимает истину не только в образе «нашей правды», но и как некоторое объективное положение вещей, однако в ряде концепций эта объективность может существенно искажаться, поскольку доминирует все же общий интерес. Креативность и оригинальность допускаются лишь в интересах общества, и вся эта система взглядов и рассматривается как единственно допустимая духовность (альтернативная система взглядов понимается как квазидуховность, а метафизика духа принимается лишь в религиозном социализме как тождественная его идеологии).

Позитивная трактовка диалогических идеалов в социализме и коммунизме способствовала широкому распространению диалогизма в постсоветских странах. Хотя и тут следует учитывать, что некоторые смещения значений в социализме далеко не всегда отвечают диалогическим взглядам и требуют определенной коррекции.

Ясно, что синтез диалогизма с наиболее радикальными трактовками крайне идеалистической или фашистской идеологии невозможен без устранения самой сути диалогического взгляда на реальность. Настоящий диалогизм – постоянно в опасности между Сциллой индивидуализма и Харибдой фашизма. Ясно также, что диалогизм никогда не оказывается совершенно свободен от влияния одной из этих крайних трактовок. Пребывание между этими крайностями нестатично, оно имеет перманентно колебательный характер. Такая осцилляция, однако, свойственна не только диалогизму, но и современным культурам, переживающим кризис постмодерна. Метамодернизм устами Л. Тёрнера декларирует: «Мы признаем колебания естественным порядком в мире» [1].

Поскольку состояние метамодерна лишь разворачивается, то нельзя точно сказать, насколько оно окажется значимым и долгосрочным. Более того, трудно спрогнозировать, будут ли сложившиеся сегодня в метамодернизме описания этого состояния адекватными. Но, несмотря на это, возможно сделать некоторые прогнозы желательного развития для этой ситуации, которые вполне способны сыграть регулирующую роль для культурного развития. Диалогическая утопия метамодерна вполне отвечает ситуации, когда «метамодернизм не предлагает какого-либо утопического видения, хотя и описывает атмосферу, в которой тоска по утопиям, несмотря на их тщетность, вышла на первый план» [2].

Вообще метамодерн – состояние культуры, продолжающее определенные тенденции постмодерна (метамодернизм – постмодернизма), который сам по себе – завершающая стадия модерна, чьи важнейшие идеологические программы рассмотрены выше, как, собственно, и постмодернистская трактовка главных диалогических идеалов. Однако по большей мере следование метамодерна за постмодерном подвержено принципу отрицания, тем самым и их трактовки важнейших идеалов диаметрально отличаются. А поскольку и сам постмодерн во многом отрицал трактовки модерна, то метамодерн в определенном смысле реабилитирует модерн (метамодернизм – модернизм). Эта реабилитация, конечно, не означает полного их восстановления, но в некоторой мере синтезирует продуктивные элементы постмодерна и модерна. Основанием отбора продуктивных элементов при этом вполне может выступать диалогизм, который принципиально хорошо согласовывается с идеологией метамодерна.

Важнейшее качество метамодерна – колебание между чертами модерна и постмодерна, что сказывается и в трактовке диалогических ценностей. Метамодерн колеблется от равнодушного принятия любой инаковости до нетерпимости, от новаторства до традиционности, от индивидуализма до коллективизма, от утверждения прав человека до их подчинения интересам общества и природы, от поиска истины до ограничения частным интересом, от материальности до новой духовности. Кажется, что очень сложно увидеть в этих осцилляциях серьезное основание для диалогизации такой неуловимой формы. Метамодерн вообще в равной мере и соответствует, и не соответствует любой идеологии.

Однако такая неопределенность свойственна и самой диалогичности. Она – проявление колебательного ее характера. Выше было сказано, что диалогизм колеблется между крайностями просвещенческого индивидуализма и модернистского социализма. В той мере, в какой постмодернизм выступает неопросветительством, это означает неопределенность и между полюсами модернизма и постмодернизма. Или, учитывая, что модернистский социализм – особая реинкарнация традиционализма, то, вероятно, следует просто говорить о более общих полюсах колебаний. Как диалогизм, так и метамодернизм колеблется между принципиальными крайностями безразличия и ангажированности, индивидуализма и коллективизма, реформаторства и консерватизма, объективности и субъективности, телесности и духовности.

Эти колебания периодичны и направлены, что напоминает о гегелевской диалектике, однако она чрезмерно механизмирует всю систему. В действительности даже сами периодичность и направленность колебаний постоянно сменяются хаотизацией и размыванием. Потому диалектика как теория всеобщего развития через отношение противоположностей – только один из аспектов диалогизма, а равно и метамодернизма, который необходимо должен быть восполняем нетеоретизируемой практикой индивидуального самосохранения в единстве желания. Даже и сама неопределенность в колеблющихся системах не фатальна – она сменяется четкостью по мере того, как событие приближается к фокусу нашего познания.

Развитие – результат этих постоянных колебаний, а это значит, что колебания не совершенно симметричны. Также важно, что извне системы конкретные параметры колебания далеко не всегда определимы и тем более предсказуемы. Так сильная вовлеченность может смениться как полной безучастностью, так и умеренным интересом; реакцией на принципиальную инновацию может стать как крайний консерватизм, так и умеренный реформизм. Развитие диалога, как и культуры метамодерна, во многом определяется внутренними силовыми линиями, осознаваемыми или даже переживаемыми адекватно только изнутри.

Конечно, нельзя сказать, что метамодернистско-диалогическая утопия обречена на осуществление. Скорее, наоборот, как и всякая другая утопия, она будет опрокинута действительностью, поскольку вообще функция реального – ограничивать воображаемое. Но есть тут еще и важный пункт раскола в самой этой утопии, поскольку между метамодернизмом и диалогизмом существует различие, состоящее в том, что именно иницирует колебание. Диалогизм видит источником его внутреннее стремление к смыслу, тогда как метамодернизм – бессмысленную судьбу или стечение обстоятельств. Это вполне аналогично тому, что каждый конкретный диалог устанавливает некоторые значения, тогда как метамодернистские события часто рассматриваются как констатация ограниченной абсурдности.

Впрочем, это различие не является непреодолимым, а грамотный диалогизм и не манифестирует достижимость идеального царства диалога чисто человеческими усилиями. Диалог рождается усилием найти смысл человеческого существования, и усилие это альтернативно тому бессилию, в которое мы неминуемо впадаем из-за абсурдности мира, – тому усилию, благодаря которому каждый конкретный диалог неминуемо заканчивается. Наша судьба – действительно колебание между тем, что М. Бубер называл «двумя отнесённостями мира и человека», – между Я-Ты и Я-Оно [3, с. 16]. Диалогизм – против присущего метамодернизму фатализма в восприятии этой колебательности, но он и не игнорирует того, что смысл рождается в противостоянии бессмысленному. Диалог – практика неприятия абсурда. В этом смысле диалогизм может послужить гуманизации метамодернизма, хотя, конечно, он может быть и отринут, как это произошло с постмодерном.

Итак, если постмодерн так и не реализовал коммуникативно-диалогическую ценностную систему, которая могла стать основанием нового гуманистического общества, то такая возможность остается для культур, которые направляются другими идеологиями, включая метамодернизм. И даже если диалогическо-метамодернистская утопия не реализуема в полной мере, она может послужить важным регулятивом развития обществ в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Metamodernist // Manifesto [Электронный ресурс] / L. Turner. – Режим доступа : <http://www.metamodernism.org/>. – Дата доступа : 17.03.22.
2. Metamodernism: A Brief Introduction // Berfrois: online literary-intellectual magazine [Электронный ресурс] / Ed. R. Bennetts. – Режим доступа : <https://www.berfrois.com/2015/01/everything-always-wanted-know-metamodernism/>. – Дата доступа : 07.03.22.
3. Бубер, М. Два образа веры : пер. с нем. / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. – М. : Прогресс, 1995. – 464 с.

Поступила в редакцию 06.04.2021

Б. Я. Мигас

КОНЦЕПЦИЯ И ПРАКТИКА КОЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НООСФЕРЫ (краткий обзор)

В статье рассматриваются значимые шаги на пути теоретического осмысления и обобщения глобальных проблем современности, вызванных стремительным развитием промышленности, НТР, постиндустриального и информационного общества и сформировавшейся на этой базе концепции ноосферы. Должное внимание уделяется и проблеме коэволюционного развития природы, личности и общества, тем политическим и организационным мерам мирового сообщества, реализация которых призвана преодолеть антропологический кризис и кризис человеческой цивилизации, достичь устойчивого развития.

В истории человечества проблема взаимосвязи природы и общества уже на ранних этапах развития находилась в центре внимания. На уровне мифологического мышления, в анимизме, тотемизме и магии общество еще не отделялось от природы. Процессы, происходящие в ней и не зависящие от человека, считались одушевленными силами, способными благоприятствовать или препятствовать его деятельности. Родословную свою люди вели от животного мира. На этом уровне представления о взаимодействии природы и человека господствовало мнение о полной зависимости общества от

переменчивых естественно-природных условий существования и о полной зависимости индивида от жизни рода в первобытном коллективе [1; 2].

В развитых цивилизациях «уже не только общество приобретает относительную самостоятельность в своей взаимозависимости с природой, но и личность приобретает относительную автономность в своих взаимоотношениях с обществом» [3, с. 555]. В данной ситуации речь идет о значительном удалении общества и личности от природы, их породившей. И на этой почве в первой половине XX века возникло учение о ноосфере.

Ноосфера есть «новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития [4, с. 911]. Это понятие ввели в научный оборот философ Э. Леруа и антрополог П. Тейяр де Шарден в 1927 г. Но Тейяр де Шарден, тяготеющий к католическому модернизму, при построении картины мира опирается только на понятие эволюции. Для него это – «основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы и системы» [5, с. 215]. Он считал, что в настоящее время движется к завершению формирование единого человечества, нового покрова земли – сферы духа, т.е. «ноосферы», а через него возможен выход в сверхжизнь, к «точке Омега». В итоге движущие силы развития, его направленность объясняются им теологически.

Материалистическое же представление о ноосфере углубил и развил В. И. Вернадский. Он утверждал, что человек как социальное существо может строить свою историю, только считаясь с законами природы биосферы («области жизни»). Стихийно человек от нее неотделим. Вне ее условий он существовать не может. И человечество как живое существо не может быть от нее независимым ни на одну минуту. А развитие науки и техники многократно усилило энергию человеческой культуры. Человек, осваивая и преобразуя природу, узнал и охватил своей деятельностью всю биосферу, закончил географическую карту Земли и расселился по всей ее поверхности. Поэтому биосфера проявляется как планетное явление космического характера. Такой подход к пониманию взаимосвязи и взаимозависимости природы и общества позволяет В. И. Вернадскому рассматривать ноосферу как качественно новую форму организованности, которая формируется при их взаимодействии друг с другом. Она характеризуется тесной взаимосвязью и сопряженностью законов природы, мышления и социально-экономического развития, что пробудило повышенный интерес к такому процессу, как *коэволюция*.

С биологической точки зрения коэволюция представляет собой тип эволюции сообщества, заключающийся во взаимных селективных взаимодействиях двух больших групп организмов, находящихся в тесной экологической взаимозависимости. В результате такого взаимодействия каждая из сторон получает свою «выгоду». Подобная стратегия, считал Ю. Одум, способствует выживанию в природных системах и человеку следовало бы перенять ее. Эту возможность обосновал в 1968 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский в докладе «Биосфера и человечество».

Большой вклад в разработку концепции взаимосвязи природы и общества принадлежит академику РАН Н. Н. Моисееву. Он сосредоточил внимание на таких характеристиках человечества, как целостность и стабильность. Без них, считает ученый, общество будет не в состоянии решать экологические проблемы глобального масштаба, так как реальным препятствием на пути их решения является раздробленность человечества, в котором имеют место избранные государства, расы и нации, фашизм, традиционализм и т.д. Это свидетельствует об отсутствии целостности человечества с едиными общими целями. Поэтому необходимо, утверждает Н. Н. Моисеев, уточнение и понятия *коэволюция*. Это понятие «требуется, чтобы скорость изменения параметров биосферы под воздействием антропогенных факторов не была слишком высокой. Она должна допускать адаптацию человека к изменяющимся внешним условиям. И, напротив, изменение внешних условий существования человека вследствие антропогенного воздействия также должно иметь адаптационный характер целенаправленного изменения параметров биосферы» [3, с. 638].

Поскольку Н. Н. Моисеев характеризует коэволюцию как кооперативное совместное развитие биосферы и социума, сформулированный им закон направляемого коэволюционного развития он назвал правилом «кормчего», которое в китайской философии даосизма означает действие, отвечающее природе вещей. По этому правилу, «чтобы довести лодку до цели, кормчий должен использовать силу ветра и течений, действовать в согласии с ними, искусно маневрировать и уж ни в коем случае не гнать лодку против ветра» [5, с. 450].

К концу XX в. прежняя парадигма, согласно которой природа рассматривалась как бездонный резервуар ресурсов для деятельности человека и человечества, показала свою несостоятельность. Ведь человек как элемент биосферы может развиваться только в ней самой. И на рубеже XX – XXI веков идея коэволюции стала сознательной установкой, методологическим принципом для многих не только естественных, но и гуманитарных наук, новой парадигмой науки и культуры, которая формирует новое мировоззрение и методологические образцы. В таком аспекте коэволюционное взаимодействие природы и общества явилось уже жесткой необходимостью, категорическим императивом, поскольку техногенное общество пришло к глубокому кризису, проявляющемуся в массе глобальных проблем. А их дальнейшее обострение грозит масштабными катастрофами и даже гибелью человеческой цивилизации.

К таким выводам глобальной значимости вплотную подвела научно-техническая революция (НТР). Она характеризуется как коренное качественное преобразование производительных сил на основе превращения науки в ведущий сектор развития общества, в непосредственную производительную силу. В середине XX в. НТР резко ускоряет научно-технический прогресс и оказывает кардинальное влияние на все стороны жизни общества. Именно она демонстрирует взаимное стимулирование развития науки, тех-

ники, производства и личности, опираясь на новую энергетическую базу, информационные ресурсы и обновленные принципы управления производством и обществом.

Изучением глобальных проблем, затрагивающих основы существования всего человечества, с 1968 г. стала заниматься и международная неправительственная организация Римский клуб. Инициировал его создание итальянский экономист, бизнесмен и общественный деятель А. Печчеи. Свой взгляд на вышеозначенные проблемы он изложил в книге «Человеческие качества», вышедшей на русском языке в Москве в 1985 году. Он охарактеризовал западную цивилизацию как породившую радужные надежды и иллюзии всеобщего процветания. А Земля не в состоянии разместить непрерывно растущее население и удовлетворить его все новые и новые потребности. НТР наделила нас невиданной силой и привила вкус к такому уровню жизни, о котором мы раньше и не помышляли, но она не может держать под контролем наши возможности и запросы. От нас зависит теперь, сможем ли мы преодолеть это критическое несоответствие, поскольку от этого зависит судьба не отдельных стран и регионов, а всего человечества в целом.

Как считал А. Печчеи, человек оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу с теми изменениями, которые он сам внес в этот мир. При этом проблема находится изнутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В итоге она сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Мы же пока решаем периферические и частные задачи, не замечая глобальной, всемирной проблемы. Правительства и нынешние международные организации оказываются абсолютно неспособными глубоко реагировать на сложившееся положение, утверждает он.

Автор считает, что только Новый Гуманизм способен трансформировать человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего возросшей его ответственности в мире. Этот уровень включает три главных аспекта: чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию. При этом он отмечает, что постепенно вызревает и необходимость отказа от принципа суверенности национального государства. А развитые капиталистические страны могут и должны в этом вопросе проявить инициативу коллективного и добровольного отказа от части своих суверенных прав и показать миру, что это не сопряжено ни с какими трагическими последствиями для развития страны.

Созданный А. Печчеи Римский клуб объединял усилия ученых, политических и общественных деятелей из разных стран мира, в том числе социалистических (Венгрии, Польши, Румынии, СССР). На ежегодных мероприятиях там заслушивались и обсуждались доклады, тематика которых эволюционировала от описания грозящих катастроф в начале 70-х годов: «Пределы роста» 1972 г. (руководитель Д. Медоуз); «Человечество у поворотного пункта», 1974 г. (руководители М. Месарович и Э. Пестель) и др. до разработки конкретных проблем будущего информационного общества, включая выдвижение

программ трансформации общественно-политических систем, культуры, ценностей глобального масштаба: «Альтернативы есть», 1984 г. (И. Галтунг), поиски «глобального гуманизма» (С. Менделович) и т.д.

Во весь голос глобальное политическое звучание тема ноосферного развития получила в 1987 г., когда международная комиссия по окружающей среде и развитию (Комиссия Г. Х. Брундтланд) опубликовала доклад «Наше общее будущее». В нем была освещена самая тесная взаимосвязь экологических, социальных, экономических и политических проблем на нашей планете и невозможность решения каждой из них в отдельности. Проблема и сам термин «устойчивое развитие», предлагаемые в докладе комиссии, получили самое широкое хождение в науке и политике. Содержанием этого термина является «модель человеческого развития», при которой удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается без лишения такой возможности будущих поколений. Иными словами, это социально-экономическое развитие с условием экологических ограничений [6; 7].

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Она призвала все страны к принятию национальных стратегий по устойчивому развитию. В марте 1997 г. Беларусь одна из первых в мире разработала и приняла к исполнению на 15-летний период национальную стратегию устойчивого развития. Признано, что она помогла остановить спад производства в стране и придать ему положительную динамику развития, так как она явилась научной, методологической и идеологической разработкой, ориентиром для системы государственного социально-экономического прогнозирования и программирования.

Подтверждением глобальной политической значимости коэволюционного развития ноосферы является и состоявшийся в сентябре 2000 года в Нью-Йорке Саммит представителей 189 стран, в том числе и Беларуси, где была принята Декларация тысячелетия как базовый инструмент. В документе ставилась задача в условиях крайней неравномерности развития человеческого потенциала улучшить положение человека во всем мире при обеспечении экологической устойчивости.

Развиваясь в русле требований и тенденций устойчивого развития, к третьему десятилетию XXI века, по данным на январь 2021 г., в мировом рейтинге достижений 17 взаимосвязанных и неразделимых целей и области устойчивого развития, призванных преобразовать мир, наша страна заняла 18 позицию среди 166 стран [8]. Но в глобальных масштабах, вследствие социального эгоизма, мощь воздействия общества на природную среду постоянно возрастает, превращаясь в слепую стихийную силу. И в этой сфере может не оказаться места для существования человека.

По мнению Э. Ласло, причина этой угрозы в том, что социальную и экономическую системы мы передали невидимой, но, как думали, беспристрастной «руке рынка», которая стала выходить из-под нашего контроля. Ведь глобализация, с одной стороны, порождает все большую интеграцию

производства, торговли, финансов и коммуникации, с другой – усиливает разрыв в доходах и растущую деградацию окружающей среды. Преимуществами же экономического роста пользовались все более узкие группы населения, а остальные, живущие на фоне высокого материального уровня жизни, оказались в тени показного изобилия. Это горючий материал для возмущения, мятежей и революционных потрясений. Наши информационные технологии, способные, казалось бы, солидаризировать разобщенный мир, находятся в руках доминирующих держав, и их глобальные сети служат интересам незначительного меньшинства и маргинализации остальной части населения планеты. Но безопасный и прочный мир не может быть построен без исправления положения [9, с. 16–17].

Эти и многие новые возникающие обстоятельства актуальны для нашего всеобщего будущего. На «давосской неделе» Всемирного экономического форума (февраль 2021 г.) Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении заострял внимание на том, что последние сорок лет являются успешными или даже сверхуспешными для мировой экономики, но прибыли компаний и доходы достались одному проценту населения. Он делает следующий вывод: «Абсолютно ясно, что мир не может идти по пути построения экономики, работающей на миллион человек или даже на “золотой миллиард”. Это просто деструктивная позиция. Такая модель по определению неустойчива». Также важным направлением, где необходима координация работы всего мирового сообщества, отмечает В. В. Путин, – это сохранение климата и природы нашей планеты. Только вместе мы сможем добиться прогресса в решении таких серьезнейших проблем, как глобальное потепление, сокращение лесного фонда, утрата биоразнообразия, увеличение объема отходов, загрязнение океана пластиком и так далее, найти оптимальный баланс между интересами экономического развития и сбережением окружающей среды для нынешнего и грядущего поколений [10]. Эту проблематику он актуализировал и на форуме Валдайского клуба в октябре 2021 г., констатируя, что мы сегодня столкнулись с одновременными системными изменениями по всем направлениям: от усложняющегося геофизического состояния нашей планеты до все более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чем смысл его существования. Природные катаклизмы и пандемия коронавируса, которая не сплотила, а разъединила нас, показали уязвимость нашего сообщества, определяют главную задачу – обеспечить безопасное существование человека [11].

Ко всему сказанному выше необходимо добавить и тему, порожденную современным этапом развития общества, имя которой «проблема сохранения человеческой личности (современный антропологический кризис)». Академик РАН В. С. Степин разработал ее во многих аспектах. В своей работе «Теоретическое знание» (М., 2000) он пишет, что этот кризис порождает сам человек: чем больше он преобразует мир, тем больше порождает и такие социальные факторы, которые радикально меняют его жизнь, ухудшая ее. К их числу он относит формирование «одномерного человека», по характе-

ристике Г. Маркузе. Появилась и угроза существования человеческой телесности, так как цивилизация и медицина значительно продлили срок человеческой жизни, но устранили действие естественного отбора, а рост мутагенных факторов грозит ухудшением генофонда человечества. Перспективы генной инженерии тоже неоднозначны. С одной стороны, они позволяют лечить ряд наследственных заболеваний, с другой стороны, появляются возможность и соблазн совершенствоваться и приспособлять «антропологический материал» ко все новым социальным нагрузкам. Воздействие на мозг также открывает возможность манипулировать психикой человека: порождать галлюцинации, вызывать картины прошлого, воспринимаемые как реальность, управлять его эмоциями, мобилизовать бодрость, устранять сонливость и т.д. Опасно широкое применение транквилизаторов и иных психотропных средств. Эти и другие проблемы техногенной цивилизации требуют переосмыслить сам прогресс техногенного типа, определить его новые формы в рамках коэволюционного развития ноосферы (В. С. Степин 2000, с. 30–34).

В интервью корреспонденту газеты «СБ Беларусь сегодня» (20.10.2017 г., с. 14), данном им в ходе первого белорусского философского конгресса, В. С. Степин отмечает и следующие аспекты данной проблемы. Идеалы современного общества потребления стимулируют обострение главных глобальных кризисов и создают условия для углубления антропологического кризиса. Американский аналитик и идеолог рынка В. Лебов еще в середине XX в. писал, что для ускоренного экономического роста потребление должно быть образом жизни, ритуалом, обеспечивающим престиж личности, что нужно научить людей быстро менять вещи, изнашивать, портить, заменять их более модными с нарастающей быстротой. Реализуясь в нашей жизни, эта программа, по мнению философа и футуролога Э. Ласло, – это путь к ускоряющемуся загрязнению среды и экологической катастрофе.

На этом фоне сформировался и подход к человеку как к товарной единице, стоимость которой варьирует от стоимости его рабочей силы до стоимости его отдельных органов, потенциально пригодных для трансплантации.

Человек и его способности (человеческий капитал) в монетарном подходе выглядит как средство и предмет, свойства которого полезны в той или другой сфере деятельности и социальных отношений. Качества человека превращаются в товар. «Но, покупая эти качества, человек их не приобретает, а теряет». Совокупность научно-технического прогресса, загрязнения среды и давления на человека усложняющихся социальных структур приводят к ускорению мутации генетического кода человека. Манипулирование его генетическим кодом и создание нового человека взамен старого образовало целое направление – трансгуманизм. Это выход за пределы гуманизма. Его задача – сконструировать новое мыслящее существо, которое уже и человеком не будет. По существу – это путь к уничтожению человека. Современные технологии необходимо ставить под гуманистический контроль, им нужна социально-гуманитарная экспертиза. Еще одно из

проявлений антропологического кризиса обусловлено ускорением темпов социальной жизни, которое требует адаптации человека к многообразию ситуаций, что далеко не всем под силу. Депрессии сейчас – одно из первых психических заболеваний. В. С. Степин подчеркивает, что новая стратегия должна способствовать выходу из кризисов. А это, в свою очередь, предполагает формирование новой матрицы ценностей, соответствующей идеалу сохранения биосферы и человечества. Ее началом могут стать точки роста новых ценностей. Такие точки роста уже есть. Идея ускоряющегося прогресса трансформируется в идею устойчивого развития. При этом придется думать, как ограничить диктат рынка, как по-новому устроить систему воспитания, чтобы обеспечить духовное развитие человека. Это сейчас основная задача, которая стоит, прежде всего, перед человечеством, так как в переломные эпохи, когда меняется тип цивилизационного развития, необходим поиск новых ценностей. Ценности – это своего рода генетика общества, философия как раз и занимается поиском новых ценностей. Тех, которые определяют будущее развитие.

Поводя итог изложенному выше, отметим следующее.

Учение о ноосфере и необходимости ее коэволюционного развития органично вписывается в мировоззрение современного общества и принимается им как очевидность. Оно базируется на объективном анализе тенденций научно-технического, социально-экономического и политического динамизма. В нем четко и конкретно отражены достижения и проблемы человеческой цивилизации и человека, нарастающая угроза их самоуничтожения без принятия неотложных мер по устранению его причин и обеспечению устойчивого развития в будущем. Очевидна и малоэффективность мер по ликвидации угроз глобальных проблем современности, принимаемых общественными организациями, движениями и партиями, призванными их устранить и даже предотвратить. Причин, на наш взгляд, несколько.

- Отсутствие чувства единства человечества в ноосферной системе «природа–человек–общество». Общество противоречиво, конфликтно и существенно неоднородно, из-за чего различные группы преследуют разные цели, исходя из реальных потребностей, интересов, ценностей.

- Отсутствие политической воли, способной сделать должное сущим.

- Расходование государствами в современных условиях колоссальных средств на вооружение, войны и ликвидацию их последствий. Этих средств вполне хватило бы на то, чтобы начать успешное наступление на кризисные явления в обществе и ускорить переход человечества к устойчивому прогрессивному развитию.

- Трудности социализации личности. Отсутствует гармонизация двух направлений этого процесса: индивидуалистического и коллективистского. В первом варианте (общество потребления) кроме норм права все остальные нормы – это личное дело индивида. Результат такой социализации – личность индивидуалиста и эгоиста, способного побеждать в конкурентной борьбе. Она сама определяет, каких норм придерживаться в жизни-борьбе.

При втором варианте личность комплексно адаптируется к нормам жизни, в которой коллективное и общечеловеческое в приоритете, а личное и целеустремленное действие сопряжено с ценностями реального гуманизма, им стимулируется и оценивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тайлор, Э. Б.* Первобытная культура : пер. с англ. / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.
2. *Фрэзер, Д. Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии : пер. с англ. / Д. Д. Фрэзер. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1986. – 703 с.
3. *Кузнецов, А. В.* Практикум по философии: Социальная философия / А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов. – Минск : Асар, 2007. – 832 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. Энцикл., 1989. – 1632 с.
5. *Тейяр де Шарден, П.* Феномен Человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Прогресс, 1965.
6. Белорусский путь / под ред. О. В. Пролесковского и Л. Е. Криштаповича. – Минск, 2010. – 495 с.
7. Стратегия устойчивого развития Беларуси: преемственность и обновление. Аналитический отчет. – Минск : Юнипак, 2003. – 205 с.
8. Основные положения проекта Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы // СБ Беларусь сегодня. – 2021. – 10 янв.
9. *Ласло, Э.* Макродвиг: к устойчивости мира курсом перемен : пер. с англ. / Э. Ласло. – М. : 2004.
10. Всемирный экономический форум, февр. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>. – Дата доступа: 15.02.2022.
11. Форум Валдайского клуба, октябрь, 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66975>. – Дата доступа: 10.02.2022.

Поступила в редакцию 08.04.2022

И. П. Салтанович

КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРИГГЕР КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Основная идея статьи заключается в том, что в мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизаций) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. Когда группы находятся в конфликте (пример Нагорного Карабаха), культурные предубеждения могут стать триггером для дальнейшего разоб-

щения и предотвращения примирения. Раскрывается, что в научной литературе культурные факторы слабо учитываются при анализе потенциально насильственных ситуаций межгрупповых конфликтов. Делается предположение, что для урегулирования серьезных противоречий нет необходимости устранять разногласия. Скорее важно понять их — из чего состоят и почему существуют, — чтобы гарантировать, что они не приведут к насилию или дадут возможность военную конфронтацию прекратить.

Национальная безопасность в значительной степени определяется культурой. Ни одна нация не может достичь полной безопасности в любые времена, и борьба с предполагаемыми угрозами может быть актуализирована путем адаптации элементов культуры для обеспечения выживания, разработки стратегий, чтобы предотвратить потенциальную и фактическую дестабилизацию. Как точно отмечает А. Бейер в своей работе “Международная политическая психология: исследования новой дисциплины”, «международные отношения по своей сути связаны с отношениями между людьми, которые в основном рассматриваются как крупномасштабные социальные общности, такие как национальные государства» [1, р. 10]. Принимая во внимание культурные различия в «средовом» определении безопасности, мы все больше понимаем, насколько они важны. Отсюда и выстраивается представление о культуре как о стратегическом инструменте.

Ограничения и возможности культур как регулирующих инструментов в международном сотрудничестве и разработке политики в настоящее время являются предметом растущего числа исследований. Восприятие времени и пространства, а также поведение и мышление в своем различии оказывают влияние на все культурные уровни, начиная с индивидуального и заканчивая национальным. Многие вопросы, представляющие первостепенный интерес для общественных, политических и военных кругов, требуют более тщательной оценки с точки зрения их зависимости от влияния культурных факторов.

Серьезные проблемы защищенности от конфликтов связаны с рисками безопасности и их оценкой. Оценка риска в области безопасности никогда не бывает легкой и должна включать как аналитический, так и интуитивный подход. В очередной раз сравнительная теория культуры позволяет увидеть трудности такого подхода. Анализ хорошо работает в западной среде, но западные люди зачастую плохо овладевают целостным пониманием ситуации. Закавказский или азиатский человек интуитивно гораздо лучше реагирует на ту или иную ситуацию, но ему как раз сложнее выработать аналитический подход к конфликтной ситуации.

Существует мало систематических доказательств того, что культурные различия сами по себе являются серьезной причиной организованного насилия. Что еще предстоит изучить, так это предположение о том, что непонимание — а не различие — между культурами является фундаментальным источником конфликта. Ясно, что многие из самых высоких надежд мира на будущее теперь связаны с достижением лучшего взаимопонимания между культурами. Растущее количество информации о том, как акторы

думают о себе и друг о друге, вызывает всеобщее волнение, особенно в то время, когда информацией и знаниями манипулируют с беспрецедентной ловкостью; однако источники и распространение общих убеждений и ценностей, отраженных в слове *культура* в данном контексте, остаются малоизученными.

Дихотомия «война–культура» развивалась, можно сказать, вместе с человечеством, которое всегда находилось либо в состоянии войны, либо в подготовке к ней, либо в восстановлении своего хозяйства после нее. То есть война как прочно вписанный в культуру аспект никогда не выгружалась из сознания [2].

Культура представляет собой сложный процесс как на индивидуальном, так и на национальном уровне, тесно связанный с самоидентификацией и формированием идентичности. Она часто недооценивается или игнорируется, особенно в области международных отношений. Этому есть разные причины. Во-первых, непонимание того, что означает культура и как она может влиять на политику. Во-вторых, культура обычно воспринимается статично, а не как процесс. В-третьих, культура охватывает все уровни общества, от индивидуума до сообщества, все сферы, а не ограничивается каким-то одним конкретным социальным уровнем.

Культура как триггер конфликта

Если мы понимаем концепцию культуры как совокупность общих убеждений, представлений и моделей поведения, эволюционировавших для достижения успеха или выживания в мире, тогда имеет смысл предположить, что особенно стрессовая среда войны вырастает и из культурных противоречий, служащих триггером, а в рассматриваемом случае – триггером историческим, и способствует развитию собственных «культур».

Слово *триггер* (англ. *trigger*) дословно переводится как ‘спусковой крючок’. Изначально «триггером» называли рычаг, на который нужно нажать, чтобы привести пистолет в действие. Позже слово приобрело еще один смысл — так стали называть внешний стимул, который запустил какое-либо действие, реакцию или событие.

Культура рассматривается как совокупность знаний и традиций, зависящих от человеческого созидания и не имеющих природного происхождения. При этом продолжаются и поиски свидетельств неразрывной связи биологии и культуры. Культурный конфликт (в нашем контексте и военный) происходит только тогда, когда верования и традиции одной культурной группы представляют собой вызов для людей другой.

Поскольку природа моральных ценностей, в значительной степени определяемая культурой, отстраивает поступки людей и влияет на принятие ими решений, теорией предлагается увидеть два способа проявления этой природы – *деонтологический* и *утилитарный*. Деонтологический процессинг определяется акцентом на абсолютном праве и неправоте, что также называют этикой долга (или долженствования), тогда как утилитарный характеризуется затратами и выгодами.

Как ни странно, но перспективы нанесения ущерба экономике и как следствие огромное число смертей не обязательно сбивают людей с их позиции относительно того, идти ли на войну, выбирать революцию или сопротивление. Одно из возможных объяснений состоит в том, что люди вообще не взвешивают все «за» и «против» для продвижения материальных интересов, а, скорее, используют моральную логику «священных ценностей» – убеждений, превосходящих все другие соображения, которые невозможно измерить количественно [3].

В потенциально насильственных ситуациях межгруппового конфликта священные ценности, по-видимому, действуют как моральные императивы, триггеры, которые порождают действия независимо или несоразмерно их очевидным или вероятным результатам, потому что поступать независимо от последствий – это правильно. Дж. Лантис отмечает, что «культурные верования и ценности действуют как отдельная национальная линза, формируя восприятие событий и даже направляя возможные социальные реакции» [4].

Культура влияет на то, как мы воспринимаем конфликт, в какие рамки мы его ставим и как мы пытаемся его разрешить. Именно культура определяет, а существует ли конфликт вообще. Есть мнение, что нагорно-карабахский конфликт – это столкновение двух антагонистичных цивилизаций: армянской и азербайджанской.

Среди всех нынешних этнических конфликтов в Закавказье ситуация вокруг Нагорного Карабаха, пожалуй, самая сложная и трудноразрешимая. Ведь это не просто спор из-за куска земли, это конфронтация, которая во многом затрагивает суть армянской и азербайджанской национальной самоидентификации. Обе стороны претендуют на эту территорию и предоставляют собственные, зачастую взаимоисключающие, интерпретации прошлого для обоснования своих исторических прав.

Следовательно, вполне определенно можно говорить о том, что интеллектуальный базис идеологического компонента нагорно-карабахского конфликта лежит не в плоскости исламско-христианских противоречий, а в глубинных пластах миропонимания, выходящих за рамки канонической традиции основных мировых религий современности.

Межцивилизационный характер конфликта

«Линия разлома» между сторонами данного конфликта более глубокая, а потому еще более труднопреодолимая, чем чисто религиозная, и пролегает она сразу в пяти плоскостях — межгосударственной, межнациональной, межрелигиозной, межкультурной и межрасовой. Именно поэтому нагорно-карабахский конфликт не похож ни на один из ранее известных истории человечества [5].

Американский исследователь С. Хантингтон, исследуя в своей работе «Столкновение цивилизаций» культурную несовместимость религиозного и идеологического содержания цивилизационного развития, полагает, что на смену войнам идеологического типа (межгосударственным) приходят войны

культурных идентичностей (межцивилизационные). «Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизаций) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [6, с. 15].

Учитывая аспект, что цивилизационный конфликт вокруг Нагорного Карабаха выходит далеко за рамки традиционной хантингтоновской «войны на линии разлома» между двумя современными мировыми религиями, он приобретает для каждой из сторон пафос вселенской борьбы между силами Добра и Зла, участвуя в которой, каждая из них видит и понимает себя орудием Добра.

Причем в этом случае архетипичность ментальности армян играет куда более существенную роль в сравнении с религиозной ментальностью азербайджанцев, которые в силу традиционной «светскости» своего мировоззрения сегодня более склонны воспринимать нагорно-карабахский конфликт как межгосударственный или как межэтнический, но отнюдь не как эсхатологический, каким он воспринимается или, по крайней мере, публично демонстрируется с позиции радикального армянского политического неоязычества [5]. К. Грей объясняет, что каждое общественное действие в области безопасности представляет собой иллюстрацию стратегических предпочтений, на которые влияют индивидуальные, организационные, нормативные и другие культурные переменные, работающие как показатели конкретной стратегической культуры [7, р. 52].

Ступени поиска причин

Интересный анализ культурно-исторических причин конфликта можно найти в обзоре как русско- так и англоязычных работ, посвященных данной тематике, предложенных историком, антропологом А. Ямсковым, который называет себя «самым проазербайджанским из в целом проармянских авторов», никогда не ставившим под сомнение чье бы то ни было право на самоопределение [8].

В работах, в том числе и самого А. Ямского, речь идет не только о настоящем времени, но и о близкой или не очень близкой истории, о предпосылках того, что происходит сейчас, в частности, о природе «культурного триггера». Они предоставляют возможность наиболее полно понять, на чем основываются диаметрально противоположные взгляды современных армян и азербайджанцев, которые уверены, что Карабах именно их.

В работе Т. Де Ваала «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной» [9] можно найти взвешенный и компактный анализ, который сосредоточен на том, что происходило в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане с февраля 1988 года. Исследование журналиста, ученого-политолога выстроено на попытке понять, как Карабахский конфликт из конфликта этнического, основанного на апелляции к истории, международному праву, правам человека, перерос в вооруженное столкновение, в войну.

Книга американского историка О. Альтштадта «The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule» [10] очень хорошо показывает, как в период Российской империи и в советские годы формировалась идентичность современных азербайджанцев; представление о том, кто они такие, что они за народ, какова их этническая культура, какие события в их истории выделяются как важнейшие, кто для них народы-друзья, а кто — исторические оппоненты.

В работе «Глядя на Арарат» [11] классика американских исторических исследований Р. Суни проделана сходная работа в отношении Армении. Последние две книги [12; 13] — это работы молодых исследователей, выросшие из защищенных в США диссертаций. Здесь можно увидеть некие симпатии, антипатии, но все это очень мягко, подспудно.

Этот небольшой анализ работ современных авторов демонстрирует явные и скрытые процессы возникновения культурного конфликта, когда правила и ценности одной культурной группы существенно отличаются от другой. Одна совокупность ценностей, которая, кажется, приобретает священный статус в различных культурных средах, нарушение чего часто вызывает моральное возмущение, способное привести к крайнему насилию, касается концепции «чести» [14]. Любое предполагаемое нарушение кодекса чести лицами, не принадлежащими к «своему» обществу, может быть основанием для насилия и даже войны, появляется почва для срабатывания триггера.

Суть аргументации здесь вращается вокруг предположения, что представления об истории и национальных мифах внутри общества более или менее создают коллективную идентичность; следовательно, они могут также культивировать нормы, модели убеждений или представления о безопасности и угрозах. Отмечается, по мнению Р. Хермана, что современные политические психологи возродили особый интерес к анализу «восприятий» в международных отношениях в связи с «несостоятельностью теорий, которые опирались на чисто материальные факторы для объяснения начала войны и заключения мира» [15, р. 336], не учитывая культурный триггер как таковой.

Культурные предубеждения

С точки зрения здравого смысла конфликт не выгоден ни Армении, ни Азербайджану. Речь идет, прежде всего, о кризисе на постсоветском пространстве, в котором участвуют дети и внуки советских армян и советских азербайджанцев. Азербайджан вынужден ежегодно наращивать военные расходы, в то время как наиболее сознательная часть армянской диаспоры, не желающая финансировать войну, не имеет возможности вкладывать инвестиции в экономику Армении. Сотни тысяч гектаров земли и инфраструктуры оккупированных районов уничтожено, на восстановление и разминирование уйдет не один год. Это касается сотен жилых домов, школ, медицинских пунктов и другой инфраструктуры, обеспечивающей функционирование некогда процветавших городов и районов, где армяне и азербайджанцы могли проживать в мире и дружбе.

Когда группы находятся в конфликте, культурные предубеждения служат триггером для дальнейшего разобщения и предотвращения примирения. Можно предположить, что эти предубеждения подавляют способность человека либо думать о душевном состоянии кого-то из конфликтующей культуры, либо сочувствовать его боли. Поэтому специальные механизмы правоприменения являются ключевыми факторами, поскольку культурное давление не безболезненно; оно работает через внутренние нравы, стыд, через пренебрежение или одобрение других. Опять же, вспоминая Й. Хейзингу, уместно применить метафору игры. Правила игры не просто говорят игроку, какие ходы можно и нельзя сделать, они указывают, в чем суть игры; они раскрывают его цель и задачи, а также ожидаемое поведение игрока, учитывая культурные коды.

В условиях глобализации виртуальная война за «исторические территории» угрожает армянскому этносу изоляцией. Национализация агрессии в представлении армянских сепаратистов разделяет мировое сообщество на друзей и врагов армян. Положительно относящиеся к оккупации считаются друзьями и соратниками армянского народа, в то время как любая иная точка зрения подвергается жесточайшей критике.

Что касается Азербайджана, то карабахский конфликт привел к консолидации сил вокруг сохранения суверенной государственности. Нагорно-карабахский конфликт был навязан Азербайджану извне, спровоцировав сепаратистские тенденции в районах традиционного проживания лезгин, аварцев и талышей. Азербайджанское общество взяло курс на предотвращение раскола. Оккупация стала причиной вражды двух народов, веками проживавших в мире, однако ненависть не может служить основой построения национального общества. Современные азербайджанцы не испытывают ненависти к армянам (это подтверждают многочисленные контакты и сотрудничество представителей двух народов за пределами Южно-Кавказского региона), при этом они твердо отстаивают сохранение суверенной государственности, признавая необходимость пресекать попытки армянского национализма разрушить ее.

Сегодня Баку ограничивается исключительно нормами международного права, а также практикой дипломатических отношений в урегулировании последствий конфликта. После возвращения оккупированных территорий в основу их экономического, социального, административного и гуманитарного обустройства может быть заложен принцип этатизма, так как восстановление какой-либо автономии противоречит интересам и армянского, и азербайджанского народов [16].

Как объясняет П. Хинтон, теория стратегической культуры предполагает, что государства подходят к стратегическим вопросам по-разному в зависимости от собственного жизненного опыта. Теория «основана на понимании того, что государства предрасположены своим историческим опытом, политическими системами и культурами к решению вопросов безопасности своим определенным образом» [17, р. 81].

Культурные конфликты – это не просто результат различных традиций. Культурные различия не всегда приводят к конфликту, но несколько факторов, называемых в данном контексте триггером, как в локальном, так и в глобальном масштабе увеличивают вероятность конфликта.

Вертикальные, от поколения к поколению, формы социальной структуры и информационных иерархий разрушаются, и многие, особенно молодые, формируют свою идентичность в глобальной политической культуре, управляемой средствами массовой информации, посредством горизонтальных одноранговых отношений, которые игнорируют исторические и пространственные ограничения. По сути, люди хотят жить, процветать и создавать лучшее будущее для себя и своих детей, а также тех, о ком они заботятся. Когда эти основные цели находятся под угрозой, конфликт более вероятен.

«Территориальные споры – одни из самых сложно разрешимых на свете. Так уж повелось, что именно территория воспринимается как наиболее ценный ресурс, значение которого со временем сакрализуется», — справедливо замечает российский политгеограф И. Окунев [18]. Но без существенной коррекции представлений о нации, государстве, суверенитете самые креативные дипломаты с выверенными планами не помогут. Любые войны заканчиваются переговорами о мире, даже мировые. Вопрос лишь в том, сколько времени и жертв потребуются Армении и Азербайджану для понимания этой максимы.

Предварительные выводы в этой статье показывают, что внутренние факторы, если их поместить в контекст культуры и процесс принятия решений, могут повлиять на стратегическое поведение, выбор и в конечном счете на реализацию политики национальной безопасности.

В ситуациях конфликтов, подобных нагорно-карабахскому, требуются особые виды «диалогических» нарративов, раскрывающие, а не затемняющие истину. Очевидно, что для осуществления диалога необходимо включать голоса обеих сторон, при этом важно услышать обе версии истории. Наверное, в таком «диалогическом режиме» стороны могут узнать много и негативного друг о друге. Однако только таким образом, создавая пространство для диалогического общения, можно надеяться на преодоление взаимной ненависти и недоверия между сторонами [19, с. 130].

Понятие культуры часто объясняют, используя ее сравнение с айсбергом, большая часть которого скрыта водой. Не принимать культурный фактор во внимание может оказаться очень опасным, особенно, когда речь идет об урегулировании конфликта. Учет культурного субстрата конфликта позволяет предпринимать более взвешенные, продуманные меры к его разрешению. Поэтому культурная грамотность является ключевой компетенцией для посредников и миротворцев, а также для всех, кто желает разрешить конфликт и не заинтересован в его продолжении.

Все социальные уровни важны для оценки любой ситуации с безопасностью, и можно совершить большую ошибку, если сосредоточиться только на конкретном социальном уровне или на конкретной культурной среде. Наш мир

глобализирован. Но чем более глобальным он становится, тем важнее для разрешения и предотвращения конфликта оказывается учет местной специфики, аргументированное и обязательное включение культурных различий. Только тогда мы поймем людей из разных культур. При этом важно принимать и других, а также их решения проблем на уровне собственного восприятия.

Возможно, первым шагом была бы попытка взрастить семена новой культуры, в основе которой понимание, что организованное насилие не является неизбежным. Как бы пафосно это ни звучало, то было бы великое достижение. Как показывает история человечества, колеса перемен могут вращаться очень медленно, когда речь идет о культурных установках. Но культурные изменения также могут иногда приводить к внезапным и неожиданным трансформациям, серьезно меняющим наше представление о безопасности. Вопрос о войне, несмотря на свою кажущуюся простоту, остается вопросом, на который пока нет удовлетворяющего всех действующих социальных субъектов ответа. Он по-прежнему находится в центре общественного обсуждения и продолжает привлекать к себе внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beyer, A. C. International Political Psychology: Explorations into a New Discipline / A. C. Beyer. – 1st ed. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 207 p.
2. Ларкин, Л. Г. Парадигма взаимодействий война – культура [Электронный ресурс] / Л. Г. Ларкин // Аналитика культурологии : электронное научное издание. – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/ite-m/1885D1%83%D1%80%D0%B0.html>. – Дата доступа: 25.09.2021.
3. Baron, J. Protected values / J. Baron, M. Spranca // Organizational Behavior and Human Decision. – 1997. – Vol. 70. – P. 1–16.
4. Lantis, J. S. Strategic culture: From Clausewitz to constructivism / J. S. Lantis // Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction / J. L. Johnson. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 33–52.
5. Кузнецов, О. Нагорно-карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»? / О. Кузнецов // Кавказ & Глобализация: Журнал социально-экономических и политических исследований. – Стокгольм, 2013. – Т. 7. – Вып. 1–2. – С. 93–108.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО Изд-во АСТ, 2003. – 605 с.
7. Gray, C. S. Strategic culture as context: The first generation of theory strikes back / C. S. Gray // Review of International Studies. – 25(1). – 1999. – P. 49–69.
8. Ямсков, А. 5 книг о том, каковы исторические и этнокультурные причины Карабахского конфликта [Электронный ресурс] / А. Ямсков. – Режим доступа: <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-kakovy-istoricheskie-i-etnoku-lturnye-prichiny-karabahskogo-konflikta/>. – Дата доступа: 19.09.2021.

9. *Де Ваал, Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Т. Де Ваал. – М. : Текст, 2004. – 251 с.
10. *Altstadt, A.* The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule / A. Altstadt. – Hoover Institution Press, 1992. – 334 p.
11. *Suny, R.* Looking toward Ararat: Armenia in modern history / R. Suny. – Indiana Univ. Press, 1993. – 304 p.
12. *Oskanian, K.* Fear, Weakness and Power in the Post-Soviet South Caucasus: A Theoretical and Empirical Analysis / K. Oskanian. – Palgrave Macmillan, 2013. – 261 p.
13. *Shafiyev, F.* Resettling the Borderlands: State Relocations and Ethnic Conflict in the South Caucasus / F. Shafiyev. – McGill-Queen's Press-MQUP, 2019. – 330 p.
14. *Nisbett, R.* Culture of honor: the psychology of honor in the south / R. Nisbett, D. Cohen. – Boulder, CO : Westview Press, 1996. – 140 p.
15. *Herrmann, R. K.* Perceptions and image theory in international relations / R. K. Herrmann // The Oxford Handbook of Political Psychology. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. – P. 334–363.
16. Нагорно-карабахский конфликт: культурно-психологические последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/analytics/Nagorno-karabakhskiy-konflikt-kulturno-psikhologicheskie-posledstviya.html>. – Дата доступа: 11. 09. 2021.
17. *Hinton, P.* Strategic culture: In defiance of a structural world order / P. Hinton // The RUSI Journal. – 2020. – N 165(4). – P. 80–87.
18. *Окунев, И.* Десять способов решения неразрешимого территориального спора [Электронный ресурс] / И. Окунев. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/artic-les/bylo-by-zhelanie/>. – Дата доступа: 11. 09. 2021.
19. *Карагезов, Р.* Нагорно-карабахский конфликт в ракурсе постмодернизма: культурные основания предвзятых интерпретаций / Р. Карагезов, Р. Кадырова // Кавказ и глобализация 2011. – Т. 5. – Вып. 1–2. – С. 121–130.

Поступила в редакцию 28.03.2022

Н. Г. Севостьянова

«ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ ПОГАСЛА»

В статье рассмотрены культурогенетические скрепы отечественной истории и традиции восточных славян, в качестве которых выступают архетипы духовного опыта, обусловленные процессами социокультурной идентичности. Этнически она выражается как евразийская, ментально раскрывается в средневековом языческом хронотопе, конфессионально дана как православно-христианская. Эталоны духовного опыта отечественной культуры и философии сформировали традиционные ценности восточных славян, обозначили преемственность исторической памяти и устойчивое развитие в современных кризисных условиях бытия.

Духовная преемственность поколений обеспечивается исторической памятью, традицией как формой систематизации, закрепления, сохранения и трансляции социокультурного опыта. Отечественная культурная традиция, несмотря на ее кризисы, разрывы и перерывы, обусловлена изначальным восточнославянским этническим единством белорусского, русского, до недавнего времени и украинского народов. Духовно и ментально скреплена православием («оязыченным христианством»), социально — идеями «русскости» и «российскости» после присоединения к России Украины в 1654 г., Беларуси в 1795 г. Однако «единая духовная купель» восточнославянских народов трансформировалась в современном геополитическом и геокультурном пространстве, в процессах поиска и обретения социокультурной идентичности как этнонационального самоопределения и поликонфессиональной специфики.

Актуальность выполненного исследования связана с необходимостью сохранения духовного наследия и преемственности эталонов морального опыта отечественной традиции, которые обеспечивают ее устойчивое развитие. Разнопланово отраженная в источниках и исследованиях культуры восточных славян, эта тема проблематизирована в современных условиях деглобализации. Цель данной статьи — обозначить культурогенетические скрепы отечественной духовной традиции.

«Чтобы свеча не погасла». Этот простой ответ на вопрос о цели и смысле истории сформулирован московскими князьями в XIII в. Судя по их духовным грамотам, они «затешили свечу», «чтобы не перестала память родителей наших». Это были заветные слова, семейный девиз. Московские князья в первых пяти поколениях, от младшего сына Александра Невского Даниила, который получил в удел Москву в 1263 г., и до Василия Дмитриевича Донского не знали фамильных распрей, были патриотами вплоть до самопожертвования.

Авторская метафора *светлый век* первоначальной философии восточных славян [1, с. 29–30] используется здесь в значении света веры, которую принесло христианство в его православной ипостаси. Светлый век отечественной философии озарен верой, является «светом невечерним» Фаворским (гора Фавор в греческом Афоне, где произошло преображение Христа), светом обожения. Созерцание этого света, скрытого в самом человеке, называется истинным богопознанием, а сияние Божественной славы изливается только на чистую, свободную от грешных помыслов душу. Такие рассуждения в богословско-философской мысли отечественного средневековья, во времена Древней и Московской Руси, выражают основную ее идею.

Светлый век отечественной философии связан с возникновением, становлением и развитием духовного любомудрия в результате христианизации Руси в X в. и одновременного обретения ею государственности, церковности, письменности, книжности. Киевский период генезиса философии восточных славян, московский период конституирования, в том числе

развития в белорусской (западнорусской) духовной культуре основываются на архетипах социокультурного опыта отечественной культуры и философии.

В целом философия восточных славян прошла в своем развитии Светлый век (XI–XVII вв.) генезиса и конституирования, Золотой век (XVIII–XIX вв.) профессионализации, Серебряный век (конец XIX – начало XX в.) духовного возрождения, но и возникновения философии русского зарубежья, Новый век (XX – начало XXI в.) современной русскоязычной философии.

Философия Беларуси также зародилась в духовной культуре Киевской Руси (Е. Полоцкая, К. Смолятич, К. Туровский). Далее развивалась в условиях ВКЛ (Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный), Речи Посполитой (П. Скарга, С. Полоцкий, К. Нарбут, Б. Добшевич, К. Лыщинский), Российской империи (М. Коялович, Ф. Богушевич, М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас, И. Абдзиралович), суверенной Республики Беларусь.

Социокультурная идентичность отечественной философии пронизана архетипами, восточно-западными и неканоническими, которые развиваются в сложном опосредовании религиозной и светской духовности, рецептивного и автохтонного начал традиции.

✓ *Этническая идентичность* проявляется как евразийская, в которой отмечена интерференция восточнославянского и русского народов с их последующим национально-культурным самоопределением.

✓ *Ментальная идентичность* формируется в границах средневекового хронотопа и проявляется в метаморфозах язычества как симбиоз радикализма и толерантности («всемирной отзывчивости») русской души.

✓ *Конфессиональная православная идентичность* отечественной культуры дана как восточно-западная (византийская, болгаро-византийская, афоно-византийская) и неканоническая («языченное христианство», свободомыслие, схизмы).

Этническая идентичность духовного опыта отечественной культуры и философии: евразийство

Этническая идентичность культуры восточных славян, в которой доминирует евразийское начало, основательно изучена в самобытной философии русской истории «последнего евразийца» Льва Николаевича Гумилева (1912–1992). Его концепция, соединившая историко-географические, этнопсихологические и духовно-культурные подходы к исследованию восточнославянского общества, сама по себе стала открытием в обществоведении, хоть поначалу и не принятым официально. Данное обращение к методологическим установкам евразийства аргументировано наличием в нем концепции хронологии восточнославянской истории; разработкой диалектики идей «восточнославянскости», «русскости» и «российскости» в плане этноминации; основоположениями о качественно новом этапе в отечественной истории, связанном с процессами европеизации и секуляризации начала XVIII в.

Ученый базирует свою оригинальную теорию на понятиях «этнос», «этногенез», «фазы этногенеза», «пассионарность», «ландшафт» и других. Делает вывод о том, что «при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно» [2, с. 298].

Мыслителем постулировано, и вывод этот весьма созвучен фундаментальным западноевропейским трудам по философии истории, что в течение 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза, развитие этноса переживает начальную фазу толчка этногенеза; далее фазы подъема, акматическую, надлома, инерционную; наконец, фазу обскурации, в которой процессы распада становятся необратимыми; мемориальную фазу, при которой этнос окончательно утрачивает способность к творчеству.

С точки зрения Л. Н. Гумилева, в отечественной истории действуют два разных этноса: восточнославянский и собственно русский. Первый образовался в начале нашей эры и создал обширное государство с центром в Киеве. Свой исторический путь он закончил в конце XV в., когда была уничтожена независимость последнего осколка Киевской Руси – Новгорода. Второй, русский этнос, начал свою историю в XIII–XIV вв. и сформировался в Московском царстве и Российской империи. Ученый называет XIII–XV вв. временем интерференции завершающей стадии этнокультурной истории Киевской Руси и начальной истории российского этноса. Благодаря социокультурной интерференции и преемственности православной традиции эти две истории воспринимаются как единая.

Рассуждая об историческом пути «от Руси к России», Л. Н. Гумилев отмечает, что русский этнос на 500 лет моложе западноевропейских народов и поэтому не в состоянии воспроизвести формы их культурной жизни в инерционной фазе развития, и в целом попытки войти в состав другого суперэтноса чреваты полной ассимиляцией. Россия является особым культурно-историческим миром, связанным не с Западом, а с судьбой входящих в нее и участвовавших в ее историческом формировании народов. Русские, белорусы, украинцы принадлежат особому многонациональному суперэтносу – евразийскому.

Философ различает историю Древней Киевской Руси и историю Московской Руси, ключевым периодом которых являются три века (XIII, XIV и XV) интерференции двух разных процессов этногенеза. По отношению к ним все предшествующее есть «законченная» историческая традиция восточнославянского этногенеза, а все последующее – трансформация некогда возникших культурных доминант. Ученый отмечает, что Москва не продолжила традиций Киева, или продолжила в символическом смысле, подобно Новгороду, а уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских

междоусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов: системой строгой дисциплины, этнической терпимостью и глубокой религиозностью.

В IX–X вв. в Киеве сложилась славяно-русская этническая общность; при этом сближение русов и славян было настолько тесным, что русы передали славянам и свое имя, и своих князей. Земля полян стала называться Русью, но конфликты в ней по-прежнему не были редкостью. Государственный раздел Руси отражал и распад этнической системы восточного славянства, т. е. в конце XII в. восточные славяне вступили в фазу этногенеза, именуемую обскурацией. Пассионарность Руси неуклонно снижалась, и потому разнообразие ландшафтов, народов, традиций вело к торжеству центробежных тенденций. В силу этого обстоятельства страна оказалась разорванной на отдельные княжества и уделы, которым в этническом смысле соответствовали различные этносы и субэтносы. Такой она и вступила в тринадцатое столетие – век своей трагической гибели.

Времена монголо-татарского нашествия Л. Н. Гумилев называет «набегом» и отмечает, что в начале XIII в. на территории Руси имел место пассионарный толчок, инкубационный период которого составил 180 лет. Этот импульс «задел» и Литву: после трагической смерти Миндовга, ровесника Александра Невского, литовские князья весь XIII в. боролись между собой за власть. В начале XIV в. победил Гедимин, и начался процесс активного формирования Великого Княжества Литовского. Литовская пассионарность оказалась «оттянутой» Польшей: при Ягайло состоялась Кревская уния 1386 г., обязавшая нехристиан Литвы принять католичество.

Победа в Куликовской битве 1380 г., осознание русскими себя как целостности, закрепили факт возникновения *Московской Руси*, в которой начались богословские споры XVI и XVII вв., обусловленные подъемом пассионарности русского этноса. Стране предстоял тройкий выбор: изоляционизм (путь Аввакума); создание теократической вселенско-православной империи (путь Никона); вхождение в «концерт» европейских держав (выбор Петра). Однако «православие Аввакума» не стало духовно-нравственной связующей основой восточнославянского суперэтноса как скопления близких, но разных народов. Едва ли возможным было и создание православной державы по причине различия религиозных стратегий России, Беларуси и Украины, двести лет пребывавших под влиянием католической Польши и Запада. Присоединение *Украины к России* (1654 г.) произошло во времена царствования Алексея Михайловича, а присоединение *Беларуси к России* (1795) – в годы правления Екатерины II Великой. Решающим для судеб восточного славянства, его духовного опыта и философии оказался выбор Петра I, подготовленный предшествующим социокультурным развитием православной империи.

По мысли Л. Н. Гумилёва, XVIII в. стал завершающим столетием акматической фазы российского этногенеза и *началом фазы надлома*, длящейся до настоящего времени, близкой к финалу и означающей кристаллизацию

ценностей культуры в артефактах цивилизации. Следовательно, России и входящим в ее состав народам еще предстоит пережить инерционную фазу – 300 лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создает великую культуру и духовно-нравственные ценности.

Ментальная идентичность духовного опыта отечественной культуры и философии: средневековый хронотоп

Ментальная идентичность отечественной культуры и философии формируется в границах средневекового хронотопа и проявляется в метаморфозах язычества, симбиозе радикализма и толерантности как «всемирной отзывчивости» русской души.

Средневековый хронотоп означает тринитарное понимание и психологическое переживание мироустройства, центрированного идеей Бога, приоритетом времени и вечности в *религиозной* картине мира; а также приоритетом пространства и бинарными оппозициями в *церковно-религиозной* картине мира.

Для религиозной картины мира характерны приоритет времени и вечности; тринитарное понимание мироустройства; восприятие пространства жизни как промежуточного в со-бытии Бога и человека; интерпретация вечности как пространства бытия, доступного человеку уже при жизни. Для церковно-религиозной картины мира наиболее характерен приоритет пространства и бинарность как первичная интенциональная связь. В целом для средневекового хронотопа характерны *симбиоз времени и пространства*, их явленность в категориях человеческого микрокосма и природного макрокосма. Здесь противопоставлены цикличное время языческой античности и разомкнутое к вечности время христианской религии; языческая мера и христианская безмерность; мифология космоса и мифологии Священной истории; идея фатума и призыв к покаянию и спасению; феномен прекрасного и переживание возвышенного; поиск человеком Бога и взыскующий человеческой любви Бог.

Средневековый церковно-религиозный хронотоп содержит способы пространственного изображения отечественной истории, нравственного совершенствования, борьбы с абсолютным злом. Например, «Книга степенная царского родословия» фиксирует восточнославянскую историю в монументальных, величественных пространственных формах «иконы всех святых» Московского государства. Подобным образом организуются и религиозно-нравственные отношения: «лествица Иакова», по которой с небес на землю и обратно передвигаются ангелы, иллюстрирует координаты средневековой картины мира. Наряду с этим пространство и время приобретают человеческий облик: пространство (*locus*) изображается в виде женской фигуры, а время (*tempus*) – в виде старца.

Представления о нравственном совершенствовании также принимают *пространственную форму* топографического перемещения и чаще всего рассматриваются как уход в пустыню или монастырь из «мира». Достижение святости осознается как движение в пространстве, поскольку святой попа-

дает в рай, а грешник ниспровергается в преисподнюю. И в целом положение человека в мире соответствует его нравственному статусу. Нормативной становится «трехсмысленность» толкования Священного Писания как аллегорического, тропологического (морального) и духовно-мистического (анагогического) текста, что приводит к расслоению интерпретаций догматических сюжетов. Так, Иерусалим рассматривается в буквальном значении как земной город; в аллегорическом смысле – церковь; в тропологическом – праведная душа; в анагогическом – небесная родина.

Изучая поэтику *художественного пространства и времени* в древнерусской литературе как начальной философии восточных славян, Д. С. Лихачев отмечает: «Мир подчинен в сознании средневекового человека единой пространственной схеме, всеохватывающей, недробимой и как бы сокращающей все расстояния, в которой нет индивидуальных точек зрения на тот или иной объект, а есть как бы надмирное его осознание – такой религиозный подъем над действительностью, который позволяет видеть действительность не только в огромном охвате, но и в сильном ее уменьшении» [3, с. 340].

Время в средневековой реальности отражает финалистское движение от сотворения мира до его слияния с вечностью, и в этом сказываются принципиальные отличия дохристианской и христианской версий истории. В известном смысле для варвара существует только настоящее время, но оно многослойно, включает в себя прошлое и будущее. Все три времени располагаются как бы в одной плоскости и образуют «пространственное» понимание времени. В своей знаменитой «Исповеди» Августин Блаженный (354–430), претерпевший на собственном опыте трагическую эволюцию от язычества к христианству, утверждает, что время всегда настоящее. Настоящее прошлого он называет памятью, настоящее настоящего – созерцанием, настоящее будущего – ожиданием. *Библейское время* переживается как ветхозаветное эсхатологическое ожидание и новозаветная осуществленность прихода мессии. «Христианская временная ориентация отличается как от античной ориентации на одно лишь прошлое, так и от мессианской, пророческой нацеленности на будущее, – христианское понимание времени придает значение и прошлому, поскольку новозаветная трагедия уже свершилась, и будущему, несущему воздаяние» [4, с. 121].

Языческая мифология и пантеон великого князя Владимира «Красно Солнышко» 980 г. показывают, что ни одно из имен славянских божеств не имеет аналогии ни в скандинавской, ни в германской мифологии; заметно преимущественное воздействие иранской мифологии; главенствующее место Перуна освящает царскую власть. В этой картине мира Стрибог олицетворяет небо; Дажьбог – «белый свет» и солнце; посредником между небом и землей является Семаргл; плодоносящая земля называется Макошь. В пантеон не входят архаичные божества, не совпадающие с внешним благообразием христианства; но в нем представлены аналогичные божественной троице образы: Стрибог подобен богу-отцу, Дажьбог напоминает бога-сына, женское божество Макошь олицетворяет богородицу [5]. Славянское язычество не было косной, застывшей религией; оно претерпело определенную монотеизацию, сблизившую его с христианством.

Конфессиональная идентичность духовного опыта отечественной культуры и философии: православие

Конфессиональная православная идентичность отечественной культуры дана как восточно-западная (византийская, болгаро-византийская, афоно-византийская) и неканоническая («оязыченное христианство», свободомыслие, схизмы). *Византизм* выступает архетипом духовного опыта в традиции восточных славян. Это вселенский феномен, интегрирующий в себе духовные влияния латинского Запада, Ближнего Востока, Египта. В этой синкретичности духовно-религиозных традиций славяне обрели своеобразный аксиологический стандарт, предопределивший глубинные интенции восточно-славянского менталитета на толерантные формы отношения к различным культурным влияниям, на философские рецепции как «новомыслие».

Решающим показателем конфессиональной идентичности и духовно-нравственного самоопределения восточного славянства стало принятие *православной веры* по греко-византийскому типу ортодоксии. Так в отечественной культуре соединились «два Востоко-Запада». Точнее, восточно-западная автомодель византизма (с учетом болгаро-византийского перевода Библии и афоно-византийского исихазма) геополитически и мировоззренчески совпала с восточно-западной культурой славян. Это было подмечено, в частности, Н. А. Бердяевым: «Россия может сознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада. Она стоит в центре восточного и западного миров и может быть определена как Востоко-Запад» [6, с. 131]. Резонанс этой «встречи» вызвал оформление традиционной духовности восточных славян и культуuroобразующей православной философии и богословско-философской мысли.

Церковь укрепила своей санкцией значение и авторитет государства; возникновение письменности и книжности; достижение качественно нового уровня идеалов, ценностей и норм. Получивший неоднозначную оценку в исследовательской литературе данный исток восточнославянской культурной традиции является недискуссионным. Тем не менее христианизация Руси была либо языческой рецепцией христианства, либо христианской рецепцией язычества. Важнее, что христианство обрело в языческих землях восточных славян свою уникальную историю: «*оязыченное христианство*» стало архетипом духовного опыта в отечественной культуре. Впоследствии, ввиду языческой толерантности с ее открытостью и отзывчивостью, общеприемлемостью различных способов индивидуального спасения души, в культуре восточных славян станут возможными и другие направления христианства, и все мировые религии.

Событие *Крещения Руси* отображено в систематической истории Русской православной церкви. Так, А. В. Карташев называет первоучителем русского христианства апостола Андрея. «Повесть временных лет» указывает на первоучителя апостола Павла, а в специальной литературе русское православие нередко называется иоанновым христианством. Сопоставляя летописные материалы, А. В. Карташев выделяет пять крещений русского

народа: при апостоле Андрее; при Кирилле и Мефодии; при патриархе Фотии; при княгине Ольге; при князе Владимире. К тому же, с первых веков христианство распространялось на исконные славянские земли через культурный мост к Византии – Скифию и Крым [7, с. 93].

860 год стал временем прибытия славянских первоучителей Кирилла и Мефодия в Крым. Здесь ими была основана епископия русская, но в каком городе – неизвестно. В специальной литературе нередко называют 862 год годом создания славянской письменности, крещения Руси и основания Русской Церкви с епископом во главе. Характерно, что факту начала «русского» христианства от самих славянских первоучителей противились сначала княжившие над русским народом варяги-язычники, а затем и сами греческие киевские митрополиты.

Отметим и показанный в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» под 986 г. процесс «*испытания веры*» и «*выбора веры*» киевским князем Владимиром Святославовичем. Сказано, что приходили в Киев болгары магометанской веры; иноземцы из Рима; хазарские евреи; философ, который посоветовал креститься, чтобы приблизиться к праведникам. Владимир же решил испытать все веры, о чем под годом 987-м в летописи сообщают, что его послы «ходили в Болгарию, смотрели, как молятся в мечети... Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать. Сказали же бояре: “Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей”» [8, с. 186].

В «Повести временных лет» событие крещения Руси излагается под 988 годом. В ходе подготовки христианизации Киевской Руси важны были не только военные и дипломатические победы киевского князя Владимира над Константинополем, но и стремление молодого государства приобщиться к средневековому цивилизованному миру. К тому же, традиционные политические связи между столицами способствовали успеху миссионерской деятельности Византии. Привлекательными оказались идеи зависимости Византийской церкви от светской власти, возможность вести богослужения на церковно-славянском языке.

В течение киевского периода своей истории христианство и богословско-философская мысль становились «все более народной религией, переходили в крепкую религиозную привычку к новому культу, развивали благочестивые чувства, создавали новое религиозное самосознание, с которым Русь встретила азиатских монголов уже как Русь христианская» [7, с. 191].

«Чтобы свеча не погасла», важно хранить историческую память и традиционные ценности отечественной культуры. Они определяются процессами многоплановой социокультурной идентичности. Этнически проявляются как евразийские, ментально выражаются как толерантные в духовном опыте «оязыченного христианства», конфессионально закреплены как православно-христианские.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Севостьянова, Н. Г.* Русская философия : основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.
2. *Гумилев, Л. Н.* От Руси к России : очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М. : Экспресс, 1992. – 336 с.
3. *Лихачев, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
4. *Гуревич, А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
5. *Рыбаков, Б. А.* Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1988. – 783 с.
6. *Бердяев, Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев; вступ. ст. Л. В. Полякова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.
7. *Карташев, А. В.* История Русской Церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – Т. 1. – 848 с.
8. *Повесть временных лет* / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.

Поступила в редакцию 12.04.2022

В. Н. Усский

ОПРОВЕРЖЕНИЕ Й.ШУМПЕТЕРОМ МЕТОДОЛОГИИ СЦИЕНТИЗМА В ЕГО ТЕОРИИ ИННОВАЦИЙ И РЫНОЧНОГО БИЗНЕС-ЦИКЛА

В статье прослеживаются методологические истоки утопии Прогресса, на которых базируется философия Просвещения XVIII века. В основе данной традиции мышления, создавшей системы абстрактных экономических категорий, лежит методология механистического рационализма. Исследована сущность отвлеченных от действительности предпосылок мышления, с чьей помощью была создана классическая статическая модель «рынка совершенной конкуренции», из которой Ж.Б. Сэй вывел закон, отрицающий циклический характер капиталистической рыночной экономики и возможность кризисов перепроизводства товаров.

Во второй половине XIX века произошла маргиналистская революция, которая привела к преобразованию терминологического аппарата и методологии классической политической экономии. Однако внедрение изоциклического

математического аппарата в классическую экономическую традицию оставило в «девственной» незыблемости предпосылки механистического мышления механистического рационализма. По этой причине вся система экономических категорий продолжала строиться на принципах механико-математического мышления, которое отрицает экономическую действительность капиталистической рыночной экономики. Неоклассики сохранили все без исключения теоретико-методологические подходы и категории, внутренне присущие механистической традиции: 1) «технологический детерминизм»; 2) «чистая экономика»; 3) «экономический человек»; 4) гибкость рыночных цен на товары и деньги в узком диапазоне их отклонения от статичного состояния равновесия; 5) быстрый перелив всех видов ресурсов между отраслевыми рынками; 6) статичное равновесие модели «рынка совершенной конкуренции»; 7) закон Сэя, отрицающий циклический характер капиталистической рыночной экономики и возможность кризисов перепроизводства товаров; 8) отрицание возможности и необходимости регулирования государством кризисных тенденций в рыночной экономике. Таким образом, маржиналистская революция породила неоклассическую традицию экономической теории, которая слегка подкрасила фасад абстрактной теории статичного равновесия. Содержание статичной экономики исключало сложную природу человека, природу микроэкономики фирмы, природу макроэкономики и соответственно сложноорганизованную систему социума. В итоге неоклассическая экономическая теория оказалась не в состоянии заметить в рыночной действительности ни один из кризисов перепроизводства ни на уровне национальных экономик, ни на уровне мировой экономики. Для решения сложных проблем микро-, макро- и мировой экономики изощренный математический инструментарий так называемых строгих научных терминов, находящихся в арсенале неоклассической экономической теории, не был приспособлен. В таких условиях развития науки оставалось терпеливо ожидать наступления вселенского социально-экономического погрома. И вот в 1929 г. он наступил и длился до 1939 г., вплоть до начала Второй мировой войны. Великая депрессия забила последний гвоздь в крышку гроба самой строгой науки, использовавшей в своих исследованиях самые строгие методы анализа. Однако предмет изучения, который она себе «нарезала», оказался произвольным, так как исследовалась абстрактная реальность выдуманных моделей, имевших отдаленное отношение к рыночной действительности.

Появившаяся в эпоху цифровой революции гипотеза «экспоненциального роста», в основании которой лежит феномен «подрывных технологий» (disruptive technologies), имеет методологическую базу в той же теории механистического рационализма, рожденной в эпоху техногенного Прогресса. Их объединяет неадекватная интерпретация тенденций, сложившихся в рыночной экономике, и фантастические перспективы, которые должны, по мнению механицизма, наступить вместе с цифровой революцией. В сухом остатке самым значимым «достижением» утопии техногенного Прогресса цифровых энтузиастов оказывается исчезновение во всех просвещенческих утопиях

(«теориях») сердца рынка – бизнес-цикла и кризисов перепроизводства. В основании очередной донельзя упрощающей модели сложноорганизованной реальности находятся статические модели рыночной экономики, метод механистического рационализма. Как-то Г. В. Плеханов назвал В. И. Ленина «гением упрощения». Эта мысль осталась очень актуальной и в эпоху цифровой революции тоже.

В концепции Й. Шумпетера теории «созидательного разрушения» исследуется совокупность социально-экономических и технологических предпосылок, способствующих формированию бизнес-цикла, из чрева которого субъекты в жесткой конкурентной борьбе рожают технологические и организационно-управленческие инновации. Нововведения создаются в жесткой рыночной среде частными субъектами, стремящимися преодолеть значимые риски невозврата инвестированных средств, что свидетельствует о спонтанной природе их появления.

Рынок создает механизмы координации разнонаправленных интересов субъектов, которые упорядочивают свои интересы. Адаптационные возможности субъектов экономики в ответ на рыночные сигналы, целевая направленность и характер регулирующего воздействия государства зависят от развитости институтов рыночной экономики. Рынок, по определению Ф. Хайека, является «процедурой открытия» новых товаров, услуг, факторов производства. Всплеск инноваций способствует использованию каждым субъектом рынка своих уникальных знаний. Частная форма присвоения результатов рыночных инноваций стимулирует приращение нового знания.

Вместе с тем спонтанно возникающие инновационные технологии при определенных условиях рождаются не только в частном бизнесе, несущем рыночные риски. Нововведения создаются научно-исследовательскими коллективами, которые выполняют целевые программы в условиях первостепенной реализации государством общественных приоритетов (интересов). Выполнение государственных заданий финансируется из средств государственного бюджета, и потому «поисковые команды» не несут рыночных рисков. Вполне естественно, что возникают риски провала и не выполнения приоритетных общественных задач. Впоследствии технологические инновации посредством действия механизмов техногенной диффузии распространяются в разнообразные отрасли экономики, проникая в том числе и в банковскую систему.

Однако организационно-управленческие инновации, преобразующие внутреннее существо нефинансовых фирм и финансовых посредников, создаются исключительно бизнес-средой. То же самое относится к революционным инновациям, которые периодически «взламывают» рынок потребительских товаров и услуг. Они спонтанно порождаются исключительно средой частного бизнеса, так как здесь никакие даже самые «мудрые» и обильно финансируемые государственные целевые программы не способны привести к какому-либо значимому успеху. Как показал опыт функционирования централизованной плановой экономики, рынок потребительских товаров и услуг в ней оказался самым провальным с точки зрения инноваций, нацеленных на удовлетворение потребностей частных лиц.

В капиталистической рыночной экономике инновации рождаются из природы бизнес-цикла, находясь под воздействием периодических циклических колебаний. Они выражаются в экономических параметрах (ВВП, занятость, денежная масса и ее структура, цены на товары и услуги, уровень процентных ставок и валютного курса). Специалисты тестируют динамику колебаний рыночных показателей конъюнктуры, используя методы системного анализа параметров делового бизнес-цикла. Динамика социально-экономических процессов отражается в конфигурации деловых циклов, которые имеют разную временную длительность протекания. Основным результатом действия бизнес-цикла выступает замена производителями устаревающего основного капитала на более производительный основной капитал. Бизнес-цикл проявляется в структурных сдвигах в экономике, запуская процесс создания новых отраслей. Инновационные предприниматели нанимают на работу квалифицированных работников, способных обслуживать новые технологии, которые спорадически возникают. Капиталисты, неся бремя рыночных рисков, покупают продвинутые технологии для повышения конкурентоспособности своих фирм. На рынке труда они соединяют новые технологии с подготовленной рабочей силой, производя смычку наемной рабочей силы с капиталом. Это является следствием реализации принципа адекватности труда, требующего необходимых навыков, в отношении капитала, который представлен производительными технологиями.

В 40-х годах XX века австрийский экономист Й. Шумпетер обосновал теорию *созидательного разрушения*, определив место и роль инновационных предпринимателей в структуре развертывания динамики бизнес-цикла [1, с. 126–127]. Предприниматели, по мнению ученого, являются организационно-управленческим стержнем, на котором строится технологический прогресс капиталистического общества. Будучи ключевыми субъектами инновационного процесса, они «тащат» на себе гигантские риски применения капитала, неся бремя внедрения на рынке новых технологий. Одним из первых в экономической науке Й. Шумпетер объяснил функционирование механизма воспроизводства основного капитала, обосновав выдвинутую им оригинальную теорию действия рыночного механизма «созидательного разрушения».

Ему удалось логически непротиворечиво увязать в единую концепцию предложенные им оригинальные трактовки двух теорий (инноваций и бизнес-цикла), что привело к двум нетривиальным следствиям. Выступив в качестве новаторских в экономической теории, научные открытия Й. Шумпетера подвергли сомнению обе борющиеся между собой традиции. Его не признали за своего ни неоклассическая, ни социалистическая теория. Во-первых, экономист бросил вызов классической и неоклассической традиции теории статичного равновесия рынка, поставив под сомнение ее исходные предпосылки мышления, а также сложившуюся в рамках мейнстрима (mainstream) трактовку механизмов функционирования капиталистического

рынка. Во-вторых, Й. Шумпетером было научно доказано отсутствие в структуре социалистического общества субстанционального источника, порождающего инновации. На проверку оказалось, что в социалистической экономике просто нет имманентных фундаментальных структур, создающих механизм развертывания инновационной активности, так как отсутствуют производительные субъекты, несущие на себе риски внедрения продуктивного основного капитала. При социализме есть тоталитарное государство, государственные предприятия и основные производственные фонды. Однако начисто отсутствуют капиталисты, предприниматели, разнообразные организационно-управленческие структуры частного бизнеса и капитал как рыночное отношение. При капитализме все эти элементы присутствуют, однако они включены в принципиально иную отвлеченную от рыночной действительности систему абстрактных отношений, которую выстроила теория статичного равновесия. Получилось то, что капиталистический рынок работает совершенно на других принципах, нежели те, которые были заложены в объяснительные конструкции классической и неоклассической теории механистического равновесия.

Как пишет Й. Шумпетер, «Капитализм по самой своей сути – это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием. Эволюционный характер капиталистического процесса объясняется не только тем, что экономическая жизнь протекает в социальной и природной среде, которая изменяется и меняет тем самым параметры, при которых совершаются экономические действия. Этот факт очень важен, и эти изменения (войны, революции и т.д.) часто влияют на перемены в экономике, но не являются первоисточниками этих перемен. То же самое можно сказать и о квазиавтоматическом росте населения и капитала, и о причудах монетарной политики. Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия» [1, с. 126].

Экономист представил процесс постоянного динамического возникновения инноваций в следующих тесно взаимосвязанных структурных элементах, которые включены в специфическую структуру отношений. Во-первых, происходит создание новых рынков технологий, элементов основного и оборотного капитала (совершается «процедура открытия» по Ф. фон Хайеку), которые жизненно необходимы бизнес-структурам. Это приводит к тому, что предприниматели создают и открывают для потребителей конечную инновационную продукцию, покупаемую ими на рынке потребительских благ. Во-вторых, формируются новые организационно-управленческие структуры фирм. Ученый пишет: «Строго говоря, эти революции происходят не непрерывно, а дискретно и отделяются друг от друга фазами относительного спокойствия. Но весь процесс в целом действительно непрерывен, т.е. в каждый данный момент происходит или революция, или усвоение ее результатов. Обе эти фазы, вместе взятые, образуют так называемый экономический цикл» [1, с. 127].

Представляя результаты своего оригинального исследования механизмов функционирования капиталистического рынка, Й. Шумпетер вычленяет несущую систему взаимосвязанных элементов инновационного процесса, которые порождают единый поток развертывания динамической структуры *неравновесного рынка*. Й. Шумпетер ввел в науку оригинальную систему категорий и научных доказательств теорий инноваций и бизнес-цикла. С их помощью ученый определяет рынок как неравновесный, а потому инновационный. Именно неравновесное состояние рынка создает инновационную активность в капиталистической экономике. В открытой Й. Шумпетером субстанции неравновесного рынка находится животворящий источник прибыли капиталистических фирм. Таким образом, ученый нашел источник прибыли совершенно в другом месте, нежели их ранее «нашла» классическая и неоклассическая традиция теории статичного равновесия.

По словам Й. Шумпетера, «Открытие новых рынков, внутренних и внешних, и развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как “Ю. С. Стил”, иллюстрирует все тот же процесс экономической мутации, – если можно употребить здесь биологический термин, – который непрерывно революционизирует экономическую структуру *и з н у т р и*, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс “созидательного разрушения” является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну. Данный факт имеет двоякое отношение к нашей проблеме.

Во-первых, поскольку мы имеем дело с процессом, каждый элемент которого требует значительного времени для того, чтобы определить его основные черты и окончательные последствия, бессмысленно оценивать результаты этого процесса на данный момент времени: мы должны делать это за период, состоящий из веков или десятилетий. Любая система – не только экономическая, – полностью использующая все свои возможности для получения наилучшего результата в каждый данный момент времени, может в долгосрочном аспекте уступить системе, которая не делает этого никогда, поскольку краткосрочные преимущества могут обернуться долгосрочными слабостями.

Во-вторых, поскольку мы имеем дело с процессом органическим, то анализ того, что происходит в отдельном концерне или отрасли, может прояснить, как работают отдельные детали всего механизма, но не более того. Поведение того или иного предприятия следует оценивать только на фоне общего процесса, в контексте порожденной им ситуации. Необходимо выяснить его роль в постоянном потоке “созидательного разрушения”, невозможно понять его вне этого потока или на основе гипотезы о неподвижности мира» (Курсив наш. – В. У.) [1, с. 126–127].

Закономерностью рыночной экономики капитализма вступает функционирование фундаментальной причинно-следственной связи между двумя явлениями. С одной стороны, это инновации в сфере создания элементов основного и оборотного капитала, инновационной продукции для покупа-

телей, с другой – формирование новых форм организации и управления фирмой. В теории инновационного бизнес-цикла выделяется два взаимосвязанных феномена. Во-первых, соединение инновационных факторов производства – капитала, предпринимательского таланта, рабочей силы и «природного ареала обитания человека», что в экономической теории получило название «земля». Следствием функционирования этой динамичной системы взаимодействующих четырех факторов производства является закономерное возникновение второго феномена. Это рост производительности (отдачи) использования особым способом соединенных новатором (предпринимательский талант) четырех факторов производства в долгосрочный период времени.

Закономерная причинно-следственная рыночная связь заключается в том, что предприниматели увязывают воедино процесс введения в систему общественного воспроизводства ВВП «созвездия» инновационных факторов в широком смысле слова. Появляется, во-первых, новый более производительный основной и оборотный капитал, во-вторых, инновационная продукция для покупателей, в-третьих, новые источники снабжения, в-четвертых, новые формы организации и управления фирмами. Последнее особенно важно, так как возникают новые формы общественного разделения труда. Вся совокупность данных факторов инициирует увеличение отдачи факторов производства фирм. Эта взаимозависимое «созвездие» инновационных факторов порождает масштабируемый рост отдачи инновационных фирм, действующих как в краткосрочный, так и долгосрочный период времени. Данная динамичная система рыночных элементов генерирует волны имманентных изменений в рыночной экономике, представляющей единую неравновесную систему, находящуюся в динамике развития и совершенствования. Й. Шумпетер вывел систему естественных закономерностей *неравновесного рынка*, который задает механизм функционирования капиталистического бизнес-цикла.

Концепция «созидательного разрушения» Й. Шумпетера исключает абстрактную классическую статическую модель «рынка совершенной конкуренции» и ее смысловое ядро – закон Сэя. Предложив оригинальную теорию рождения инноваций из природы бизнес-цикла, Й. Шумпетер тем самым поставил под сомнение концепцию статичного равновесия рынка, которая выросла из абстрактной модели «совершенной конкуренции». Последняя не действует в капиталистической рыночной экономике. В рамках классической и неоклассической традиции в политической экономии в XVIII–XX веков была сформулирована теория статичного равновесия рынка, которая не обладает инструментами анализа эмпирической действительности рыночной экономики. С помощью категориального аппарата и методологии отвлеченной теории статичного равновесия рынка «совершенной конкуренции» невозможно адекватно описать реальную действитель-

ность капиталистической рыночной экономики, которая находит свое логичное выражение в циклической конфигурации бизнес-цикла, структурных сдвигах экономики, возникновении инноваций в широком смысле слова.

Существует настоятельная потребность в адекватном описании природы бизнес-цикла через систему категорий, с помощью которых можно выразить динамично изменяющиеся параметры, отражающие действительность капиталистической рыночной экономики. В рамках не корректно поставленной научной задачи отвлеченная от рыночной действительности абстрактная модель «совершенной конкуренции» статичного равновесного рынка вытекает из не достоверных исходных и интуиций классической и неоклассической школы. Последние напоминают собою скорее *утопические предположения*, означающие при переводе с греческого языка «место, которого нет», нежели результат точного знания. Проблема заключается в том, что категориальный аппарат классической и неоклассической традиции базируется на механистических и математических аналогиях, которые были привнесены в политэкономия в XVI–XIX веках. Поставленные цели формулировки «идеальной» модельной конструкции обусловлены математическими и механическими смыслами, вытекающими из аналогии простых механических часов, которые можно собрать и разобрать, заведя их на точный ход. Отсюда вырастает «чистая теория» сциентизма. По этой причине субстанциональные истоки, породившие экономическую теорию и методологию рационалистической традиции, необходимо искать за пределами собственно экономической науки. Ее истоки лежат в механистическом мировоззрении утилитарного автономного новоевропейского человека. Формулировка гипотезы об «экономике как таковой» построена не на совокупности эмпирических фактов, а представляет собой надуманную механическую конструкцию, которую желают математически точно обчислить.

Классическая и неоклассическая традиция основана на глубинных мировоззренческих интуициях, имеющих отдаленное отношение к предмету экономической науки. Например, непредсказуемая природа человека и стихийный рынок – это антиподы математических формул абсолютно интеллектуально проницаемого механического рынка. Декарт и его ученик Ламетри видели в человеке аналог механической машины. Созданные сциентистами абстрактные модели «совершенной конкуренции» и статического равновесия рынка нуждаются в рефлексии своих исходных базовых оснований, предпосылок мышления и критериев поиска истины. В такой постановке очерчена философская проблема системного видения предмета гуманитарного исследования экономической науки, столь нелюбимого математиками, которые предельно сузили и формализовали предмет экономической науки. К сожалению, «узкие экономисты» воспитаны в сциентистской традиции мышления, что исключает системное видение сложного объекта общества. Сциентизм как мировоззренческая система взглядов не

может в терминах гуманитарной экономической науки адекватно исследовать эмпирическую реальность, что приводит к системе ее противоречивых представлений об экономической действительности.

Приведем еще один пример, который хорошо иллюстрирует чисто дедуктивный тип методологии классической школы английской политической экономии. В 1801 г. первая перепись населения в Англии, несмотря на распространенные мнения, показала высокий темп роста численности населения. Оказалось, что в последние десятилетия XVIII века произошел взрывной рост народонаселения. В 1798 г. Т. Р. Мальтус издал книгу «Опыт о законе народонаселения», где абстрактно, не опираясь на данные статистики, вывел тенденцию к увеличению числа людей. Его мысли были поняты как пророческие предсказания относительно возможных демографических взрывов. Однако на самом деле Мальтус, как и многие его современники, думали, что после революции Кромвеля (1640–1660) население Англии не выросло. В 1803 г., переиздавая «Опыт о законе народонаселения», Мальтус написал о прошедшей в 1801 г. первой переписи населения в Англии, однако о ее результатах он не был осведомлен достаточно глубоко. Как оказалось, он не понял, что произошел беспрецедентный рост английского населения в рамках всей европейской истории. Этот пример хорошо иллюстрирует специфику дедуктивного метода при тотальном отсутствии вкуса к анализу эмпирической действительности.

Однако продолжим. Й. Шумпетер исходит из тезиса о том, что ключевые понятия (скорее нереалистичные «гипотезы»), на которых базируются неоклассическая традиция и методология научного поиска истины, являются ошибочными. Он пишет: «...требуется придумать воображаемый золотой век совершенной конкуренции, который в определенный момент превратился в монополистический век, хотя очевидно, что совершенная конкуренция всегда была всего лишь абстракцией» [1, с.124]. Неверная исходная абстрактная модель (рынок «совершенной конкуренции») породила столь же ошибочную производную модель (монополистический рынок), которых объединяет ложная гипотеза о статичном равновесном рынке.

Неоклассическая школа (mainstream) в полной мере наследует классическую традицию и исходит из сциентистского видения экономики. Применяемая ею методология спекулятивного внеопытного знания конструирует статичную модель равновесной рыночной экономики, центральным ядром которой является закон рынков Сэя, согласно которому предложение товаров автоматически создает спрос на них, из чего вытекает отсутствие проблемы их реализации. Классики и неоклассики построили модель бартерной экономики, где гибкие цены, которые колеблются вокруг статичной точки рыночного равновесия (в рамках узкого диапазона незначительных отклонений), направляют факторы производства в места их наиболее прибыльного применения. Доходы и расходы субъектов рынка уравниваются, а сбережения гибко выравниваются с инвестициями. Классическая теория, построенная на законе Сэя, отрицала саму возможность общих кризисов

перепроизводства, несмотря на то, что эмпирический опыт людей свидетельствует о совершенно обратном. Таков удел неоклассики, для которой абстрактные дедукции важнее живых фактов.

Возникает правомерный вопрос: «Как с позиций классической политической экономии и его смыслового ядра закона Сэя можно было бы научно корректно объяснить циклическое развитие капиталистической экономики в XIX веке?». Например, как научно проанализировать феномен Долгой депрессии (англ. Long Depression) XIX века, длившейся в различных странах мира с 1873 до 1896 г., когда кризис серьезно затронул экономики Европы и США. До наступления длительной депрессии 30-х годов XX века Долгая депрессия так глубоко вошла в народную память, что справедливо была названа Великой депрессией. В 30-е гг. XX в. произошел гигантский спад ВВП, наблюдались высокий уровень застойной безработицы, дефляция, распад системы золотого стандарта, крах мировой торговли и бартерных отношений в мировой экономике.

Если же мысленно вернуться в XIX век, то, например, в экономике США Долгая депрессия (1873–1879) была вызвана паникой 1873 г., которая инициировала спад экономической активности с октября 1873 г. по март 1879 г. Правительство США в 1879 г. вернулось к системе золотого стандарта, который был свернут с 1861 г. (начало гражданской войны между Севером и Югом). Национальное бюро экономических исследований США зафиксировало в стране продолжительность экономической рецессии в 65 месяцев. Этот феномен по своей длительности превышал период падения экономики (43 месяца) в 30-х гг. XX века (Великая депрессия). Статистическими органами США были зафиксированы с конца 70-х гг. и в течение 80-х годов XIX в. самые высокие темпы роста экономики страны за всю ее историю [2, с.162–183]. Классики и неоклассики обходили этот и другие подобные неудобные проблемы, так как их механистическая теория и методология не была «заточены» на адекватный анализ эмпирической действительности рынка. Такое положение вещей продолжалось вплоть до краха мировой экономики 1929–1939 гг. Это наконец-то заставило неоклассическую традицию начать обдумывать сущность этого явления, которое ну уж никак нельзя было не замечать, делая вид, что ничего в национальных экономиках и на мировом рынке не происходит.

Рыночной экономике имманентна непредсказуемость циклической конфигурации ее основных параметров (ВВП, занятость, доходы и расходы, товарные цены, валютные курсы, процентные ставки). В основе бизнес-цикла не может лежать механистическое равновесие доходов и расходов, сбережений и инвестиций в рамках небольшого диапазона отклонений цен на товары и деньги при условии существования математически просчитываемого статического равновесия. Экономика работает при большом уровне неопределенности рыночных параметров при негибких ценах на ресурсы. Рынок

стихийен и непредсказуем, он не является математически просчитываемым механизмом. Можно привести аналогию. Человек, конечно же, знает о том, что зима наступает вслед за осенью, тем не менее зима приходит внезапно.

Йозеф Шумпетер пишет: «Аналогично в рамках традиционной системы обвинительный приговор жестким ценам вполне справедлив. Жесткость цен препятствует быстрой адаптации, которую предусматривает совершенная конкуренция. Для тех условий и для того типа адаптации, которые фигурируют в традиционной теории, это опять-таки ведет к потерям и сокращению производства. Но мы уже видели, что для переменчивого, прерывистого процесса созидательного разрушения справедливо обратное: совершенная гибкость может, напротив, вести к катастрофам. К тому же выводу приходит и общая динамическая теория, которая, как упоминалось выше, показывает, что некоторые попытки адаптации лишь усугубляют неравновесие» [1, с.151].

Закон Сэя, описывающий функционирование бартерной экономики, безболезненно переключался в неоклассику, несмотря на то, что циклическое воспроизводство рынков с завидной регулярностью проявляло свой разрушительный характер. Механистическая теория сциентизма твердо держалась за закон Сэя, упрямо игнорируя факты, а его постоянные нарушения легко списывала на стихийные бедствия, войны, революции, вмешательство государства. Закон Сэя строился исключительно на «чисто экономических» факторах, объяснение которых вытекало из модели «чистого рынка». Из этой модели жестко отсекались все социальные, культурные, политические, этические факторы развития цивилизации, игнорировалась непредсказуемая природа человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шумпетер, Й. А.* Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Экономика 1995 – 540 с.
2. *Ротбард, М.* История денежного обращения и банковского дела в США. От колониального периода до Второй мировой войны / М. Ротбард. – Челябинск : Социум, 2009. – IV+548 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022

ЭКОНОМИКА

Афанасенко А. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены предпосылки и условия появления эффективного способа создания нового бизнеса и интенсивного метода развития существующего, в качестве которого выступает франчайзинг. Проведен анализ основных организационно-правовых и экономических особенностей франчайзинга, выявлены проблемы и определены необходимые мероприятия по развитию франчайзинга в Республике Беларусь.

За последние 10 лет проделана значительная работа по улучшению делового климата в Республике Беларусь в целом и поддержке малого и среднего предпринимательства в частности, было проведено максимально возможное количество реформ, призванных решить задачу по созданию стабильных, комфортных и предсказуемых условий ведения бизнеса. В результате сегодня Беларусь занимает 49 место из 190 стран в мире в рейтинге Всемирного банка «Doing Business 2020» по легкости ведения бизнеса, в то время как в рейтинге 2008 г. страна занимала 110 место из 178 стран [1]. Однако по статистике в течение первого года функционирования закрывается до 90 % бизнесов. Удельный вес убыточных среди малых и микроорганизаций за последние 7 лет в среднем составляет 22 %, средних – 16,7 %. Задача повышения эффективности государственных инвестиций на развитие бизнеса может быть успешно решена с помощью франчайзинга, поскольку он позволяет тиражировать успешный бизнес и уже доказавшие свою состоятельность бизнес-модели.

В отличие от бизнеса «с нуля» франчайзинг позволяет минимизировать риски и, соответственно, статистика выживания нового бизнеса гораздо более позитивная: согласно сведениям Международной ассоциации франчайзеров, 8 из 10 компаний, организованных по франшизе, оказываются успешными.

К основным преимуществам франчайзинга относят то, что вместе с комплексом исключительных прав на товарный знак, бренд и технологии франчайзи получает готовую бизнес-модель, адаптированный бизнес-план, стратегию маркетинга, стандарты по работе с поставщиками, персоналом и клиентами, четкое представление о необходимых инвестициях, гарантию минимального времени для запуска бизнеса, минимальных затрат на рекламу, услуги по обучению персонала, техническую и консультационную поддержку и многое другое [2].

Франшизы, особенно недорогие, – это зачастую единственный способ начать бизнес для тех, у кого нет управленческого опыта, собственных идей или уверенности в них, четких представлений о бизнес-модели, уверенности в наличии у себя предпринимательских способностей, опыта написания бизнес-плана и т.п. Для таких бизнесменов наилучшим вариантом является

работа с белорусскими компаниями-франчайзерами. Риски при этом минимальны, поскольку данный бизнес создан с учетом особенностей менталитета, традиций, уровня жизни, покупательского поведения, местного законодательства и т.п. Кроме того, белорусские франшизы, как правило, недорогие. При этом варианте исключены и проблемы коммуникации, проще получить любой вид поддержки в кратчайшие сроки. Но и для тех, кто имеет четкие идеи и цели, предпринимательский опыт, франшиза представляет интерес с точки зрения возможности получить уникальный опыт и знания ведения бизнеса на определенном отраслевом рынке, наработать необходимые связи или обрести чувство сопричастности к узнаваемому международному бренду. Необходимо понимать, что франчайзинг – это еще и способ расширения собственного бизнеса, позволяющий вывести его в другие регионы или даже на международный уровень, увеличить узнаваемость бренда.

В Республике Беларусь данная форма организации предпринимательской деятельности получила распространение начиная с 2006 г., когда был зарегистрирован первый договор франчайзинга. Сам термин «франчайзинг» упоминался в нормативных правовых актах раньше: в 1998 г. в Гражданском кодексе Республики Беларусь было дано определение франчайзинга, а в 2004 г. в кодекс были внесены изменения и дополнения, которые создали правовую основу для развития отношений франчайзинга на территории республики. Всего в 2006 г. было зарегистрировано 3 договора. За 2020 г. было зарегистрировано всего 57 договоров франчайзинга, что на 48 % меньше, чем годом ранее. Это сокращение обусловлено ежегодными колебаниями заявительной активности, а также сложившейся эпидемиологической обстановкой.

По данным Национального центра интеллектуальной собственности сейчас в Беларуси зарегистрировано более 625 договоров, что по сравнению с развитыми странами немного.

Более половины всех франшиз представлены в розничной торговле, остальные – в сфере оказания услуг населению (образовательных, оздоровительных, гостиничных, туристических и т.п.: в общественном питании – «KFC», «Burger King», «МакДональдс», «Баскин Роббинс»; в сфере услуг – «FitCurves», «Re/Max»; в розничной торговле – «Mango», «Tosca Blu» и многие другие.

В разных отраслях можно найти и предложения белорусских франшиз: «Shagovita», «Красный пиццевик», сеть городских кафе «Пицца Смайл», сети по продаже кофе на вынос – «Кофе Саунд» и «Utro Coffee», сеть детских развивающих центров «Лесенка», сеть турагентств «Oranjet».

Активно открывает свои магазины за рубежом по системе франчайзинга известный белорусский бренд «Мілавіца». По франчайзингу работают также магазины сети «Оранжевый верблюд» и торговые точки производителя нижнего белья и трикотажа компании «Serge». Успех в развитии франчайзинговой сети продемонстрировала и компания «Mark Formelle» из схожего сегмента.

В последние годы активизировались и белорусские игроки, которые стали создавать франшизы. Например, компания «НТС», которая владела магазинным брэндом «Родная сторона». Под этой маркой было зарегистрировано более 80 магазинов в разных городах Беларуси. Однако, к сожалению, данная франшиза потерпела неудачу в связи с выходом на рынок более развитых торговых сетей.

Большой вклад в развитие франчайзинга в Республике Беларусь внесла созданная в 2011 г. Ассоциация франчайзеров и франчайзи «Белфранчайзинг». Организация занимается развитием коммерческой концессии в Беларуси, ее популяризацией, выработкой единых стандартов отношений франчайзинга, организацией и проведением специализированных форумов, разработкой и реализацией программ профессиональной подготовки специалистов по созданию или развитию бизнеса с помощью франшизы, помощью в построении франчайзинговых систем и т.п. [1].

Значимым событием стало подписание договора о сотрудничестве между ОАО «Белинвестбанк» и Ассоциацией франчайзеров и франчайзи «Белфранчайзинг». Белинвестбанк предоставляет возможность финансирования покупки франшизы за счет собственных ресурсов, а также за счет средств Банка развития Республики Беларусь. Ресурсы доступны как индивидуальным предпринимателям, так и субъектам малого и среднего микропредпринимательства. Через год после принятия во Всемирный совет по франчайзингу Ассоциация «Белфранчайзинг» получила статус полного члена данной организации.

На сайте Ассоциации представлен каталог, включающий 247 франшиз из Австралии, Беларуси, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Италии, России, США, Украины, Франции и Швеции, среди которых 48 отечественных [3].

Из 7 недорогих франшиз с величиной инвестиций до 1000 долл. 2 белорусские (предложения от ООО «КОНТРАКТОР», занимающегося оптовой продажей запчастей для сельскохозяйственной и грузовой техники, и ООО «Белга-Пром», владельца сети бутиков шоколадных комплиментов «ChocoArt»), из 42 предложений с инвестициями от 1000 до 5000 долл. белорусских 9 [3]. Необходимо отметить, что благодаря деятельности Ассоциации и государственной поддержке франчайзинга количество белорусских франшиз стремительно растет. Так, если в 2013 г. их было 4, то сегодня, по оценкам Ассоциации, их более 80.

Деятельность Ассоциации и проводимые ею мероприятия успешно устраняют одно из главных препятствий – малая известность отношений франчайзинга для белорусских предпринимателей. Для сравнения отметим, что Международная ассоциация франчайзинга и Европейская ассоциация франчайзинга были созданы соответственно в 1960 и 1972 годах. Это свидетельствует о наличии длительной международной практики применения данных отношений, которая может быть успешно использована белорусскими предпринимателями и коммерческими организациями в части, не противоречащей законодательству Республики Беларусь [4, с. 117].

В рейтинге Международного индекса привлекательности стран для франчайзинга, разработанном Международным франчайзинговым центром Розенберга, по привлекательности в качестве международного рынка расширения для американских франшиз для компаний с постепенным ростом Беларусь находится на 100 месте из 131 страны, для компаний с агрессивным ростом – на 112 месте. Одной из причин низкого рейтинга является удаленность страны от США, но она не единственная и не главная. Невысоко оценили рыночный потенциал Республики Беларусь по причине низкого темпа роста реального ВВП за последние пять лет и уровень экономических и политических рисков, который отражен в индексе страновых рисков Euromoney Country Risk. Напротив, неплохо оценили уровень регуляторных рисков, которые отражены в индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка «Doing Business», и ВВП на душу населения. Очевидно, что данный индекс не отражает реальный уровень привлекательности Беларуси для стран ближнего зарубежья. Так, по мнению представителей Ассоциации, Беларусь является интересной для российских франчайзеров в сфере частного обучения детей от яслей до школы, услуг развлекательного характера, прочих услуг для населения (связанных со здоровьем, индустрией красоты, образованием), услуг для бизнеса [2].

С точки зрения юридического оформления франчайзинг представляет собой одну из самых юридически сложных сделок. В белорусском законодательстве отношения франчайзинга регулируются договором комплексной предпринимательской лицензии, которому посвящена глава 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Для сравнения отметим, что в законодательстве Российской Федерации аналогом выступает договор коммерческой концессии.

Сторонами договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) являются правообладатель и пользователь. Ими могут быть только коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели. В международной практике правообладателя принято именовать франчайзером, пользователя – франчайзи, а объекты, по поводу чего возникают данные правоотношения – франшизой. В силу закрепленного законом принципа свободы договоров стороны определяют условия данного договора в пределах, предусмотренных законодательством [5].

В соответствии с белорусским законодательством предметом договора франчайзинга является обязанность правообладателя (франчайзера) предоставить пользователю (франчайзи) за вознаграждение для применения в предпринимательской деятельности комплекс исключительных прав (лицензионный комплекс), включающий право использования фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), секретов производства (ноу-хау), других объектов интеллектуальной собственности. Договор франчайзинга заключается только в письменной форме и подлежит регистрации в патентном органе. Регистрации подлежат также изменения договора. В Республике Беларусь ведется государственный реестр договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) [4].

Из определения предмета договора франчайзинга усматривается, что объектом данных отношений выступают имущественные (исключительные) права на объекты интеллектуальной собственности. С этой точки зрения названный договор можно отнести к разновидности лицензионного договора с той разницей, что по договору франчайзинга передаются права на множество объектов интеллектуальной собственности.

Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, указанные в договоре, предоставляют возможность их обладателю использовать такие объекты по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Исключительные права относятся к имущественным правам, т. е. их можно оценивать, передавать, отчуждать. Передача имущественных прав по договору не влечет передачи или ограничения права авторства и других личных неимущественных прав. Необходимо отметить, что неимущественные права не возникают на товарные знаки, знаки обслуживания, ноу-хау, фирменные наименования. Однако объект отношений франчайзинга не ограничивается имущественными правами на объекты интеллектуальной собственности.

Франчайзи по названному договору получает возможность использовать в определенном объеме коммерческий опыт правообладателя (франчайзера), включающий систему организации хозяйственной деятельности по продаже товаров, выполнению работ, оказанию услуг. Для передачи такого опыта и эффективного применения всего комплекса нематериальных активов, задействованных в отношениях франчайзинга, правообладатель заинтересован в оказании услуг по обучению, консультационных и иных услуг.

Поэтому правообладателем может выступать субъект хозяйствования, который доказал эффективность своей схемы предпринимательской деятельности. Пользователь включается в уже налаженную бизнес-систему, сохраняя при этом финансовую, кадровую и иную самостоятельность. В этом заключается привлекательность франчайзинга для начинающего предпринимателя. Выгода правообладателя состоит в том, что данная система отношений позволяет ему расширять свой бизнес без существенных дополнительных инвестиций.

Несмотря на отсутствие прямого указания об этом в законе, реальную коммерческую ценность в этих отношениях приобретает также деловая репутация правообладателя, т. е. устойчивая оценка имиджа и рейтинга правообладателя другими субъектами хозяйствования. Законодатель относит деловую репутацию к нематериальным благам, которые, как известно, непередаваемы и неотчуждаемы иным способом.

Однако коммерческая ценность деловой репутации правообладателя проявляется как в размерах, определяемых договором вознаграждений, так и в характере и размере ответственности за нарушение обязательств.

Вознаграждение за передаваемый комплекс прав может выступать в любой форме, согласованной сторонами при заключении договора, в том числе в форме фиксированных платежей (разовых или периодических), отчислений от выручки. Единой системы расчета вознаграждений законо-

дательством не установлено. Стороны согласовывают формы и размеры вознаграждений с учетом ожидаемой прибыли, предстоящих затрат и иных экономических показателей.

Исследование франчайзинга в Республике Беларусь позволило выявить ряд проблем, обуславливающих его современное состояние, среди которых:

- отсутствие четкого понимания правовых основ и особенностей ведения предпринимательской деятельности по данной модели;
- регулирование франчайзинговых правоотношений множеством нормативных правовых актов без их систематизации;
- значительные финансовые и временные издержки на оформление названных отношений;
- сложность и многогранность договора комплексной предпринимательской лицензии, определяющего правовой статус субъектов франчайзингового правоотношения, условия обеспечения взаимных прав и обязанностей правообладателя и пользователя.

В целях устранения проблем, возникающих на пути эффективного развития франчайзинговых отношений на территории Республики Беларусь, следует выработать стратегию развития, а также принятия мер по обозначенным направлениям:

1) реализация законодательной инициативы в части совершенствования нормативно-правовой базы в направлении регулирования франчайзинговых отношений посредством разработки и принятия Закона Республики Беларусь «О франчайзинге»;

2) создание специализированных организаций, оказывающих государственную поддержку, например, в части выбора франшизы и франчайзера, а также информирования граждан о возможностях и перспективах по данному виду деятельности;

3) осуществление финансово-кредитной поддержки начинающих предпринимателей – субъектов франчайзинговых отношений;

4) оказание дополнительных образовательных услуг заинтересованным лицам (проведение семинаров, тренингов, выставок с участием зарубежных компаний, издание специализированных пособий, введение курса лекций данной тематики в университетах).

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что указанные правовые проблемы развития франчайзинга в Республике Беларусь требуют комплексного подхода к их решению и обуславливают необходимость выработки и принятия соответствующих научно обоснованных мер. Так, реализация мер в намеченных направлениях приведет к стимулированию развития в Республике Беларусь франчайзинга и формированию франчайзинговых отношений, осуществляемых с высокой эффективностью и соответствующих высоким международным стандартам.

Для устойчивого и динамичного формирования франчайзинговых отношений необходимо реализовать механизм развития франчайзинга, представляющий собой совокупность инструментов реализации, направленных на формирование благоприятной для франчайзинга среды.

Механизм развития франчайзинга должен предполагать развитие всех направлений (инструментов реализации) франчайзинговых отношений, что позволит ускорить процесс не только формирования торговых сетей, но и создания белорусских и транснациональных объединений предприятий в промышленном комплексе, в основе работы которых будут находиться успешные апробированные бизнес-модели, современные конкурентоспособные технологии, разработанные маркетинговые стратегии, известные бренды и торговые марки.

Механизм развития франчайзинговой деятельности в Республике Беларусь должен предусматривать стратегию развития франчайзинга в Республике Беларусь, направления и механизмы развития франчайзинга, нормативное правовое регулирование, развитие инфраструктуры, обучение основам франчайзинговых отношений, информационное сопровождение.

Примером успешного и эффективного использования комплекса преимуществ франчайзинга является деятельность СП ЗАО «Милавица».

СП ЗАО «Милавица» открыло направление франчайзинга в 1998 г. В начале 2000-х гг. магазинов «Milavitsa» насчитывалось не более десятка. Однако позже новое руководство СП ЗАО «Милавица» осознало, что конкурировать по ценам с импортными товарами практически невозможно. К тому же к 2006 г. произошел переход с «давальческих заказов» на производство собственных брендов.

В 2008 г. СП ЗАО «Милавица» была выработана своя концепция развития франчайзинга и как итог – собственный брендбук, который используется до настоящего времени. Франчайзинговая сеть «Milavitsa» успешно развивается благодаря сильному бренду, всеобщей известности и хорошей репутации, а также широкому ассортименту.

Магазины «Milavitsa» работают в наиболее емком розничном сегменте бельевых магазинов средней ценовой категории, что обеспечивает стабильно высокий покупательский спрос и продажи.

Основная задача франчайзинга – развитие розничных продаж через создание новых и поддержку работы действующих партнерских магазинов. Целями франчайзингового проекта является привлечение внимания к бренду, повышение лояльности покупателя и как результат – увеличение объемов продаж за счет развития розницы, расширение розничной сети магазинов во всем мире, повышение заинтересованности партнеров в эффективном сотрудничестве с компанией СП ЗАО «Милавица» на долгосрочную перспективу.

Основными направлениями франчайзинга можно считать:

- 1) развитие розничной сети;
- 2) освоение новых территорий (расширение охвата стран присутствия торговой марки «Milavitsa»);
- 3) увеличение доли экспортных продаж через франчайзинговое сотрудничество с партнерами.

Для достижения поставленных целей отделом франчайзинга разработана политика франчайзинга, которая предусматривает общие условия для всех партнеров, но вместе с тем допускает индивидуальные особенности отдельных аспектов с учетом специфики конкретных регионов.

Количество франчайзинговых магазинов «Milavitsa» в Республике Беларусь в 2020 г. составило 64, однако в 2021 г. темп их роста замедлился.

В целом можно считать, что компания СП ЗАО «Милавица» достаточно успешно использовала франчайзинговую модель развития бизнеса. Однако в партнерских магазинах продажи гораздо ниже по сравнению с сопоставимыми собственными. К снижению оборота привели, в том числе непрофессионализм работников, закупающих товар в недостаточном или избыточном количестве, и несоблюдение финансовой дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорина, Е. А. Франчайзинг в Республике Беларусь: проблемы и перспективы развития / Е. А. Зорина // Инновации в науке и практике. – 2020. – № 5. – С. 150–153.
2. Ассоциация франчайзеров и франчайзи «Белфранчайзинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belfranchising.by/>. – Дата доступа: 20.12.2021.
3. Беларусь в рейтинге «Ведение бизнеса 2020» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.by/ru/doing_business-ru/. – Дата доступа: 20.12.2021.
4. Кулис, Л. А. Условия развития отношений франчайзинга в Республике Беларусь / Л. А. Кулис // Труды БГТУ. – 2019. – № 1 (221). – С. 116–119.
5. Карсеко, А. Е. Тенденции и перспективы развития франчайзинга в Республике Беларусь / А. Е. Карсеко // Российская экономика: взгляд в будущее. – 2019. – № 4. – С. 143–149.

Поступила в печать 30.03.2022

Е. Н. Иванова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В работе рассмотрены методологические основы современной системы статистического обеспечения формирования и реализации инновационной политики в целях получения полной и достоверной информации о состоянии и уровне развития инновационной деятельности в экономике. В статье отмечено, что разработка методологических подходов к формированию статистического обследования инноваций в Беларуси основывается на скоординированной системе понятий, терминов и их определений, отвечающих требованиям международных стандартов.

Развитие инновационной сферы является объектом приоритетного внимания со стороны государства. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 года делается ставка на широкое распространение инноваций, совершенствование условий для осуществления научной, научно-технической и инно-

вационной деятельности, цифровизацию всех сфер жизнедеятельности. В условиях нарастающей глобальной конкуренции и появления новых высоких технологий и интеллектуальных систем становится очевидной необходимость структурно-технологического обновления экономики, основу которой будут составлять пятый и шестой технологические уклады [1].

В этих условиях необходимо создание современной системы статистического обеспечения формирования и реализации инновационной политики в целях получения полной и достоверной информации о состоянии и уровне развития инновационной деятельности в экономике. Обеспечение способности к созданию и практическому использованию инноваций становится одним из условий достижения качественного экономического роста. В связи с этим одной из главных задач статистики инноваций является предоставление достоверной и надежной статистической информации о величине, структуре, динамике инновационной деятельности и ее влиянии на экономическое развитие страны.

Разработка методологических подходов к формированию статистического обследования инноваций в Беларуси должно основываться на скоординированной системе понятий, терминов и их определений, отвечающих требованиям международных стандартов. В этой связи рассмотрим ключевые методологические положения и определения основных понятий статистики инноваций.

Предметом статистики инноваций является сбор и обработка показателей, характеризующих технологическое развитие предприятий и освоение ими новых видов товаров и услуг, совершенствование приемов маркетинга и методов ведения бизнеса. В части используемой терминологии следует базироваться на уже принятых в мировой практике определениях и понятиях, характеризующих инновационную деятельность предприятий, непосредственно ориентированных на рынок и внедряющих инновации в практику ведения бизнеса [2; 3; 4].

Так, под инновацией понимается результат научно-технической деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта (товара, услуги) или технологии, а также организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующее продвижению технологий, товаров и услуг на рынок.

Законом Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» инновация определяется как «введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера» [5].

При этом общим признаком инновации является то, что она должна быть внедрена. Новый или усовершенствованный продукт становится внедренным тогда, когда он поступит на рынок. Новые технологии, методы

маркетинга и организации производства считаются внедренными, если они используются в производственном процессе, транспортировке и продвижении продуктов на рынки сбыта.

Вновь внедренными являются товары и услуги, которые по своим характеристикам или направлениям использования существенно отличаются от товаров и услуг, производившихся предприятием ранее. Технологии, способы маркетинга и методы организации производства являются вновь внедренными, если они не использовались на предприятии ранее. Продукты, технологии, способы маркетинга и методы организации производства считаются инновационными в течение трех лет с момента их внедрения.

Следует отметить, что инновация, по определению, должна содержать заметную долю новизны: для предприятия, для внутреннего рынка или для всего мира. Минимальным признаком новизны является требование, чтобы продукт, процесс, метод маркетинга или организации был новым (или значительно улучшенным) для практики данного предприятия. Конкретная инновация уже может использоваться на других предприятиях, но при условии, что она является новой для данного предприятия, такое изменение для этого предприятия рассматривается как инновация.

Инновация считается «новой для внутреннего рынка», если внедрившее ее предприятие оказалось первым на внутреннем рынке страны; «новой для всего мира», если внедрившее ее предприятие оказалось первым на мировом рынке.

Инновационным предприятием считается предприятие, которое внедрило какую-либо инновацию за период времени, установленный статистической отчетностью. Инновационный статус предприятия не зависит от того, какие и сколько видов инноваций предприятие внедрило. Классификацию по инновационному статусу можно использовать для выяснения доли предприятий, внедривших инновации каждого из четырех типов (продуктовой, процессной, маркетинговой, организационной), или доли предприятий, осуществивших комбинированные инновации, например, продуктовую и маркетинговую или процессную и организационную. Под определение инновационного предприятия, внедрившего технологическую инновацию, подпадает предприятие, осуществившее продуктовую и/или процессную инновацию.

В статистике к категории инновационно активных предприятий относятся предприятия, проявлявшие инновационную активность во время обследования, включая продолжающуюся и прекращенную. Иными словами, предприятия, проводившие в период обследования какую-либо деятельность, связанную с созданием инноваций, признаются инновационно активными вне зависимости от того, привела ли эта деятельность к реальному появлению инновации или нет.

Инновационная деятельность трактуется шире и охватывает все научно-технические, производственные, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью, включая исследования и разработки, не связанные напрямую с подготовкой какой-либо конкретной инновации.

В настоящее время в соответствии с международными рекомендациями выделяют четыре типа инноваций: продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные [3; 4; 6].

Продуктовые и процессные инновации являются технологическими инновациями. Продуктовыми инновациями являются новые или значительно улучшенные продукты (товары или услуги) по части их свойств или способов использования, внедренные в производство на данном предприятии. К продуктовым инновациям в сфере товаров относятся значительные усовершенствования в технических характеристиках, компонентах и материалах, во встроенном программном обеспечении или в других функциональных изменениях, улучшающих потребительские свойства товара. Продуктовые инновации в оказании услуг включают в себя значительные усовершенствования в способах их предоставления (например, эффективности и скорости), дополнение уже существующих услуг новыми функциями или характеристиками или внедрение совершенно новых услуг.

К инновационным товарам можно отнести, например, изделия, в которых использованы новые материалы с улучшенными характеристиками, пищевые продукты с новыми функциональными характеристиками, бытовые приборы со значительно сниженным энергопотреблением, новые лекарственные средства с улучшенным действием и другие.

Процессные инновации включают в себя разработку и внедрение технологически новых или технологически значительно усовершенствованных методов в производстве, материально-техническом снабжении и процессе доставки продуктов, включая внедрение программного обеспечения во все технологические процессы. Инновации такого рода могут быть основаны на использовании нового производственного оборудования и/или программного обеспечения, новых технологий, существенных изменениях в производственном процессе или их совокупности. Такие инновации нацелены, как правило, на снижение издержек производства или затрат, связанных с доставкой продуктов, повышение качества товаров (услуг) и эффективности производства или транспортировки уже существующих продуктов. Они могут предназначаться также для производства и доставки технологически новых или усовершенствованных продуктов, которые не могут быть произведены или поставлены с использованием обычных производственных методов.

Реализация новых или значительно улучшенных методов маркетинга представляет собой маркетинговые инновации, которые предусматривают управление созданием товаров и услуг и механизмами их реализации как единым комплексным процессом. Маркетинговые инновации охватывают существенные изменения в дизайне и упаковке продуктов, формирование новых ценовых стратегий, использование новых способов размещения и продаж продуктов, применение новых методов продвижения продуктов на рынки. Целью маркетинговых инноваций является более полное удовлетворение потребностей потребителей продуктов, открытие новых рынков сбыта, расширение состава потребителей товаров и услуг с целью повышения объемов продаж.

Организационные инновации направлены на реализацию новых методов в ведении бизнеса, организации рабочих мест или внешних связей. Данные инновации ориентированы на повышение эффективности деятельности предприятия путем снижения административных издержек и стоимости поставок, повышения уровня удовлетворенности работников организацией рабочих мест (рабочего времени), что способствует росту производительности труда. Предприятие необязательно должно быть первым, внедрившим эти организационные инновации. Не имеет значения также, на каком предприятии они были разработаны – на предприятии, использовавшем инновацию, или на другом предприятии.

В современном мире большое значение придается решению проблем экологии, в связи с чем из всех типов инноваций следует выделять экологические инновации, которые представляют собой новые или значительно усовершенствованные товары и услуги, производственные процессы, организационные или маркетинговые методы, способствующие повышению экологической безопасности, улучшению или предотвращению негативного воздействия на окружающую среду.

Информацию об инновационных процессах можно получить при проведении статистического обследования. Целью статистического наблюдения за инновационной деятельностью является сбор показателей, характеризующих освоение новых видов продукции (товаров, услуг), применение новейших технологий, внедрение новых видов маркетинга и организации производства на предприятиях.

Инновационная деятельность в той или иной мере присутствует во всех секторах экономики, но весьма затруднительно в силу ряда причин охватить все виды экономической деятельности в одном статистическом обследовании. Наиболее важными в контексте инноваций являются производства, ориентированные на выпуск рыночных товаров и услуг. Прежде всего промышленность, а также направления, связанные с использованием вычислительной техники и информационных технологий, которые целесообразно включить в охват видов деятельности.

К основным показателям, подлежащим обследованию (минимальный набор показателей) при проведении статистического наблюдения за инновационной деятельностью предприятия, могут быть отнесены:

- затраты на инновации по типам (технологические, маркетинговые и организационные инновации), видам расходов и источникам финансирования;
- объем производства инновационных товаров и услуг, в том числе связанных с нанотехнологиями;
- экспорт инновационных товаров, в том числе связанных с нанотехнологиями;
- информация о приобретении (передаче) новых технологий по формам приобретения (передачи);
- информация о количестве совместных проектов по осуществлению инновационной деятельности, в которых участвует предприятие;
- информация о факторах, препятствующих инновациям [7, с. 8].

Для сбора необходимой информации требуется разработка соответствующего статистического инструментария, одними из важнейших элементов которого являются статистические формы, которые представляют собой совокупность таблиц, предлагаемых респондентам для заполнения в соответствии с инструкциями, содержащими указания о порядке проведения наблюдения, методические пояснения и сроки предоставления информации. Сведения об инновационной деятельности предприятия в статистических формах могут быть представлены количественными и качественными данными. Количественные данные получают путем сбора информации об объемах затрат на инновации, производстве и экспорте инновационной продукции, технологическом обмене, количестве совместных проектов.

Данные о факторах, сдерживающих инновационную деятельность, собирают на основе качественных показателей. Предприятиям предлагается отметить те факторы, которые, по их мнению, препятствовали развитию инновационной деятельности в течение последних трех лет.

Для обеспечения сопоставимости данных в наблюдениях необходимо определить период времени, к которому будут отнесены вопросы об инновациях. Методы наблюдения могут быть как сплошными, так и выборочными. Вместе с тем в случае организации выборочных обследований инновационных процессов достаточно сложно совместить свойства выборки и генеральной совокупности. Более продуктивным является проведение сплошного наблюдения.

Таким образом, динамизм инновационного развития экономики определяет необходимость оценки состояния и разработки направлений совершенствования статистики инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.gov.by/ru/dejst_prognoz_dok-ru/. – Дата доступа 11.11.2021.
2. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (третье издание). Совместная публикация ОЭСР и Евростата. – М. : ЦИСН, 2006. – 192 с.
3. Oslo Manual 2018: Guidelines for collecting, reporting and using data on innovation – 4th ed. – Paris : OESD ; Eurostat, 2018. – 258 p.
4. Макарова, И. В. Методология статистических измерений и оценки инноваций в промышленности / И. В. Макарова, Е. Н. Стариков // Инновации. – 2016. – № 12. – С. 67–74.
5. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

6. Кузнецова, И. А. Развитие методологии статистического измерения инновационной деятельности в условиях реформирования международных стандартов / И. А. Кузнецова, С. Ю. Фридлянова // Вопросы статистики. – 2020. – № 1. – С. 29–52.

7. Горячева, И. П. Направления развития статистики инноваций (с учетом международных рекомендаций) / И. П. Горячева, В. Н. Васильева // Вопросы статистики. – 2014. – № 9. – С. 3–11.

Поступила в печать 18.03.2022

А. Л. Подгайский

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ

В статье рассмотрено воздействие глобальной инновационной гиперконкуренции на трансформацию субъектов экономики, что проявляется в структурно-институциональных изменениях, новых конкурентных стратегиях и методах соперничества. Показано противоречивое взаимное влияние традиционных форм бизнеса и компаний-информационных платформ. Наряду с новыми возможностями для традиционного бизнеса происходит процесс перераспределения рыночной власти в пользу компаний-информационных платформ.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется неустойчивостью и стохастичностью социально-экономических процессов, ускорением изменений во всех областях общественной жизни. Неустойчивость экономической динамики проявляется на всех уровнях хозяйственной организации общества, она затрагивает функционирование малых экономических систем, национальных хозяйств, мировой экономики в целом. Исследование природы такой нестабильности проводится учеными различных стран и охватывает множество сторон социально-экономической действительности. Общим выводом, объединяющим позиции множества исследователей, является положение о том, что неустойчивость и стохастичность экономических процессов отражает глубинные сдвиги в экономике, меняющие принципы ее функционирования.

В частности, глубокие изменения происходят в сфере конкурентного взаимодействия фирм, отраслей экономики, национальных хозяйств. Новые реалии меняют характер и принципы конкурентной борьбы. Так или иначе, большинство хозяйственных образований во всех сферах мировой экономики созданы в целях достижения успешного существования в относительно стабильной внешней среде (ее нестабильность воспринималась как экстраординарное явление). Стремление к устойчивому получению доходов в отно-

сительно стабильных рыночных нишах, тесное взаимодействие с государственными институтами, широкое распространение олигополистической практики координации действий на рынке, решение проблем сохранения конкурентоспособности путем слияний и поглощений вступали в конфликт с качественно новой конкурентной ситуацией, получившей название гиперконкуренции.

По определению М. Брауна, под гиперконкуренцией «...следует понимать такую ситуацию, когда предприятия во все большей степени подвергаются совокупному воздействию ранее изолированных друг от друга конкурентных факторов, что ведет к возникновению многоаспектной, динамичной и агрессивной конкуренции» [1]. Она одновременно охватывает множество сфер соперничества (издержки, качество, «ноу-хау» и т.д.) и затрагивает многие аспекты конкурентной борьбы (противостояние на товарных рынках, на рынках ресурсов, действия в составе объединения компаний). Важным признаком гиперконкуренции является чрезвычайный динамизм рынка, что проявляется в быстром изменении расстановки сил, появлении новых «игроков», изменении позиций компаний благодаря слияниям, альянсам, поглощениям. Существенной чертой гиперконкуренции является нарастающая агрессивность конкурентов, стремящихся отбросить традиционные ограничения и использовать весь спектр методов конкурентной борьбы [Там же].

Феномен гиперконкуренции является порождением глобализации и интернационализации экономической жизни. Их проявления весьма разнообразны и затрагивают множество аспектов функционирования мирового хозяйства, макро- и микроэкономики, поведения социальных групп и индивидов.

Сформировались глобальные производственные цепочки, объединяющие множество компаний, которые не связаны отношениями собственности. Эти цепочки проходят через различные страны и континенты, быстро меняют свою конфигурацию в зависимости от изменений условий ведения бизнеса и возможностей его оптимизации в масштабах мировой экономики. Широкое внедрение информационных технологий в сочетании со снижением уровня транспортных и транзакционных издержек создало условия усиления взаимодействия предприятий, размывания географических и технологических границ их деятельности и в конечном счете формирования экономических сетей мирового масштаба.

Существенно сократился жизненный цикл новых продуктов, в передовых областях экономики полное обновление продукции и технологий происходит в течение десятилетия. Перманентное обновление продукции становится ключевой целью деятельности предприятий. Использование цифровых технологий позволило передовым компаниям не только мобилизовать для решения своих задач ресурсы и усилия огромного количества мелких и средних корпораций во всех уголках мира, но и управлять потреблением в мировом масштабе, формировать потребности людей в глобальном экономическом пространстве.

Принципиально новым феноменом экономической жизни стало появление особого субъекта экономики – цифровых платформ. По определению Б. М. Глазкова, цифровая платформа представляет собой «...систему алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счёт применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда» (цит. по [2]). Исходный смысл их функционирования заключался в обеспечении при проведении сделки непосредственного контакта продавцов и покупателей товаров и услуг, на деле информационно-экономическое взаимодействие затрагивает широкий круг хозяйствующих субъектов, включающих операторов платформ, государственных регуляторов и т.п. [Там же]. Появление и экспансия компаний-платформ существенно деформирует основу рыночной координации деятельности субъектов экономики, меняет формы и способы их соперничества, ограничивает возможности государственного регулирования соответствующих процессов.

Эти и многие другие феномены глобальной экономики пробудили движущие силы, формирующие условия возникновения гиперконкуренции как нового качества соперничества субъектов экономики. К этим движущим силам М. Браун относит:

- глобализацию соперничества в сфере предложения, что проявляется в согласовании стратегий, планов и действий компаний на мировом рынке в целях противодействия иным глобальным конкурентам, а также гомогенизацию спроса, предполагающую унификацию потребностей и востребованность потребителем относительно однородных, стандартизированных, товаров и услуг;
- поляризацию рынков, которая выражается в сокращении глобального спроса на продукцию среднего класса и растущей востребованности как дешевой, так и высококачественной дорогой продукции;
- размывание отраслевых границ, как между различными отраслями, так и внутри отраслевых направлений; компании во многих сферах бизнеса диверсифицируют свою деятельность, выходят за рамки отраслевых границ;
- рост технизации бизнес-процессов, позволяющих на основе использования информационно-коммуникационных технологий сформировать информационно-коммуникационные системы, оптимизирующие связи между предприятиями, их поставщиками и клиентами;
- тенденцию к дерегулированию рынков (приватизация государственных предприятий, ликвидация монополий), что привело к реструктуризации многих сфер бизнеса, изменению расстановки сил на многих рынках [1].

Отмеченные факторы, формирующие новую конкурентную среду, принципиально меняют условия функционирования и конкурентные стратегии всех субъектов экономики и, прежде всего, предприятий. Новые

условия предопределили кризис традиционных, вертикально-иерархичных, форм организации корпоративного бизнеса. Бизнес-структуры вынуждены адаптироваться к чрезвычайно быстрым технологическим и экономическим изменениям, проявить максимальную гибкость, развить инновационную активность во всех сферах деятельности и снизить издержки.

Решение этой сложной задачи существенно меняет принципы организации и функционирования фирмы как малой экономической системы. Качественно новый уровень соперничества на глобальных рынках, предполагающий появление новых конкурентов, применяющих передовые технологии и способы минимизации издержек, вызывают необходимость переходить от рутинного предпринимательства к инновационным решениям как фундаментальному источнику конкурентоспособности.

Процессы трансформации природы предприятия носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается тенденция к размытию административного ядра – важнейшего признака самостоятельного субъекта хозяйствования – у многих предприятий. Стратегии адаптации к сетевой экономической среде вынуждают предприятия самих становиться сетью, «демонтировать» свои иерархические структуры и выстраивать горизонтальные связи. Тем самым порождаются принципиально новые механизмы координации действий субъектов экономики. Появляется возможности функционирования децентрализованного, относительного целого множества хозяйственных единиц, способных не только соперничать между собой, но и сотрудничать в рамках общей стратегии.

С другой стороны, крупнейшие транснациональные корпорации – ведущие игроки на мировой арене минимизируют издержки путем формирования глобальных цепочек создания ценности, которые охватывают все стадии технологического цикла. Они используют возможности сетевой экономики для оптимизации производства в глобальном экономическом пространстве. Сетевые связи позволяют им в целях сокращения издержек интегрировать в бизнес-цепочки субъектов экономики во всех уголках мира, в том числе использующих архаичные формы организации производства и труда, осуществляющих деятельность на основе низких социальных и экологических стандартов. Эти возможности позволяют глобальным корпорациям сохранять иерархические структуры и дополнять их горизонтальной организацией бизнеса, адаптируясь к быстрому изменению рыночной ситуации благодаря столь же быстрому изменению конфигурации глобальных бизнес-цепочек.

Эта тенденция разрушает образ экономики будущего как сетевой экономики, базирующейся на горизонтальных связях и взаимодействиях на основе информационно-коммуникационных технологий хозяйственных единиц разной величины. Реалии таковы, что успех предприятия в настоящее время, особенно в реальном секторе экономики, определяется местом в глобальной цепочке создания ценности. Предприятия конкурируют между собой в процессе интеграции в транснациональные экономические структуры

за достойное (относительно высокотехнологичное) место в данной цепочке, обеспечивающее высокую добавленную стоимость. Именно оно определяет доступ к высоким технологиям, каналам поставок и сбыта, передовому маркетингу и т.п.

Революционное воздействие на принципы функционирования субъектов экономики оказывают компании – цифровые платформы. Они во многом искажают традиционные принципы работы предприятия, вместо ориентации на получение максимальной прибыли они отдают приоритет росту, охвату максимально числа пользователей и рыночной капитализации компании. Экономические преимущества доминирующих компаний-платформ связаны с использованием эффекта масштаба, возможностью предлагать более доступные продукты и услуги по мере их роста и экспансии.

Доминирующие платформы активно диверсифицируют свою деятельность, проникая в смежные сферы бизнеса. Расширение видов деятельности и оказываемых услуг позволяет не только повысить их качество, но аккумулировать информацию, в том числе получать дополнительные данные о потребителях. Объемом этих данных во многом определяется рыночная власть компаний – цифровых платформ, персональные данные предлагаются рекламодателям и монетизируются посредством цифровой рекламы [3]. Отмеченные преимущества (экономия от эффекта масштаба, возможности диверсификации деятельности и использования огромного массива персональных данных) затрудняют выход на рынок новых игроков, на рынке утверждается доминирование олигополистических структур и соответствующей практики ценообразования.

Существенное влияние на принципы функционирования и соперничества экономических субъектов оказывает взаимодействие компаний-платформ и традиционных корпораций во всех сферах бизнеса. Результаты такого взаимодействия весьма противоречивы. С одной стороны, цифровые платформы приобретают рыночную власть, внедряясь в бизнес-модели традиционных участников рынка, компании-платформы «...начинают контролировать цепочки поставок, получать рычаги для контроля над ценообразованием и могут влиять на соотношение спроса и предложения за счет создания искусственной асимметрии информации» [2]. С другой стороны, традиционный бизнес, приобретая доступ к массивам персональных данных в результате взаимодействия с цифровыми платформами, получает новые возможности, активно использует персональные данные в коммерческих целях. Эти возможности связаны с манипулированием поведения потребителя в глобальной информационной среде, с практикой глобального маркетинга. Особенно яркое проявление такая практика находит в современных высокотехнологичных отраслях, где постоянное обновление продуктов в условиях глобальной конкуренции вызывает необходимость искусственно стимулировать потребителя, вынуждая приобретать новые модели продукции. При этом практика информационного воздействия с целью формирования потребительских стандартов сочетается с технико-технологическими мерами, направленными на ускорение морального старения продуктов и ограничение срока их использования.

Наконец, взаимодействие с компаниями-платформами подводит компании в традиционных сферах бизнеса (например, в банковской сфере) к попыткам использования соответствующих технологий в своей деятельности и трансформации собственной организации на принципах цифровой платформы. Конечный результат такого рода трансформаций в масштабах системы еще не определен. Возникновение финтех-компаний и попытки многих банков превратиться в финтех-сервис ставят вопрос о будущем банковской системы. Являются эти компании партнерами либо конкурентами традиционным банкам, насколько они способны потеснить традиционные банковские институты на рынке? Ответы на эти вопросы покажет будущее. В настоящее время нет оснований полагать, что финтех-компании смогут заменить традиционные банки и принципиально изменить содержание их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун, М. Гиперконкуренция: характерные особенности, движущие силы и управление [Электронный ресурс] / М. Браун // Менеджмент и маркетинг – Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/20_3_98.htm. – Дата доступа: 30.11.2021.
2. Месропян, В. Цифровые платформы – новая рыночная власть [Электронный ресурс] / В. Месропян. – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o>. – Дата доступа: 03.12.2021.
3. Вопросы конкуренции в цифровой экономике. Записка секретариата ЮНКТАД / Конференция ООН по торговле и развитию. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd54_ru.pdf. – Дата доступа: 06.12.2021.

Поступила в печать 31.03.2022

А. Н. Русак

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье исследуется образовательный потенциал социальных медиа. Автор рассматривает отличительные особенности социальных медиа как альтернативного инструмента обучения, преимущества и проблемные аспекты социальных медиа как образовательных платформ. Определены типы образовательных ресурсов социальных медиа. Сделан вывод, что, несмотря на рассмотренные проблемные аспекты, необходима дальнейшая работа в этом перспективном направлении в условиях динамично развивающегося информационного общества.

Специфика влияния социальных медиа на разнообразные проекты образовательного характера еще не в полной мере исследована, но все более очевидно, что социальные медиа в контексте онлайн-коммуникации, занимают особое место. Цель данной статьи – определить направления развития образовательного потенциала социальных медиа в условиях цифровизации информационно-коммуникационного пространства сети Всемирной сети. В контексте образовательного аспекта важно понять, насколько социальные медиа могут обеспечить возможность трансформации потребительских предпочтений в получении качественного контента, а также актуализировать свои образовательные возможности.

Направления классификации социальных медиа не имеют единого подхода, к ним относят блог-платформы, онлайн-платформы, социальные сети, мультимедийные и видеохостинги, сервисы обмена сообщениями, различные проекты социальных интернет-площадок, службы сетевого общения, интерактивные интернет-приложения и другие социальные средства коммуникации. При группировке ресурсов и сервисов социальных медиа применяются различные признаки: технические стандарты, роль пользовательского контента и т. п.

Так, в зависимости от выполняемой корпоративной функции, исследователи выделяют типы платформ социальных медиа: блоги; микроблоги; деловые сети или бизнес-сети; совместные проекты; фото- и видеохостинги; корпоративные социальные сети; форумы; социальные игры; социальные сети и другие [1].

Блоги служат инструментом профессионального общения. Образовательный потенциал блогов получает все большее признание, их возможно использовать в качестве инструментов группового обсуждения, коллективной работы над совместными проектами. Videоблоги позволяют сообществу той или иной сети информировать друг друга. Среди преимуществ блогов в образовательной среде можно выделить: развитие аналитического мышления, творческих способностей и самовыражения обучающихся; поощрение обмена образовательными ресурсами между сторонами взаимодействия; возможность обмена ссылками на интернет-ресурсы; визуализация образовательной платформы и другие.

Микроблоги носят более неформальный характер и более интерактивны, чем блоги. С точки зрения пользователей они обладают следующими преимуществами: возможность получения необходимой информации посредством коротких и актуальных сообщений; обмен сообщениями в режиме реального времени, что способствует большей вовлеченности пользователей; возможность постоянного обновления контента [2].

Деловые сети или бизнес-сети часто анализируют с позиции социальных связей [3]. Контент должен соответствовать принятой политике деловых сетей по соблюдению действующих правил надлежащего использования платформ. Выделяют профессиональные сети и сообщества по интересам.

Форумы позволяют пользователям участвовать в обсуждениях сообщества, создавать темы, отвечать на сообщения и публиковать их.

Социальные медиа позволяют использовать эти каналы в качестве модели для настройки собственного контента в соответствии с потребностями обучающихся. Такие технологические инновации порождают новый тип культуры обучения – обучение, основанное на принципах коллективного исследования и взаимодействия [4].

По состоянию на январь 2022 года мировой рейтинг социальных медиа по количеству активных пользователей за месяц выглядит следующим образом: 1) Facebook (2 910 млрд); 2) YouTube (2 562 млрд); 3) WhatsApp (2 млрд); 4) Instagram (1 478 млрд); 5) WeChat (1 263 млрд); 6) TikTok (1 млрд); 7) Facebook Messenger (988 млн); 8) Douyin (600 млн); 9) QQ (574 млн); 10) Sina Weibo (573 млн); 11) Kuaishou (573 млн); 12) Snapchat (557 млн); 13) Telegram (550 млн); 14) Pinterest (444 млн); 15) Twitter (436 млн); 16) Reddit (430 млн); 17) Quora (300 млн) [5; 6].

Каждая платформа социальных медиа предлагает разные сервисы: обмен объявлениями и сообщениями; размещение видеоконтента; проведение онлайн-конференций и лекций в прямом эфире и т.п. Список сервисов различен для разных стран и регионов.

Онлайн-ресурсы имеют не только социальный, но и образовательный потенциал. В образовательных целях наиболее интересны типы платформ, где пользователь может реализовать свои профессиональные компетенции. Например, образовательные каналы, которые продвигает платформа YouTube [7]: Khan Academy (курсы по науке и технике, математике, искусству, гуманитарным наукам и т.д.); TED-Ed (языки, история, наука, коммуникация и другие курсы) и т.п. Социальная сеть ВКонтакте (VK) также предлагает образовательный контент и может выступать как платформа для образовательных марафонов. Например, в сентябре 2021 г. была запущена бесплатная платформа для обучения видеоблогингу – VK Squad, это образовательный проект, позволяющий пользователям получать доступ к обучающим курсам.

Социальные медиа уже в меньшей степени позиционируют себя исключительно как развлекательную площадку, пользователи все чаще оценивают их практическую роль и используют для разных целей, в том числе как альтернативные инструменты обучения. Они обеспечивают получение более гибкого и индивидуального опыта, пользователи могут использовать дополнительный инструмент обучения. Получение доступа к серии курсов с пояснительными видео часто не требует регистрации пользователей.

Согласно работам исследователей, можно выделить несколько основных функций социальных медиа в образовательном аспекте: информационную; коммуникационную; социокультурную и воспитательную.

По данным различных исследований наиболее общими формами, определяющими предпочтения пользователей в образовательной онлайн-среде, являются: аудио-, видеолекции, консультации, практические онлайн-занятия, чат-занятия (занятия с использованием чат-технологий), онлайн-тренинги;

блоги; форумы и т.п. Ошибочно полагать, что создание онлайн-курсов требует значительных инвестиций. В целом пользователи считают, что социальные медиа являются дешевыми и удобными инструментами получения необходимой информации [4].

Использование инструментов социальных медиа в образовательных целях способствует формированию специальных компетенций пользователей: умение осуществлять поиск информации для решения конкретных задач; способность проводить отбор и структурирование необходимой информации; поддерживать активность для получения доступа к различным образовательным ресурсам; осуществлять взаимодействие с другими пользователями в рамках образовательной платформы.

Среди отличительных особенностей социальных медиа можно выделить: интерактивность и мультимедийность; доступность старого контента; возможность мониторинга популярности публикаций; размещение ссылок на другие ресурсы и т.п.

Сервисы и технологии социальных медиа позволяют:

- обеспечивать прямой контакт между сторонами взаимодействия;
- предоставить больше возможностей для электронного обучения (онлайн-курсы становятся все более популярными);
- использовать группы для трансляции лекций в прямом эфире и проведения дискуссий (кураторы курсов могут создавать группы для каждого из своих занятий – как общедоступные, так и закрытые, публиковать вопросы для обсуждения, назначать задания, делать объявления и т.д.);
- создавать форумы для сообщений и чаты для обсуждений тем;
- визуализировать представленный контент, поддерживающий решение образовательных задач.

Социальные медиа предполагают минимальное использование специализированных технологий в качестве дополнительного инструмента обучения в пространстве информационных потоков. Примеры технологий, применяемых сервисами социальных медиа включают: цифровые экскурсии; игровое обучение; интерактивные электронные учебники; онлайн-классы и т.п. [7].

Идентификация пользователя позволяет получить о нем представление и оценить возможность определения образовательных интересов по профилю в социальных медиа для формирования индивидуальных предложений. Однако свой профиль в различных социальных медиа пользователи могут заполнять ограниченным набором базовых атрибутов, не полностью отражающих информацию об их интересах и предпочтениях. Такой фрагментированной информации не всегда достаточно для персонализации и формирования индивидуальных предложений. Может применяться частичная идентификация авторов для формирования пользовательской модели. В условиях цифровизации и формирования информационного общества использование социальных медиа в информационно-образовательной среде увеличилось, что привело как к расширению возможностей, так и затруднениям.

Преимущества социальных медиа как образовательного ресурса можно рассматривать в двух аспектах, со стороны создателей и администраторов курсов, а также со стороны пользователей образовательных платформ.

Со стороны пользователей альтернативных сервисов обучения это:

- дополнение и расширение возможностей выбора предложенных курсов;
- поддержка непрерывного обучения;
- формирование навыков, необходимых в информационном обществе;
- расширение опыта использования коммуникативных технологий;
- получение информации от взаимодействия с другими участниками в режиме реального времени;

- возможность контроля своей собственной среды обучения.

Со стороны создателей потенциальных онлайн-ресурсов это:

- повышение вовлеченности и мотивации пользователей;
- работа в группах над созданием контента;
- создание сервисов для обмена идеями;
- построение системы обучения на базе социальной сети;
- формирование профессиональных сообществ;
- возможность выступления в роли лидера мнений в определенной сфере;
- трансформация стиля обучения.

Обозначим также и аспекты использования социальных медиа в образовательных целях. Это:

1) содержательный аспект предлагаемого курса (многие исследователи считают, что преимущества социальных сетей превосходят риски);

2) недостаточный контроль качества образовательных продуктов.

Направления трансформации инструментов социальных медиа в условиях цифровизации образовательной среды определяют специфику различных методов и стилей обучения в зависимости от сочетания или исключительного использования традиционного и онлайн-обучения. Возможности социальных медиа в информационно-образовательной среде включают: организацию совместной работы и установление взаимосвязи между пользователями, доступ к консультациям экспертов, получение доступа к информации из ряда источников и возможность распространения информации.

Проводимые исследования, показывают, что молодые люди более ориентированы на использование современных технологий и с большей вероятностью предпочтут коммуникационные ресурсы современного онлайн-пространства для решения своих задач [4]. Установлено, что при использовании ресурсов социальных медиа в образовательных целях основным мотивационным фактором, стимулирующим их использование, становятся эффективные и быстрые средства коммуникационных технологий [Там же].

Новые социальные сервисы и коммуникационные медиатехнологии продолжают появляться и уже не являются только средством развлечения, а выступают также платформами для обучения, совместного обучения, взаимодействия с экспертами, тьюторами, другими пользователями и т.п.

Исследования выявили, что ресурсы социальных медиа, в частности, сервисы и технологии открытых образовательных платформ, вносят значительный вклад в удовлетворенность обучаемых, подписчиков соответствующих каналов. Использование социальных медиа приводит к созданию среды для совместного обучения, позволяя учащимся взаимодействовать друг с другом, делиться содержимым контента, обмениваться информацией [4].

В контексте развития образовательного потенциала возможности ресурсов социальных медиа достаточно разнообразны, и аудитория этих ресурсов шире, чем специализированных образовательных площадок, требующих регистрации. Сервисы социальных медиа обладают более динамичным потенциалом совершенствования своего функционала, и одной из доминирующих тенденций является трансформация образовательного стиля

Социальные медиа в информационно-коммуникационном пространстве выступают инструментом взаимосвязи и коммуникации между людьми, способствующие активизации профессионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aichner, T.* Measuring the Degree of Corporate Social Media Use [Electronic resource] / T. Aichner, F. Jacob // International Journal of Market Research. – 2015. – № 57 (2). – Mode of access: https://www.research-gate.net/publication/283073224_Measuring_the_Degree_of_Corporate_Social_Media_Use. – Date of access: 16.02.2022.
2. *Русак, А. Н.* Корпоративный микроблогинг в системе управления внутрифирменной коммуникацией / А.Н. Русак // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 330–334.
3. *Öberg, C.* The role of business networks for innovation [Electronic resource] / C. Öberg // Journal of Innovation and Knowledge. – 2019. – № 4 (2019). – Mode of access: <https://www.elsevier.es/en-revista-journal-innovation-knowledge-376-articulo-the-role-business-networks-for-S2444569X18300076>. – Date of access: 09.03.2022.
4. *Ansari, J. A. N.* Exploring the role of social media in collaborative learning the new domain of learning [Electronic resource] / J. A. N. Ansari, N. A. Khan // Smart Learning Environments. – 2020. – № 9. – Mode of access: <https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-020-00118-7>. – Date of access: 12.03.2022.
5. Most popular social networks worldwide as of January 2022, ranked by number of monthly active users [Electronic resource] / Statista Research Department. – Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/>. – Date of access: 01.03.2022.

6. Global social media stats [Electronic resource] / DataReportal, Global Digital Insights. – Mode of access: <https://datareportal.com/social-media-users>. – Date of access: 05.03.2022.

7. Can Teachers Have YouTube Channels? [Electronic resource] / EducationCorner. – Mode of access: <https://www.educationcorner.com/can-teachers-have-youtube-channels/>. – Date of access: 11.03.2022.

Поступила в редакцию 17.03.2022

В. Н. Усский

ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА ДИНАМИЧЕСКОЙ НЕРАВНОВЕСНОЙ МОДЕЛИ РЫНКА VERSUS ЗАКРЫТОЙ СИСТЕМЫ СТАТИЧНОЙ РАВНОВЕСНОЙ МОДЕЛИ РЫНКА

В статье представлен сравнительный анализ двух теорий антиподов. Экономическая теория, рассматривающая экономику, через призму *сложной природы человека* противостоит теории «чистой экономики» сциентизма, в которой центральной категорией является «экономический человек». Последний напоминает машинообразного робота, который совершая экономические операции, автоматически с силой без отбойного калькулятора быстро и четко просчитывает издержки и выгоды своих действий в экономике. Доказано, что методология сциентизма, неадекватно представляя сложную природу человека, сводит ее к упрощенной статичной конструкции. Это ведет к неверной интерпретации сущности капиталистической рыночной экономики и непониманию причинно-следственных порядков, связывающих субъектов общества.

Методология гуманитарного знания, с помощью которой общественные науки исследуют социально-экономическую систему общества, антиподальна механистической методологии сциентизма (от англ. *science* ‘наука’). Сциентизм – это философская традиция, отвергающая природу и специфику гуманитарного знания, и считающая, что гуманитарное знание должно строиться по канонам естественных и точных наук. Эта концепция утверждает, что образцом ясности и точности для гуманитарных исследований должны стать естественные (физика) и точные (математика) науки. Общество рассматривается сциентизмом по аналогии с физическими объектами, которые представляют собой *механические системы периодического действия*, не зависящие от изменений во времени. Многие проблемы экономической науки обусловлены неадекватной методологией сциентистского способа мышления, неверно отражающей закономерности развития рыночной экономики.

Гуманитарный и механистический подходы совершенно по-разному представляют себе проблему воздействия цифровой революции на тенденции функционирования товарно-денежных отношений в рыночной экономике. Эти два принципиально разных методологических подхода дают две раз-

личные оценки целевой направленности тенденций технологических изменений в обществе, из которых формируются два диаметрально противоположных результата развития социума. Вследствие различия в методологии фиксируются два не сводимых к единому знаменателю сценария движения рынка по направлению к двум противоположным перспективам будущего состояния общества. С одной стороны, исследуется спонтанно функционирующая рыночная экономика, в которой субъекты порождают поток непредсказуемых инноваций. С другой стороны, изучается футуристическая концепция механистического материализма, абстрактные построения которого представляют экономику в качестве некой тотально рационализированной структуры, пронизанной математическими алгоритмами, где действуют машинообразные роботы.

Проведем сравнительный анализ гуманитарной методологии открытой социально-экономической системы общества и механико-математической методологии замкнутой системы «чистой экономики» сциентизма. Гуманитарный подход построен на прагматичном представлении о состоянии и динамике развития общества, которое представляет собой *открытую систему*, где высока теснота связей между взаимодействующими внутренними (эндогенными) и внешними (экзогенными) факторами развития социума. Термин *открытая система* означает, что формирование тенденций развития общества (экономики) осуществляется под воздействием «созвездия» множества факторов, выстроенных в систему непредсказуемого спонтанного порядка. Данный тип порядка представляет собой сложное взаимодействие внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов развития, что позволяет интерпретировать экономику (общество) как сложноорганизованную систему динамично изменяющихся элементов, взаимосвязанных между собой посредством гибких самонастраивающихся структур. Динамическое функционирование структуры экономики (общества) описывается с помощью категорий органического социально-экономического порядка взаимодействующих элементов открытой системы, которые находятся в гибкой и самонастраивающейся взаимосвязи между собой.

Методология динамического подхода строится на интуиции спонтанного возникновения непредсказуемо появляющихся неравновесных состояний рыночной экономики. Состояние открытой системы предполагает *действие спонтанно возникающего случая*, способного оказать сильное воздействие на корректировку динамики рыночных изменений. При определенных условиях в открытой системе возникает возможность разворота тренда экономической динамики в диаметрально противоположную сторону. Тем самым предполагается то, что «созвездие» множества факторов открытой системы может вносить значительное возмущение в динамическую среду социально-экономических отношений. Существует возможность того, что *его величество случай* может даже привести к радикальному изменению содержания деятельности субъектов, входящих в *открытую систему*, их функций в системе и соответственно структуры взаимосвязей между ними.

Примером может служить Великая депрессия (1929–1939), которая была следствием накопления системы противоречий, приведших к диспропорциям в развитии национальных экономик, что привело к катастрофе в мировой экономике. Глобальный кризис национальных и мирохозяйственных связей возник и разворачивался с различной степенью интенсивности во всех без исключения странах мира. «Ядро» развитых стран мира (Великобритания, США, Франция, Германия) стало центром, неустанно генерирующим волны деструктивных тенденций, которые активно воздействовали на периферию мирового хозяйства. Значимые потери понесли слабо развитые страны Европы, Латинской Америки, Азии и Африки. Системное углубление мирового кризиса имело необратимые последствия для всего мира. Это привело к системному взрыву национальных экономик, что проявилось в их длительной стагнации, дефляции, массовом банкротстве фирм и банков, долгосрочной устойчивой застойной безработице, которую рынок не смог «рассосать». Произошел системный коллапс национальных банковских систем.

Стремясь защитить национального производителя, правительства всех стран мира прибегли к тотальному введению государственной политики протекционизма, что привело к краху системы мировой торговли и переходу к бартерным отношениям на мировом рынке. В качестве естественной реакции государств последовала ликвидация системы золотого стандарта во всех странах мира, конфискационное изъятие золота у граждан и юридических лиц в странах, которые считались цитаделью свободного предпринимательства. Правительства всех без исключения стран мира перешли к «закручиванию» административных гаек по всем направлениям социально-экономического развития национальных экономик. Великая депрессия привела к созданию военно-административных экономик в капиталистических странах. В 30-е годы в СССР происходил «великий перелом», выразившийся в сплошной коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны, активно готовившейся к военному противостоянию с Западом.

Методология гуманитарных исследований, с помощью которой исследуется экономика (общество) как *открытая система социально-экономических отношений* по своему фундаментальному содержанию диаметрально противоположна механико-математической методологии сциентизма, которая сконструировала статичную модель «чистой экономики». В искусственную модель сциентизма заложено ошибочное предположение о том, что исследование социума (общества) необходимо осуществлять с помощью методологии естественных (физика) и точных (математика) наук. Применение механико-математической методологии, построенной на отвлеченной абстракции, привело к выделению из общества так называемой чистой экономики. Эта модель жестко отсечена и противопоставлена действительности общественных отношений, которые созданы людьми и функционируют как живой феномен человеческой жизни. Методология механицизма отрицает бытие *сложноорганизованной системы социально-экономических отношений*.

Построение основ экономических знаний Нового времени происходило в рамках западноевропейской традиции меркантилизма. На формирование основ современной политической экономии, пронизанной мифологией техногенного Прогресса, значимое влияние оказала философия Просвещения (XVII–XVIII вв), которая сформировала механико-математическую методологию исследований. Она оказалась глубоко укоренена в мышление утилитарного человека Нового времени, заложив альтернативу гуманитарному подходу в оценке реальной действительности сложно организованной социально-экономической системы.

В XIX–XXI вв. сциентизм отвердел в абсолютной догме. Отлившись в бронзовую статую, философия позитивизма стала господствовать над умами ученых, навязывая доминирование механико-математических аналогий в научных исследованиях. На их основании были сформированы методы анализа рыночной экономики, которые были редуцированы к системе аналогий работы механических часов, которые нуждаются в правильном заводе для выдачи показаний точного времени. Отсюда возникла идея о так называемой идеальной модели чистой экономики. Вот такую «чистую теорию» придумали сциентисты для «чистой экономики», которая жила самодостаточной жизнью, тотально игнорируя экономическую действительность буйного и непредсказуемого рынка. Тогда и была сформирована сциентистская трактовка «экономики как таковой», придумана некая *чистая экономическая наука* (*pure economics*), не замутненная множеством разнообразных неэкономических элементов, которые мешали «идеальному» функционированию ее равновесной статичной модели. Однако рынку имманентна фундаментальная неопределенность, которую инициирует деятельная непредсказуемая природа человека. Человек – это творец, что вытекает из субъект-объектного отношения новоевропейской философии.

Сциентизм отрицает глубокую укорененность в экономике (как части общества) неэкономических факторов, которые нанизаны на стержень духовных ценностей человека. Сциентизм как направление в общественном знании отвергает природу и специфику гуманитарного знания и предполагает, что гуманитарное знание должно строиться по канонам естественных и точных наук. Образцом ясности и точности для сциентизма в гуманитарной сфере стали математика и механика. Общество рассматривается сциентизмом по аналогии с механическими системами, которые не обладают историческими, генетическими и динамическими характеристиками живого организма. В действительности же последние внутренне присущи обществу как живому развивающемуся организму, а не примитивному математизированному часовому механизму. Сциентизм изводит из природы человека его единые составные органические части животворящей целостности – дух, волю, интеллект, превращая человека в некую механическую куклу, которую извне заводит некая сила (Бог деизма или материя атеистических натуралистов). Сложная природа человека, представляющая собой совокупность разнообразных страстей, особенно в условиях кризиса генерирует

непредсказуемость его поведения. Человек как живое органическое существо, тотально редуцируется к механическому неживому роботу, лишенному духа, воли и интеллекта. Сциентизм искусственно сводит человека к механическому комплексу программно-математических алгоритмов. Применение сциентизмом статического подхода к анализу динамических общественных процессов при рыночном взаимодействии субъектов затрудняет их адекватное понимание.

Точно выразил последствия господства теории «чистой» экономики в экономической науке С. Попов: «Экономисты (в силу предметного устройства науки) ничего не знают ни о природе государства и власти, ни о социальных процессах и институтах, ни о культуре и ее роли в обществе, ни о технологическом развитии, ни об истории, ни о чем другом – они до сих пор думают, что все это появляется само, как только экономика “правильно” устроится... При этом даже в голову не приходит, что само существование экономических отношений есть вторичный эффект определенной структуры общества с определенной культурой» [1, с. 13–14]. Лучше не скажешь о методологии сциентизма и так называемой чистой экономике.

В качестве альтернативы гуманитарной предметности экономики сциентизм придумал какую-то «чистую экономику», которую легко «загнать» в механико-математическую модель и просчитать. Механицисты, используя способ методологической редукции, свели экономику к машинному взаимодействию людей не подобных на себя, а представленных некими роботами. Поэтому их экономика мгновенно стала «чистой», т.е. не замутненной иррациональными явлениями, к которым они относят все то, что отличает природу человека от животного и робота – креативное сознание и свобода воли. Вместо людей, наделенных креативным сознанием и свободой воли, в предмет экономических исследований, были введены машинообразные роботы. Природа же человека была редуцирована к механико-математическому алгоритму цифровых энтузиастов. Основу редукционистской методологии закладывал в XVII веке Декарт, а его последователь Ламетри ввел понятие «человек-машина». Хорошей иллюстрацией является высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике Роберта Лукаса: «Я предпочитаю использовать термин “теория” в очень узком смысле, ссылаясь на четко формулируемую динамическую систему, нечто такое, что можно загрузить в компьютер и запустить. Это то, что я подразумеваю под “механизмом” экономического развития – построение механического, искусственного мира, населенного роботами, которую обычно и изучает экономическая наука» [2]. Роберт Солоу мягко, но ясно оспорил тезис о роботе-субъекте, который действует в экономике и соответствующей «чистой теории», утратившей эмпирическую основу и здравый смысл: «Возможно, глубоко в человеческой природе заложено скрытое извращенное наслаждение от принятия и отстаивания доктрин, совершенно противоречащих здравому смыслу, оставляющих неискушенного обывателя в недоумении, в каком же мире он или она живет» [3].

Тезис Роберта Лукаса отрицает действительность сложноорганизованной системы социально-экономических отношений, созданных людьми. Он пытается обосновать научность динамических стохастических моделей общего равновесия (DSGE-модели). Его математическая модель представляется в качестве базового инструментария для исследования и регулирования современной рыночной экономики. На базе DSGE-модели правительству предлагается формировать практические рекомендации для ведения макроэкономической политики.

Теория равновесных состояний рыночной экономики представляет собой систему элементов статично «зависших» в «равновесной невесомости». Статичная система элементов экономики (общества) построена на искусственной механической структуре взаимосвязей, которая по своей природе является однозначно определенной по причине своей механической жесткости. Статичная модель общего равновесия была разработана в XVII–XVIII веках для экономики (общества) и строилась на модельной аналогии механических часов и механического маятника. Утверждалось абсурдное подобие механико-математической модели гуманитарной предметности социума. Доказывается, что закрытая система механических элементов способна к самодостаточному саморегулированию. Однако такой подход исключает функционирование открытой системы экономики (общества), в основании которой находится человек, обладающий свободной волей и творческим разумом.

В XVII–XVIII веках западноевропейская философско-экономическая традиция родила сциентизм, который целенаправленно создавал миф (квазирелигию) техногенного Прогресса. Сциентизм базируется на интуиции об отождествлении технических моделей механических часов и механического маятника со сложноорганизованной системой отношений между людьми, которые обладают свободной волей и креативным мышлением. Разделяя антихристианскую точку зрения, сциентисты создали квазирелигию техногенного Прогресса, для которой ими были придуманы четыре новых Абсолюта: Техника, Механико-математические Науки, Демократия и Человек как Абсолют. Горький вывел формулу: «Человек звучит гордо». Человек – это существо подобное Богу, не совсем Бог, но определенно – это боженок. Механистическая сумма множества таких божков превращаются в Народ-Абсолют.

Карл Маркс, будучи активным атеистом богоборцем, считал, что наука позволяет рационализировать производственные отношения до такой степени прозрачности, что производственные отношения в будущем коммунистическом обществе исчезнут. Воплощением идеологии техногенного прогресса в экономике исторически определенного общества стало применение к нему методологии, которая позволяет редуцировать (сводить) сложноорганизованную систему экономики (общества) к искусственно созданной в сознании сциентиста системе часового механизма. При этом сциентизм утверждает, что данная закрытая механическая система является

автоматически саморегулируемой в той степени, в какой могут саморегулироваться механические часы и механический маятник, которые не функционируют без заведения извне Богом-Механиком деизма. По этой причине классические представления о рынке были выдвинуты в рамках концепции деизма, которая утверждала, что Бог-Механик заводит ключом мир, который далее функционирует на естественных законах природы. Механические модели материализма описываются с помощью математических представлений об элементах и функциях статичной системы (общества, рыночной экономики) и структурных взаимосвязей между ними.

Причиной формирования статичной системы представлений является механическое рассечение внутренних (эндогенных) факторов от внешних (экзогенных) факторов развития социума. В обществе (экономике) выделяются внутренние (эндогенные) факторы, которым механистический материализм приписывает фундаментальное и определяющее значение. Это материальные факторы или «материальный базис» (К. Маркс). Сциентизм вводит схожие термины: «чисто экономические» факторы, «экономика как таковая» или «собственно экономика». Марксизм и сциентизм – это «близнецы братья». Они приписывают материи статус основополагающего (доминирующего) ядра социума. Материальным факторам по К. Марксу «подчиняются» нематериальные факторы («надстройка»), а в трактовке сциентизма «неэкономические» факторы, которые носят производный и не самостоятельный характер. Самостоятельное бытие принадлежит лишь «материальному базису», «чисто экономическим» факторам, «экономике как таковой» или «собственно экономике». В этих тезисах сконцентрирована сущность мировоззрения материализма и атеизма, которые принижают или сводят нематериальные и неэкономические факторы к какому-то иллюзорному существованию. Апофеозом бессмысленности является разграничение отраслей экономики на так называемый реальный сектор экономики и финансовый сектор. Понятие «реальное» было введено в XVII веке физикалистской традицией мышления и отождествлялось с материальной субстанцией.

Материалистический атеизм неадекватно приписывает субъективистское представление всем иным нематериальным факторам. Истинное бытие – это исключительно материальные («чисто экономические») факторы, а все остальные факторы отправляются в «неэкономическое гетто», т.е. некое неистинное бытие. Истинным же бытием, по мнению материалистического атеизма, обладают исключительно материальные факторы или «материальный базис» (К. Маркс).

Важным пунктом нашего анализа является анализ природы рынка. Выделим два типа антиподальных рыночных структур: равновесная статичная и неравновесная динамичная модели рыночной экономики. В статично равновесной системе рынка товаров и денег происходят постоянные ценовые колебания вокруг точки равновесия (англ. *Equilibrium* ‘равновесие’ от лат. *aequus* ‘равный’ и *libra* ‘весы’) в очень узком диапазоне

отклонений. Эти «тестирующие» минимальные колебательные отклонения ведут к быстрому возврату статично равновесной системы рынков товаров и денег к точке равновесия. На данных механико-математических интуициях, пришедших из классической механики XVII–XVIII веков в политическую экономию, строилась классическая и неоклассическая традиция экономической науки. Очевидна ограниченность подобных взглядов на общество (экономiku), где действует человек, обладающий свободой воли и правом выбора на рынке. В течение многих веков гуманитарная традиция в экономической науке подробно и обстоятельно критиковала упрощенность механико-математических методологических подходов к анализу общества (экономики). Глубокий кризис сциентизма ярко продемонстрировала социально-экономическая катастрофа Великой депрессии (1929–1939) в мировой экономике, по поводу которой Дж. М. Кейнс (1883–1946) написал книгу «Общая теория занятости, процента и денег».

Представление сциентизма о механистическом равновесии товарных и денежных рынков означает постоянное и устойчивое их состояние, исключаящее возможность долгосрочного отклонения от статичного состояния равновесия. Это закреплено в объективистской трактовке «железных законов функционирования статично равновесных систем». В этом выражается основная проблема неадекватного представления о механико-математической природе рынка, на чем строится классическая и неоклассическая традиция экономической науки. При таких условиях логика математической механики задает способ решения экономических задач на оптимальность. Механистически формулируемая целевая направленность рынка, который статично «зависает» на достижении точно поставленной рациональной цели и выводит требования минимальной границы отклонений цен от состояния статического равновесия. Эта мировоззренческая формула является способом реализации установки на изначальную заданность телеологии механицизма. Механистический порядок причинно-следственных связей между субъектами рынка построен на модельной аналогии работы механических часов, элементы которых четко пригнаны друг к другу и не обладают свободой воли. У них нет «окна возможностей».

Неоклассическая теория, по мнению Р. Коуза (1910–2013), является образцовой «теорией школьной доски», так как из-за нереалистичности исходных интуиций прагматическое значение неоклассики ограничено. Ее исходные посылки, используемые для анализа развитой рыночной экономики, рассматриваются гуманитарной методологией как абстракция от эмпирических фактов бытия. В. А. Вейскопф отмечал: «Ньютонианская парадигма, лежащая в основе классической и неоклассической экономики, интерпретировала экономiku в соответствии с образцами, разработанными в классической физике и механике, т.е. по аналогии с планетарной системой, машиной или часовым механизмом, другими словами, экономика рассматривалась как закрытая автономная система, управляемая эндогенными факторами, саморегулирующаяся и движущаяся к определенному, точно

предсказуемому равновесию» (цит. по [4, с. 8]). Представление об экономике как о внутренне замкнутой на себя (самодостаточной) системе, оторванной от взаимодействия с разнообразными факторами (природная среда, политика, культура, религия и т.д.), предельно упрощает предмет экономической науки. Методологическая редукция ведет к формализации экономических отношений и выхолащиванию их содержания.

Самое страшное последствие применения механико-математической модели для анализа рыночной экономики состоит в том, что в нее не вписываются инновации, создаваемые человеком-творцом. В отличие от неоклассического сциентизма рынок Фридрих фон Хайек (1899–1992) определил, что рынок является «процедурой открытия» новых товаров, услуг, факторов производства, организационно-управленческих инноваций. Ф. Хайек и М. Полани (1891–1976) заложили традицию изучения неявного личностного знания, которое поставило под сомнение концепцию рационального «экономического» человека и методологию «совершенного знания» [5, с. 6–10]. Концепция неявного личностного знания позволяет посредством более глубокого понимания природы человека дать реалистическую трактовку рациональности с позиции гуманитарного знания. Это дало возможность приступить к анализу динамических процессов в экономике, где целеполагание людей строится в рамках *протекания уникального необратимого времени*. Возникает традиция трактовки экономических отношений, когда они перестают сводиться исключительно к рационалистически формализованным причинно-следственным связям, построенным на концепции гегелевского панлогизма («все есть логика»).

Новаторские идеи М. Полани и Ф. Хайека позволили приступить к более реалистичному анализу рыночных механизмов, углубить представления о процессе принятия решений рыночными субъектами в условиях неопределенности и рисков. Субъекты экономики обладают неполной информацией о рынке, на них воздействуют условия и ограничения социально-экономической среды, в которой они функционируют, поэтому они естественно допускают ошибки. Принимая производственные и потребительские решения, субъекты могут неадекватно оценить риски и понести потери ввиду своего *неведения*, связанного с неполнотой и несовершенством информации. Рынок имеет высокую степень неопределенности, рождая феномен информационной асимметрии, что объективно ставит рыночного субъекта перед *проблемой неблагоприятного выбора* (*adverse selection*). Лауреат Нобелевский премии по экономике 2002 года. Д. Канеман (р. 1934) доказал, что люди не могут провести адекватный анализ в сложных ситуациях, когда текущие условия принятия решений и будущие последствия от них обладают высокой степенью неопределенности. В этих условиях люди полагаются скорее на *эвристические (творческие и неформализованные) методы*, а также на *случайный выбор*. Объективно в этих условиях государство вынуждено брать на себя исполнение регулятивных функций по формированию более *транспарентного (прозрачного) рынка*, что снижает степень неопределенности и помогает субъектам принимать взвешенные решения.

Гуманитарная традиция экономической науки утверждает, что спонтанно действующие рыночные механизмы способствуют использованию каждым субъектом на рынке своих уникальных знаний. Рынок – это открытая система, которая определяется спонтанным действием «созвездия» разнообразных факторов, что отрицает подобие рынка механических часам или маятнику, на чем базируется сциентистская теория классиков и неоклассиков. Представитель немецкой исторической школы в политэкономии Фридрих Лист (1789–1846) писал: «Способность производить богатство куда важнее самого богатства». (цит. по [6, с. 233]).

Человек исторически определенного общества живет в рамках имманентного людям данной эпохи мировоззренческого контекста пространства и времени, которое определено самоочевидными интуициями о мире. Любой исследователь неизбежно несет печать своей исторической эпохи. Неоклассики сформировали свое видение общества под определяющим воздействием ньютоновской картины мироздания. Олвин Тоффлер писал: «В модели мира, построенной Ньютоном и его последователями, время выступало как своего рода придаток. Для создателей ньютоновской картины мира любой момент времени в настоящем, прошлом и будущем был не отличим от любого другого момента времени. Планеты могли обращаться вокруг Солнца (часы или какой-нибудь другой простой механизм – идти) как вперед, так и назад по времени, ничего не изменяя в самих основах ньютоновской системы. Именно поэтому в научных кругах за временем в ньютоновской системе закрепилось название *обратимого времени*» (цит. по [7, с. 23]).

Следствием реализации этих мировоззренческих предпосылок мышления стала специфическая методология, в рамках которой интерпретация экономики как неравновесного, динамичного и целостного организма, в основе которого лежит целеполагание субъектов и их коммуникативное взаимодействие с контрагентами, стала невозможной. Ньютоновское понимание времени означало функционирование равновесной стационарной модели экономики в долгосрочном периоде, где все отклонения от равновесия были элиминированы. Однородность и неразличимость промежутков времени позволяли неоклассику транслировать в будущее или обращать в прошлое свои механистические детерминации. Концепция времени Ньютона обусловила произвольность механистического способа конструирования классиками рационалистической модели экономики.

Неоклассическая теория исходит из того, что скорость распространения информации в абстрактной (вневременной) рыночной модели экономики высока. Столь же быстры в ней взаимодействия и реакции агентов рынка на ценовые сигналы. В равновесной системе проблемы «несовершенства рынков» не возникает, а если она появляется, то это происходит случайно (отклонения от правила), по причинам, не вытекающим из *внутренней природы симметричного рынка*. Неоклассики исходят из нереалистического допущения, что природа контракта между агентами рынка определяется

жесткой детерминацией равновесного рынка. Симметрия между рыночным спросом и предложением выбраковывает такое количество контрактов, которое не влечет деструктивных последствий для общего равновесия рынка. Массовой безработицы и банкротств фирм не может возникнуть исходя из упрощенной трактовки сущности рыночных контрактов и характера взаимодействия между субъектами, которые быстро адаптируются к изменениям. Подавляющее число контрактов «закрывается», не нанося ущерба общему равновесию, поэтому они не ведут к кризисам перепроизводства. Правовая инфраструктура рынка способствует закрытию контрактов на основе норм закона.

Неоклассическая теория базируется на методологии «совершенного знания» экономического человека, что означает совершенную прозрачность для его сознания всей доступной информации, которую он без труда обрабатывает для принятия рациональных решений. Экономический человек обладает совершенным знанием о механизмах функционирования рынка. Это означает, что спонтанные неформализованные институты общества (правила, обычаи, традиции), снимающие противоречия между людьми вне правовой системы, не идентифицируются концепцией «совершенного знания». Неформализованные институты позволяют спонтанно упорядочивать отношения между субъектами по незакрытым контрактам. Механистическое представление о том, что «экономический» человек якобы обладает «совершенным знанием», исключает неявное личностное знание людей, которое чаще всего невозможно транслировать посредством рациональных процедур. Концепция неявного личностного знания М. Полани позволила углубить понимание сущности человека как субъекта экономики, сделав его более реалистичным [8, с. 103–251].

Неадекватная трактовка инноваций цифровыми энтузиастами обусловлено тем, что они являются прямыми наследниками механистической традиции классиков и неоклассиков. Их модели рынка построены на законе Сэя, который игнорирует асимметричную природу рынка и сложную структуру предложения и спроса. Цифровые энтузиасты, вслед за классиками и неоклассиками, не понимают, что глубинный и сокровенный смысл спонтанной природы рынка заключается в системе свободной координации поведения рыночных субъектов, обладающих свободой воли и правом выбора. Природа человека некритически сводится к представлению о человеке, не обладающем свободой воли, как будто он машина или механический робот.

Механизмы действия рыночной экономики определяются спонтанностью свободной координации рыночных субъектов, влияя на непредсказуемые результаты хозяйственной деятельности фирм. Намерения людей, вступающих в отношения со своими контрагентами и те результаты, которые они в итоге взаимодействия с ними получают (прибыль, доходы), не совпадают в большинстве случаев в рыночной экономике. Это самоочевидно для всех бизнесменов, но непонятно тем, кто исповедует применение «точных

методов в экономике». Поэтому ожидания людей для классиков и неоклассиков, видящих в рынке статичную равновесную модель, им методологически просто не по зубам. Их методология – это не более, чем мутные линзы в очках, которые они нацепили себе на нос и с успехом носят уже триста лет.

Йозеф Шумпетер одним из первых трезвомыслящих экономистов исследовал важность инноваций в рыночной экономике, называя их «созидательным (творческим) разрушением» устаревающих рыночных условий деятельности фирм. Рынок и научно-технический прогресс (НТП) нерасторжимы, так как в их основе лежат *инновации, носящие спонтанный характер*. Результаты действия рынка и НТП не предсказуемы. Как правило, они не соответствуют первоначальным ожиданиям многих субъектов, которые, соединяя факторы производства, задумывали получение желаемого результата при планировании производственной программы фирмы. М. Портер писал: «Инновация – это неестественный акт для фирм, и результаты он дает лишь под давлением необычных мотиваций» [9, с. 857]. Эти интуиции мышления не понятны механицистам.

Сциентизм в экономической науке создал предельно бессмысленный и замкнутый на самого себя «цикл бега белки в колесе». Вопрос: «Куда бежит белка, постоянно крутя колесо?» Ответ: «В никуда». В древнегреческой философской традиции это явление получило ясное определение, что взято современной методологией мышления как величайшее достижение мысли. Этот феномен называется «дурной бесконечностью». Называется это также «потенциальной бесконечностью», которая в принципе не в состоянии стать «актуальной бесконечностью». Иными словами потенциал сциентизма бесплоден, он на фундаментальном методологическом, теоретическом и мировоззренческом уровне проповедует деятельность человека-робота. Почти как по В. Пелевину («Чапаев и Пустота»).

Потенциально возможное статичное равновесие, колеблющееся вокруг определенной цены – это случайное состояние рынка. Сциентисты, используя свою механико-математическую методологию, возвели частный случай, редко встречающийся на рынке, в постоянно действующий закон. Данная ошибка, которая создала химерическое представление о рыночной действительности, существующая вне зависимости от субъективных представлений сциентистов о сущности рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов С. Идут по России реформы (анализ невольного участника) / С. Попов. – М. : Красногор. межрайон. тип., 1992. – 62 с.
2. Lucas, Jr. R. E. On the mechanics of economic development / Jr. R. E. Lucas // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, № 1. – P. 3–42.
3. Solow, R. M. Reflections on the survey / R. M. Solow, D. Colander (ed.) // The making of an economist, redux. – Princeton University Press, 2007. – P. 234–238.

4. *Пригожин, И.* Наука, цивилизация и демократия / И. Пригожин. – Философия и социология науки и техники: ежегодник 1988–1989. – М., 1989. – С. 7–18,
5. *Хайек, Ф.* Конкуренция как процедура открытия / Ф. Хайек // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12. – С. 6–14.
6. *Бьюкенен, П. Дж.* «Правые и неправые» / П. Дж. Бьюкенен. – М. : АСТ ; Транзиткнига, 2006. – 348 [4] с.
7. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
8. *Полани, М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
9. *Портер, М.* Международная конкуренция / М. Портер. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 896 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XX МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
“БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ” У МДЛУ

2 красавіка 2021 г. у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце кафедрай гісторыі, сусветнай культуры і турызму і цэнтрам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі праведзена XX міжнародная навуковая канферэнцыя “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, прысвечаная 20-годдзю Цэнтра беларускай мовы і культуры. У канферэнцыі прынялі ўдзел 45 даследчыкаў, у тым ліку прадстаўнікі розных навуковых, вучэбных, архіўных і музейных устаноў Беларусі (Брэст, Гомель, Мінск, Магілёў, Полацк), а таксама навукоўцы з Германіі (Берлін, Дрэздэн, Ляйпцыг) і Расіі (Архангельск, Арэнбург, Санкт-Пецярбург).

3 прывітальнымі словамі да ўдзельнікаў канферэнцыі ў сувязі з яе юбілейнай датай звярнуліся: сустаршыня аргкамітэта канферэнцыі, прарэктар па навуковай рабоце доктар філалагічных навук Л. А. Тарасевіч, прафесар кафедры педагогікі МДЛУ кандыдат філалагічных навук Н. П. Баранав, акадэмік-сакратар аддзялення гуманітарных навук, член-карэспандэнт НАН Беларусі доктар гістарычных навук прафесар А. А. Каваленя, дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі кандыдат гістарычных навук В. Л. Лакіза, намеснік дырэктара па знешніх і грамадскіх сувязях Санкт-Пецярбургскага Інстытута гісторыі РАН, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі доктар гістарычных навук прафесар Ю. З. Кантар, навуковы дырэктар ваенна-гістарычнага музея Бундэсвера ў Дрэздэне доктар гісторыі К. Янеке, галоўны навуковы спецыяліст Музея Другой сусветнай вайны ў Гданьску доктар гісторыі Д. Панцё, дырэктар Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь А. К. Дземянюк.

Праца канферэнцыі ладзілася ў фармаце трох пленарных пасяджэнняў: 1. 80-годдзе пачатку Вялікай Айчыннай вайны: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы (вядучыя У. К. Коршук, А. М. Літвін). 2. Вялікая Айчынная вайна: падзеі – факты – людзі (вядучыя У. В. Здановіч, Я. А. Грэбень). 3. Беларусь і Германія: які гісторыі і дзесяцігоддзе супрацоўніцтва (вядучыя А. М. Кушнярэвіч, П. А. Канцавы). Апроч таго, была зладжана прэзентацыя двух новых выданняў і праведзена ўшанаванне памяці пра С. П. Кубеку.

У ходзе першага пасяджэння “80-годдзе пачатку Вялікай Айчыннай вайны: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы” былі заслуханы навуковыя даклады даследчыкаў, у тым ліку: Т. С. Сюзюмавай (МДЛУ), С. Я. Новікава (МДЛУ), У. К. Коршука (Мінск), К. Ганцара (Ляйпцыг), Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург), А. М. Літвіна (Мінск).

Вядучы бібліятэкар бібліятэкі МДЛУ Т. С. Сюзюмава распавяла з нагоды 20-гадовага юбілею аб Цэнтры беларускай мовы і культуры, пазнаёміла з яго багатым каталогам, у тым ліку з рэдкімі замежнымі выданнямі, пакінутымі аўтарамі ў якасці дарункаў, а таксама вызначыла асноўныя

вехі станаўлення гэтай структурнай адзінкі бібліятэкі ўніверсітэта. Сустаршыня аргкамітэту загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму С. Я. Новікаў падзяліўся з удзельнікамі чарговай сустрэчы вынікамі 20-гадовай працы беларускіх, нямецкіх, латышскіх, літоўскіх, расійскіх, польскіх даследчыкаў на ніве ваеннага беларусазнаўства, паказаў важнасць захавання навуковай пляцоўкі для правядзення новых сустрэч па ваеннай тэматыцы. Заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь доктар гістарычных навук прафесар У. К. Коршук падзяліўся з удзельнікамі канферэнцыі сваімі дзіцячымі ўспамінамі, якія трывала захоўвае памяць аб першых днях вайны ў сям’і Коршукаў. Нямецкі гісторык К. Гарцар прадставіў на канферэнцыі сваю новую манаграфію, якая выйшла на нямецкай мове ў Германіі і прысвечана 80-годдзю гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 года. Ю. З. Кантар нагадала ўдзельнікам канферэнцыі аб галоўных тэзісах, якія ўтрымлівае “Блакадная кніга” А. Адамовіча і Д. Гранаіна, і пра якія неабходна абавязкова памятаць у пачатку XXI стагоддзя. А. М. Літвін прадставіў пантэон памяці беларусаў, якія былі ўдзельнікамі савецка-фінляндскай вайны 1940 годзе.

З кароткімі паведамленнямі выступілі: магістр гуманітарных навук Патсдамскага ўніверсітэта Г. Поль “Малы Трасцянец у вымярэнні навуковага аналізу”, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна “Абарончыя баі Чырвонай арміі ў Беларусі летам 1941 года ў энцыклапедычных выданнях”, прафесар кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генштаба Узброеных Сіл УА “Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь” “Скажэнне прычын пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў працах фальсіфікатараў гісторыі”, старшы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі ІГ НАН Беларусі Д. Г. Кіенка “Разведзводкі і спецпаведамленні Заходняй асобай ваеннай акругі напярэдадні вайны (студзень–чэрвень 1941 г.)”, загадчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта А. І. Корсак “Месцы масавага знішчэння насельніцтва на Віцебшчыне (1941–1944): да гісторыі пытання”, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму С. Р. Лютко “Супрацьпаветраная абарона Мінска ў чэрвені 1941 года”, загадчыцы лабараторыі гісторыка-грамадазнаўчай і сацыяльна-культурнай адукацыі НМУ “Нацыянальны інстытут адукацыі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь” А. М. Мох “Дзейнасць разведвальна-дыверсійнай спецгрупы «Стойкія» ў гады Вялікай Айчыннай вайны”, загадчык кафедры Арэнбургскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта Р. Р. Хісамутдзінава “Героі першых дзён”, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму А. Г. Цымбал “Калекцыя дакументаў генеральнай акругі «Беларусь» як крыніца па эканамічнай палітыцы акупацыйных улад (1941–1944)”.

На другім пленарным пасяджэнні прагучалі даклады В. Д. Селяменева (Мінск), С. В. Кулінка (Мінск), А. А. Крыварота. Вядучы супрацоўнік аддзела публікацый НА РБ В. Д. Селяменеў распавёў удзельнікам канферэнцыі аб падрыхтоўцы Нацыянальным архівам шматтомнага выдання з серыі

“Без срока давности” аб злачынствах нямецкіх акупантаў і іх памагатых над мірным насельніцтвам Беларусі; загадчык аддзела публікацый НА РБ С. В. Кулінок спыніўся на выніках даследавання аб агентурнай рабоце нямецкіх спецслужбаў у 1939–1945 гг.; вядучы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. А. Крыварот правеў параўнанне паміж даследаваннем беларускай партызанкі і польскім прасавецкім падполлем.

У паведамленнях, заслуханых на другім пленарным пасяджэнні, звярталася ўвага на новыя дакументальныя знаходкі, гістарыяграфічныя факты і даследчыцкія ацэнкі, ў тым ліку па асобных старонках гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны час. Так, прагучалі паведамленні па наступнай тэматыцы: “Дакументы германскіх акупацыйных улад як біяграфічныя крыніцы” (Т. М. Агеенка), “На старонках нямецкіх справаздач: баявыя дзеянні атрада 121-й стралковай дывізіі ў тыле групы армій «Цэнтр» (ліпень – жнівень 1941 г.)” (У. К. Вазнясенскі), “Імёны на абеліску: баявыя дзеянні 16-й гвардзейскай бамбардзіровачнай авіяцыйнай дывізіі дальняга дзеяння з аэрадрома «Пружаны»” (В. Ю. Неліхаў), “Лідскі раён ў гады Вялікай Айчыннай вайны” (Г. С. Хадасевіч), “Д. Ц. Язаў: штрыхі да партрэта вядомага савецкага военачальніка” (М. В. Стралец, С. А. Пцічкіна), “Беларусы ў гістарычна-палітычнай думцы С. Віславуха” (А. Г. Цымбал).

У ходзе трэцяга пленарнага пасяджэння былі заслуханы наступныя даклады. Прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму А. М. Кушнярэвіч выступіў з дакладам на тэму “Лютэранскія кірхі ў Беларусі”, дацэнт кафедры эканамічных навук МДЛУ І. С. Благуш прадставіла даклад “Інавацыйнае лідэрства індустрыяльнай эканомікі: «парадоксы» Германіі, выклікі для Беларусі”, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ І. А. Літвіноўскі і дацэнт кафедры гуманітарных навук БДУІР Ю. І. Літвіноўская пазнаёмілі з тэмай “Ля вытокаў савецка-германскага супрацоўніцтва”, загадчык кафедры педагогікі і псіхалогіі Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі П. А. Канцавы пазнаёміў з вынікамі даследавання тэмы “Рэпарацыйныя пастаўкі ў БССР буйной рагатай жывёлы з Германіі (1945–1947)”.

З паведамленнямі выступілі А. У. Кузняцова-Ціманава “Нямецкая мова як пропуск ў Афрыку: аб удзеле выпускнікоў МДПЗМ ў якасці ваенных перакладчыкаў у ваенных канфліктах (1950–1991)”; І. Д. Папоў “Канферэнцыі прам’ер-міністраў нямецкіх зямель як інстытут канстытуіравання заходняй Германіі (1946–1949)”; С. І. Бусько “Нямецкая мадэль гімнастыкі ў расійскай імперыі: ад прызнання да заняўвання”; М. М. Смальянінаў “Мінск і Мінская губерня у пачатковы перыяд Першай сусветнай вайны (ліпень 1914–кастрычнік 1915)”; В. В. Брыгадзіна “Жыццё і лёс адмірала А. У. Калчака: асноўныя напрамкі і вынікі даследавання”.

У рамках трэцяга пасяджэння адбылася прэзентацыя дзвюх новых кніг: 1) “Мінскі магістрат і гарадская рада ў дакументах 1919–1920 гадоў” (прэзентацыя праведзена намеснікам дырэктара па ідэалагічнай, выхаваўчай

рабоце і сацыяльных пытаннях Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь А. Г. Дашкевіч і вядучым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. А. Скеп'ян); 2) “Напярэдадні–2” (прэзентацыя прадстаўлена старшым навуковым супрацоўнікам цэнтра ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кіраўніком навукова-даследчай групы вайскавай гісторыі і археалогіі Беларусі Д. Г. Кіенка).

У заключэнні пленарнага пасяджэння была ўшанавана памяць пра Сяргея Паўлавіча Кубеку (28.09.1954–23.11.2020): IN MEMORY.

Арганізатары канферэнцыі прадэманстравалі ўдзельнікам канферэнцыі слайдавую прэзентацыю, прысвечаную памяці С. П. Кубекі – сябра аргкамітэта штогадовай міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, аўтара шматлікіх выступленняў і апублікаваных у выдадзеных зборніках матэрыялаў. Прагучалі выступленні беларускіх гісторыкаў, калег і паплечнікаў С. П. Кубекі – С. Я. Новікава, Я. А. Грэбеня, А. М. Захарава, У. В. Здановіча, А. П. Заяц, А. М. Кушнярэвіча, А. Г. Цымбала, якія падзяліліся ўспамінамі пра свайго калегу, нагадалі вехі яго навуковай біяграфіі, прывялі шматлікія прыклады незабыўных сяброўскіх стасункаў, у тым ліку з замежнымі даследчыкамі – Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург), К. Зеліс (Рыга), К. Ганцар (Ляйпцыг), Д. Панцё (Гданьск),

У заключэнні былі падведзены вынікі канферэнцыі, удзельнікі якой адзначылі, што міжнароднае навуковае супрацоўніцтва з’яўляецца адметнай прыкметай сустрэч у МДЛУ. Добрай традыцыяй стала таксама рэгулярнае выданне зборніка матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць».

Сяргей Новікаў,
сустаршыня аргкамітэта канферэнцыі
кандыдат гістарычных навук

Поступила в редакцию 24.03.2022

В. Н. Усоский

КЛИЕНТСКАЯ БАЗА ОНЛАЙН-БАНКОВ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

1 марта 2022 г. в Минске экономический факультет БГУ провел IV Международную конференцию «Тенденции экономического развития в XXI веке». Одной из актуальных тем, обсуждаемых на конференции, была проблема формирования и функционирования микроэкономики онлайн-банков, представляющих собой субъектов финансового посредничества рыночной экономике XXI века. Онлайн-банки отличаются от традиционных банков особенностями формирования организационно-управленческой структуры, предложением дистанционных финансовых услуг (финтех-продуктов), которые продаются цифровым клиентам. Это обстоятельство

оказывает влияние на создание принципиально новой категории клиентов, использующей продвинутое ИТ (ИКТ – информационно-коммуникационные технологии) в коммуникации с банками. Деятельность онлайн-банка, являющегося производителем финтех-продуктов, для дистанционных покупателей строится на смене поколений людей.

В 80-х гг. XX в., т.е. задолго до создания надежно функционирующей сети Интернет, которая стала применяться субъектами со второй половины 90-х гг. для повышения эффективности бизнеса, в развитых странах мира периодически возникают директ-банки – предтеча онлайн-банков. Они стали предвестниками новой эпохи, своеобразными *Once upon a time* технологической эпохи Интернета в системе финансового посредничества. В основе стратегии директ-банка лежала цель достижения прямой маркетинговой коммуникации персонально с каждым клиентом, что в его бизнес-модели стало ключевой инновацией, которая модифицировала сущность микроэкономики банка. *Директ-банк* – это финансовый посредник, который, используя инновационную технологию прямых продаж, создает принципиально новую клиентскую базу.

Одной из причин создания онлайн-банка было стремление «срезать» капитальные затраты, которые «падают» на банковские отделения, для чего инновационные предприниматели создали систему директ-маркетинга. Первым онлайн-банком был директ-банк Capital One, созданный в 1988 г. Р. Фейрбанком и Н. Моррисом. Микроэкономическая структура директ-банка позволяла через удаленное обслуживание с помощью почтовой рассылки писем-предложений наладить работу с клиентами, которые не желают ходить в отделения банка. Capital One действовал на рынке по бизнес модели монолайнера, выпуская для физических лиц кредитные карты. При недостаточно высоком уровне развития ИТ в 80–90-х гг. XX в. Capital One сумел создать целевую группу клиентов, на которую были направлены маркетинговые технологии, воздействующие персонально на покупателей. Директ-банк стремился создать качественную клиентскую базу. Если же он этой цели не достигал, то он не мог масштабировать объемы продаж финтех-продуктов, становясь заложником неэффективной клиентуры. В результате негативных тенденций функционирования директ-банка целевой сегмент клиентского рынка действует с ним в противофазе. Это ведет к несбалансированности между объемами продаваемых директ-банком финтех-продуктов и размером платежеспособной потребности целевой группы клиентов. В итоге не возникает эффект синергии между директ-банком и клиентом, не масштабируется его деятельность. Появляется необходимость выявления условий, при которых появляется системный эффект масштабирования банковских операций. Возникают закономерные вопросы: «На каком этапе развития финансовый рынок оказывается склонным к взрывной экспансии онлайн-банков, которые используют ИКТ на сегментах рынков розничных клиентов, индивидуальных предпринимателей, субъектов малого и среднего бизнеса? Как рыночные механизмы приводят в действие спонтанный взрывной процесс самоусиливаю-

щий системный эффект масштабирования банковских операций, «заводя» рыночную экспансию онлайн-банков на целевых сегментах рынков, что приводит к значимому росту их клиентской базы?»

О. Тиньков скопировал бизнес модель монолайнера Capital One, создавая систему дистанционного обслуживания, специализируясь на выпуске кредитных карт для физических лиц по схеме «один продукт – один канал». Эта операция несет высокие риски. Исходная модель Тинькофф Банка базировалась на примитивных технологиях почтовой рассылки, когда существовавшая система коммерческого использования сети Интернет не дополнялась совокупностью других системных элементов эффективного онлайн-банкинга. В 2008–2010 гг. Тинькофф Банк, используя адресную рассылку кредитных карт через Почту России, отправил десятки миллионов писем-приглашений, на которые было дано 1,5–3 % положительных ответов. Тинькофф Банк, построенный на дистанционном канале прямых банковских продаж, обладает генетикой ДНК онлайн-банка, которая базируется на инновационной системе функционального разделения труда и адекватной ей организационно-управленческой структуре.

На российском рынке действуют технологичные крупные корпоративные банки (Сбербанк, Альфа-банк, ВТБ Банк), «обросшие» большой филиальной сетью и ведущие интенсивный процесс цифровой трансформации. Имея 14186 отделений, Сбербанк сохраняет традиционный тип коммуникации с розничным клиентом и обладает традиционной управленческой иерархией. Розничные клиенты приходят в отделения и становятся в очередь для обслуживания. Встроенные в иерархию традиционной банковской структуры (отдел, управление, департамент, отделение, филиал, центральный офис), операционисты занимают соответствующие функциональные кресла. А. Яманов (Тинькофф Банк) считает, что этот тип управления и организации микроэкономики банка порождает «коробочный» тип мышления и поведения банкиров.

Сбербанк осуществляет широкий спектр универсальных банковских операций, действуя на множестве сегментов клиентских рынков. Ввиду разветвленной структуры клиентской базы, разбросанной на различных сегментах финансовых рынков, Сбербанк не всегда и не в полной мере может концентрировать свои усилия на менее доходных и соответственно трудоемких группах клиентов. С этой точки зрения наиболее уязвимыми оказываются сегменты малого и среднего бизнеса. Большие банки изначально дифференцируют клиентскую базу на приоритетных крупных клиентах. Это негативно сказывается на качестве обслуживания всего массива разнообразной клиентской базы. Крупные банки, оцифровывая многочисленные клиентские бизнес-линии, фокусируют свои цели на приоритетном обслуживании крупных корпоративных клиентов, которые нуждаются в предоставлении широкого спектра разнообразных универсальных финансовых услуг. Для разборчивых и привередливых больших корпоративных клиентов крупные банки создают сложные системные пакеты финансовых продуктов. Ввиду необходимости предоставления им высококачественных сложных банковских продуктов

в форме системных пакетов, банки ведут персонифицированное обслуживание. Такая модель обслуживания воплощается в институте персональных менеджеров. Обслуживание крупных корпоративных клиентов приносит банку большие доходы.

В банковской системе России существует многочисленная третья категория традиционных банков, которые невелики по размерам активов и собственного капитала. Эти банки находятся в состоянии постоянной селекционной рыночной отбраковки. У них отсутствует стратегия на ведение продуктивной и интенсивной цифровой трансформации. Ввиду отсутствия у банков-аутсайдеров необходимых людских, финансовых, технологических и управленческих ресурсов они проводят сдержанную цифровую трансформацию, которая не дает им больших перспектив для выживания.

Выделенные три типа банков отличаются друг от друга по специфическим особенностям клиентской базы, технологиям, системе организации и управления, спектру проводимых финансовых операций. Исходя из наличия банковских отделений или их отсутствия, возникли два альтернативных пути цифровизации банков. Были созданы два различных типа рыночной стратегии поведения, исходя из разных способов фокусирования целей на специфических сегментах рынков и той целевой клиентуре, которую банки обслуживают.

В статье мы ставим задачу выяснения степени зрелости антропологических предпосылок, которые способствуют возникновению феномена масштабируемой экспансии розничного директ-банка на рынке. Объективно физическое лицо как клиент традиционного банка чаще всего не обладает опытом использования продвинутых ИКТ, необходимыми ментальными характеристиками и поведенческими навыками человека современной цифровой эпохи. Люди, обладающие достаточной цифровой грамотностью, привычно действуют в среде онлайн-коммуникаций и ищут банки, способные предоставить им качественные финтех-продукты в режиме онлайн. Неизбежно растет число людей, не желающих посещать банковские отделения и имеющих склонность к приобретению опыта использования продвинутых ИКТ в системе онлайн-коммуникаций в экономике.

В статье проводится сравнительный анализ сущности природы человека, действующего в двух ипостасях. С одной стороны, собственника, менеджера и работника онлайн-банка, являющегося продавцом финтех-продуктов. С другой стороны, клиента банка – покупателя финтех-продуктов. Исследованы социально-демографические, поведенческие и психологические характеристики клиентов онлайн-банков четырех поколений людей – Baby Boomers (1946–1964), X [Generation X (1965–1980)], Y [Millennials/Generation Y (1981–1996)], Z [Zoomers/Generation Z (1997–2012)]. Психологические и поведенческие характеристики поколения А [Generation Alpha (2013 – начало 2020-х гг.)] исследуются с точки зрения становления в будущем клиентской базы онлайн-банка, по мере ухода из активной экономической жизни поколения Baby Boomers. Изучается клиентская база онлайн-банков, состоящая из

трех разновидностей клиентов, использующих продвинутые ИТ: физические лица, индивидуальные предприниматели, субъекты малого и среднего частного бизнеса.

Изучая цифровизацию педагогического процесса на пороге XXI в., социолог М. Пренски (род. 1946) выдвинул тезис о существенном воздействии, которое оказывает ИТ на формирование менталитета подрастающего поколения. Он считает, что пользуясь гаджетами, дети приобретают цифровые навыки, которые вырабатываются при общении скорее со сверстниками, чем с педагогами. Опыт работы с ИКТ «складируется» у них на уровне подсознания и проявляется в форме автоматических спонтанных реакций на разнообразные явления жизни. Например, ребенок стоит на подоконнике и, увидев, что по улице идет папа, начинает «раздвигать» пальцами маленькую фигурку папы на стекле, думая, что он смотрит не в окно, а взаимодействует с экраном гаджета. Дети с детства погружаются в мир интернета и видеоигр. Они растут и воспитываются в среде, в которой разнообразные цифровые инструменты – компьютеры, цифровые плееры, сотовые телефоны, видео шаблов (video cams) представляются детям чем-то совершенно обыденным и даже заурядным.

Дети и подростки живут и воспитываются «с молодых ногтей» в динамично изменяющейся ИТ-среде, поэтому их назвали «цифровыми аборигенами» (*digital natives*) или местными жителями, укорененными в среде «ИТ-страны». М. Пренски в 2001 г. предложил использовать два парных понятия, с помощью которых в педагогике определяются два типа менталитета и цифровые навыки, соответствующие обучающим (отцы) и обучаемым (дети). Поколению Z [Zoomers/Generation Z (1997–2012)], – *digital natives*, «рожденным в цифровую эпоху», противостоит поколение отцов – «цифровых иммигрантов» (*digital immigrants*). Последние только после достижения совершеннолетия получили доступ к ИТ как пользователи и начали их осваивать [1]. Марк Пренски считает, что обучаемые дети и их учителя являются носителями разных типов сознания. Менталитет детей, рожденных в цифровую эпоху, формируется в иных условиях, нежели менталитет учителей, получивших воспитание и образование в системе традиционной книжной (аналоговой) культуры. «Галактика Гутенберга» доминировала в доцифровом (аналоговом) обществе. Установки мышления и характер деятельности детей антиподальны установкам мышления и характеру деятельности учителей, которые обучают и воспитывают их.

Прикладная социология выделила «аналоговые» поколения *digital immigrants*, появившиеся на свет после войны [Baby Boomers (1946–1964), Generation X (1965–1980)]. Бэйби-бумеры родились вследствие взрывной рождаемости послевоенных лет и стали предшественниками «пограничного» поколения X (1965–1980), которых сменило поколение миллениалов *Millennials/Generation Y* (1981–1996) [2].

Справедливости ради следует отметить то, что парные термины *digital natives* и *digital immigrants* были введены Electronic Frontier Foundation в 1996 г. и упомянуты в документе «Декларация независимости киберпространства». Активной популяризацией этих терминов занялся консультант по образованию М. Пренски, утверждавший, что дети, выросшие в мире, насыщенном ИКТ, нуждаются в мультимедийной среде обучения. Эта мысль получила широкую популярность среди педагогов и родителей, дети которых «попали» в модель М. Пренски. В социологии и педагогике стали анализировать отличия в ментальных и поведенческих характеристиках детей, родившихся в конце 90-х годов XX – начале XXI века. Это поколения Z и A [Generation Alpha (2013–начало 2020-х гг.)]. В 80-е г. XX в происходит взрывное развитие цифровых ИКТ. В этот период времени появляется переходное поколение Millennials/Generation Y (1981–1996). Оно стало своеобразным посредником между поколением X (1965–1980), которое родилось в эпоху господства аналоговых технологий и «цифровым поколением» Z.

Существуют глубокие различия между развитыми и развивающимися странами по уровню социально-экономической и технологической динамики, степени вовлеченности людей в IT-среду, потенциалу развития молодежи. Поэтому в различных странах мира интенсивность появления IT и динамика вхождения молодежи в экономику отличаются. Уникальное «созвездие факторов» оказывает влияние на менталитет и цифровые навыки молодежи, а также воздействует на коммуникации в обществе. Страны отличаются по следующим признакам: времени появления ИКТ, интенсивности их использования, эффективности применения. Различаются страны и по степени вовлеченности молодежи в процессы освоения технологических продуктов. Ввиду глубокой дифференциации стран по этим параметрам технологическими лидерами являются развитые страны мира. Они определяют маркеры технологического развития.

Социологи и демографы развитых стран сгруппировали поколения XX в. по группам, которые определялись по времени рождения и охватывают около четверти века до появления нового поколения. Ранее мы представили все послевоенные поколения, которые последовательно шли поочередно со второй половины XX в. по настоящий момент. Это социологическая классификация истории поколений, которые сменяли друг друга в цикле динамики евроатлантической цивилизации. Осталось назвать два поколения первой половины XX в. – это Greatest Generation/G.I. (1901–1927), Silent Generation (1928–1945), которые не играют значимой роли в динамике цифровой революции [2]. Ввиду различающихся социально-экономических, демографических, технологических условий жизни людей в различных странах эта классификация не универсальна. Это скорее информация к размышлению, а не жесткая схема, применимая в любых случаях. Страны, возникшие после распада СССР, имеют уникальную историю и опыт развития в XIX–XXI веках.

Молодые люди с раннего детства погружены в жизнь цифрового мира компьютеров, Интернета, видео и различных игр. Они как губка впитывают в себя элементарные базовые знания по информатике, формируют навыки, которые отличают детей от поколения их отцов и дедов. Сознание молодежи строится на техногенной интуиции цифрового мира, что свидетельствует о принципиально ином – цифровом типе подсознания, которое воздействует на формирование интеллекта. Происходит цифровизация мышления, отличающегося утилитарной техногенной рациональной природой. Вышеобозначенная тенденция является следствием «диффузии цифровых технологий».

М. Пренски пишет: «Разные типы опытов приводят к различию структур головного мозга», утверждает Bruce D. Perry, доктор Колледжа медицины города Бейлор (Baylor College of Medicine). Вполне возможно, что *мозг наших студентов физически изменился* и отличается от нашего как результат опыта их взросления. Но независимо от того, является это утверждение в буквальном смысле слова истинным или нет, мы с уверенностью можем сказать, что их образцы мышления (thinking patterns) изменились» [1]. Мы не разделяем этот натуралистический подход, сводящий дух человека к материальной субстанции – мозгу, так как духовные явления (греч. psyche – ‘душа’) не тождественны соматическим (телесным) явлениям. Это сущности разных порядков. Методологически некорректно редуцировать высшую сущность (дух, душа) к простой материальной сущности (мозгу).

В. D. Perry исходит из концепции *техногенного детерминизма*, поэтому он считает, что такой материальный фактор, как продвинутые ИТ жестко детерминируют формирование эмпирического опытного знания маленьких детей и подростков, активно использующих ИКТ в своей жизни, что оказывает определяющее влияние на формирование моделей мышления (thinking patterns) у подрастающего поколения. М. Пренски и В. D. Perry строят свои умозаключения на базовой интуиции *монистического материализма*, которая отрицает существование в природе человека духовного фактора (дух и душа), выходящего за пределы текущего существования материального человека. Монистический материализм исходит из упрощенного представления о природе человека, что означает существование сознания человека, носящего текущий характер. При этом монистический материализм в принципе не применяет в своем анализе термин *духовное бытие человека*, он редуцирует природу человека к психологическому состоянию текущего сознания смертного человека. Эта концепция означает, что при рождении человека у него появляется текущее сознание как материальный (биологический) феномен, полученный наследственно генетически от своих родителей. При смерти человека его текущее сознание исчезает, исходя из принципа: «человек умер – текущее сознание исчезло, таким же образом, как оно когда-то появилось. Тело же закопали в землю».

Умозаключения двух авторов являются логичным следствием применения методологии вульгарного материализма к пониманию духовной природы человека. Концепция монистического материализма представляет дело так,

что эмпирический опыт жизни людей формируется под определяющим воздействием материальных факторов при отрицании духовного бытия персонализированной личности человека (дух, душа). Модель монистического материализма предполагает то, что на мозг человека как материальную субстанцию и его текущее сознание оказывают определяющее воздействие материальные средства (продвинутые ИТ). Взаимодействие этих материальных факторов формирует эмпирический опыт человека, который воплощается в его текущем сознании. Теория монистического материализма не признает бытие духовного опыта человека, оно анализирует исключительно текущий психологический опыт человека в текущей жизни от рождения до смерти.

Поколения молодых людей Z и A, используя ИКТ, получают цифровые навыки и опыт, приобретают разнообразные знания, компетенции, что используется ими в жизни. Приобретенные молодежью знания и навыки отличают их от взрослых, родившихся в эпоху господства аналоговых технологий. Сциентисту представляется, что цифровое поколение молодежи имеет иную генетику – N (Net) gen D (Digital) gen, которая обусловлена обновляющейся средой техногенного обитания. Постоянные изменения, вносимые в процесс воспитания и образования, «айтишное взросление» детей и молодежи подкрепляется тем, что молодое поколение неуклонно увеличивает свое присутствие в экономике.

В постиндустриальном обществе совершается постепенная смена техногенной субстанции развития, что оказывает влияние на демографические, социально-экономические, психологические особенности поведения человека. Цифровые технологии, которые базируются на прерывном (дискретном) сигнале, вытесняют аналоговые технологии, построенные на непрерывном сигнале.

Существуют четкие смысловые различия, позволяющие отделить межличностные отношения «тет-а-тет» (франц. *tete a tete* – ‘голова к голове’) от отношений, складывающихся между пользователями ИКТ в сети удаленных коммуникаций виртуального пространства. Для *digital natives* жизнь в реальной действительности межличностных отношений («тет-а-тет») и отношения, складывающиеся в виртуальной коммуникации сети Интернет, неразделимы и взаимосвязаны. Между этими разными сферами осуществляется сложный характер взаимодействия, что непосредственно влияет на формирование менталитета *digital natives*. Что же касается *digital immigrants*, то для них эти сферы четко разделены и принципиально не могут быть подвергнуты смешению, а тем более подмене межличностных отношений системой удаленных коммуникаций людей в виртуальном пространстве. Жизнь в реальной действительности и виртуальная «жизнь» в сети Интернет – это сущности разного порядка. Виртуальный тип коммуникаций является доминантным для поколения Z и A, поэтому у его представителей возникают проблемы отчуждения от межличностного типа коммуникации. Этот феномен назван *аутизмом*, т.е. уходом от общения с живыми людьми в виртуальную сферу эгоцентризма. Это ведет к деформации складывающихся представлений о реальной дей-

ствительности. Происходит атрофия мышления. Смартфон превращается в источник зависимости. У онлайнеров возникают психологические депрессии, может развиваться склонность к суициду. Это влияет на формирование межличностных отношений в реальной действительности и в виртуальном пространстве интернет-коммуникаций. Необходимо учитывать особенности формирования сознания и подсознания у молодежи поколений Z и A, так как у них спонтанно возникает зыбкая граница, разделяющая бытие на цифровой мир и реальную действительность. Жизнь детей и молодежи, растущих в мультикультурной среде, подвержена гибкому и эластичному перетеканию на экран смартфона и обратно.

М. Пренски утверждает, что у учителей сформировался нецифровой (аналоговый) культурный генокод на интуитивном, эмоциональном и ментальном уровнях. Поэтому они плохо представляют себе тип восприятия детьми учебного материала. Профессора Д. Палфри и У. Гассер, разделяя базовые основы концепции Пренски, исследовали тот же контингент детей, которые, переходя на вульгаризированный язык цифровых аборигенов, *скролят* (to scroll ‘пролистывать’) *айпад* (scroll ipad), лучше, чем держат ложку в руках. Эти ученые предложили уточняющий термин *рожденные в цифре* (born digital). Сходные понятия *born digital* и *digital generation* представили на суд общественности американские бизнесмены Д. Спир и А. Дигнан.

Маркетологи, вырабатывающие критерии получения знаний о поведении потребителей, нуждаются в прояснении вопроса о глубинных поведенческих ценностях молодежи, которые оказывают воздействие на трансформацию общества. Поэтому необходимы глубокие исследования теории поколений молодежи, обладающей типичными демографическими признаками (время и место рождения, динамика перемещений и т.д.), культурными и социально-экономическими особенностями (потребности, доходы). Прикладные знания и методология анализа важна для детальной сегментации рынка при построении бизнес-модели поведения онлайн-банка.

Сциентисты считают, что развитие продвинутых ИКТ с необходимостью превращают их творца и носителя – цифрового человека (digital man, digital human) в предельную математическую алгоритмизацию, в рационально скроенный механизм, напоминающий калькулятор, который движется по рынку, исходя из принципа «выгодно – значит истинно». Что в этом определении осталось от уникальной богоданной природы человека? Похоже, что ничего. Субъекты, активно применяющие ИКТ, получают возможности для манипулирования потребителем. Т. Аитов пишет: «Кроме привычных агрегаторов платежей и телекомов, в цепочку услуг экосистем встроены поставщики “умных” расчетных узлов, умеющие в режиме онлайн создавать скидочные предложения на основе анализа потребительской корзины. Присутствуют и сайты-купонаторы. ... Это и инновационные рекламные сервисы, рассылающие информационные сообщения, контекстно привязанные к местонахождению покупателя в торгово-сервисном предприятии, и другие провайдеры. Все сообщество экосистемы “обволакивает” потребителя услугами, и потре-

битель до конца не понимает, откуда на экране его смартфона постоянно возникают все новые и новые возможности и предложения. Он только платит» [3, с.15].

Манипулирование страстным человеком, который с упоением погружается в бесконечный поток своих страстей, является проблемой, обусловленной природой *цифрового человека*. Феномен *zapping*, означающий бессмысленное многочасовое переключение телевизионных программ пользователем, неспособным оторваться от телевизора, дает пример возможностей манипулирования страстями человека. Это явление возникло раньше эры компьютеров, технические возможности которых особенно в форме мобильных устройств, способствовали усилению желаний человека к бессмысленному времяпровождению.

В прикладной науке существует значительный разброс точек зрения ученых, пытающихся выявить закономерности поведения людей, которые активно используют ИКТ. Ученые пытаются сформировать четкие понятия, с помощью которых можно определить характер поведения молодежи, которая погружена в цифровую среду, применяя ИТ для виртуального общения. При этом тестируется опыт интенсивных коммуникаций «человек – ИКТ», «человек – ИКТ – человек». На современном этапе еще не создана теория педагогики, которая бы ясно и непротиворечиво объясняла воздействие ИТ на формирование специфических психологических и ментальных установок учеников и учителей. Наука делает пока только первые шаги в неизведанном ею «цифровом пространстве», которое несет новые смыслы. Вместе с тем идеи М. Пренски пытаются использовать как эффективный маркетинговый инструмент. К сожалению, его статья не относится к категории научных работ, так как не имеет эмпирической базы исследований. В ней отсутствует анализ фактических данных, что, безусловно, требуют стандарты точной науки. Не представлено также и строгих доказательств теоретических тезисов, выдвинутых М. Пренски. В 2015 г. ученый окончательно отказался от применяемых им понятий, хотя они, наверное, являются скорее метафорами. Он предложил термин *цифровая мудрость*, который еще труднее применить к сфере детской педагогики.

Приведем результаты одного амбициозного эксперимента, реализованного в сети школ AltSchools. Его финансировал М. Цукерберг (первоначальные инвестиции составили 100 млн. долл.) и другие знаковые инвесторы. Эксперимент представлял собой погружение детей с утра до вечера в образовательную ИТ среду, когда они тестировали различные приложения и устройства. Авторы проекта надеялись, что учащиеся вскоре достигнут высоких результатов в цифровом творчестве. Однако разрекламированный проект не увенчался успехом. Более того, избыток цифровой информации вел детей к частым нервным срывам, тормозил их развитие. Многие ученики ушли из сети школ AltSchools.

Подведем итог анализа сферы цифрового образования и воспитания. На данном этапе ученые пытаются адекватно оценить свои наблюдения над изучаемыми процессами. Разрабатываются поисковые методологические подхо-

ды к анализу динамично меняющегося техногенного общества, поэтому вряд ли целесообразно делать далеко идущие выводы, поддерживая предложенную М. Пренски гипотезу. Представляется, что многие выводы, которые делаются в сфере детской педагогики, нуждаются в тщательной проверке, так как они являются скорее скоропалительно выдвинутыми предположениями, нежели скрупулезно и детально проверенными гипотезами, имеющими твердые научные доказательства. Выводы должны строиться на значительном массиве изученных фактов, которые носят достоверный характер. Строгие доказательства должны быть получены путем масштабных эмпирических исследований системы коммуникаций «учитель – ученик».

Сформулируем общие выводы о результатах дискуссии по проблемам воздействия цифровой революции на функционирование банков и роли человека в этом процессе. Уже 30 лет анархо-либертарианцы пытаются идеологически использовать результаты техногенного прогресса, заставить его служить своим целям. Их мировоззренческая интуиция генерирует тезис о «Смерти банков», которые, по их мнению, будут втянуты в «черную дыру небытия» по причине возникновения феномена «технологической сингулярности». В этой связи интересен рекламный видеоролик, созданный Сбербанком. Греф считает банк давно отжившим явлением. Рекламный продукт Сбербанка создан с целью манипуляционного воздействия на бытовое сознание и подсознание его клиентов. Им на уровне подсознания внедряется представление о будущем, которое их ждет. В этом «светлом завтра» человека ожидает абсолютное господство искусственного интеллекта (ИИ). В быту человек окружен разнообразными машинами – холодильник, чайник и другие бытовые приборы, которые соединены через систему чипов в то, что К. Скиннер называет Интернетом ценностей (Web 3.0, ValueWeb), интернетом вещей (Web 4.0) и интернетом жизни (Web 5.0). Однако это грядущее господство суперинтеллекта машины означает то, что человек превращается в подобие «домашнего животного», которое лишено свободы воли. Это накладывается на концепцию природы «цифрового человека», подчиненного сверхмашине, обладающей суперинтеллектом. Этой концепции придерживаются К. Скиннер, Н. Харрари, Р. Курцвейл.

В рекламном ролике Сбера ИИ всемерно заботится об удовлетворении утилитарных потребностей семейной пары (муж и жена). Видеоролик начинается с показа семейной идиллии. Муж и жена просыпаются утром на двух разных кроватях, стоящих рядом. В середине повествования два машинных цифровых клона, внешне похожих на людей, изгоняют из дома мужа, совершившего какие-то «цифровые провинности». Жена в эпизоде изгнания мужа не играет никакой роли, ибо лишена свободы воли по концепции «технологической сингулярности», в идеи которой влюблены цифровые энтузиасты. «Цифровой человек» согласно техногенной утопии Прогресса Р. Курцвейла, Н. Харрари, К. Скиннера лишен свободы воли.

Два машинных клона, внешне похожих на людей, вручают мужу чемодан с вещами за дверью его квартиры. Из чемодана этого несчастного человека вываливаются вещи. Видеоролик заканчивается утренней «семейной» идиллией, которая вызывает жуткое ощущение у нормального человека. «Муж (чайник)» и жена просыпаются утром на двух разных кроватях, только на подушке кровати «мужа» лежит чайник и мирно посапывает. Вот такая очень современная история от адептов утопии «технологической сингулярности», которая ясно дает ощутить перспективы для всех желающих попасть в «цифровой рай» будущего. Видеоролик в сети представлен как шутка, по молодежному «прикол». Но ведь «сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Амбивалентный характер фильма впечатляет так же, как и идеология Постмодерна. Это симулякр или истина, а может быть, правда? Что скажем?

ЛИТЕРАТУРА

1. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // From On the Horizon. – MCB University Press. – Vol. 9, № 5. – October 2001.
2. Бумер, зумер или миллениал: как определить, к какому поколению отнести себя [Электронный ресурс] / livejournal.com. – Режим доступа : <https://analytic.livejournal.com/5561017.html>. – Дата доступа : 28.12.2019.
3. Генкин, А. С. Блокчейн. Как работает и что ждет нас завтра / А. С. Генкин, А. А. Михеев. – М.: ООО «Альпина Паблишер», 2018. – 281 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ГІСТОРЫЯ БАЁЎ У БРЭСЦКАЙ КРЭПАСЦІ ЛЕТАМ 1941 г.
У СУЧАСНЫМ НЯМЕЦКІМ НАВУКОВЫМ НАРАТЫВЕ

Ganzer, Ch. Kampf um die Brestor Festung 1941. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort / Ch. Ganzer. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. – 490 S.

Манаграфія Крысціяна Ганцара падрыхтавана да друку на аснове доктарскай дысертацыі, паспяхова абароненай амаль двума гадамі раней у Лейпцыгскім універсітэце.

Даследаванне прысвечанае малавядомым аспектам гісторыі нямецкага штурму і савецкай абароны крэпасці ў Брэсце летам 1941 г. Скрупулёзны аналіз гістарычных падзей на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці ўпершыню трапляе ў фокус спецыяльнай замежнай навуковай працы і амаль праз 80 гадоў пасля іх становіцца прыкметным гістарычным фактам у сучаснай германскай гістарыяграфіі дзякуючы шматгадовым пошукам гісторыка, добра вядомага беларускаму чытачу¹. Замежны даследчык на старонках новай

¹ Ганцар, К. [Рэцэнзія] Штурм Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 36–37. – Рэц. на кнігу : Алиев, Р. В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 800 с.; Ганцар, К. Памяць і забыццё : ушанаванне герояў Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // Вяртанне ў Еўропу : Мінулае і будучыня Беларусі / пад рэд. А. І. Пашковіч. – Варшава : Лазарскі, 2011. – С. 140–147; Ганцар, К. «Гераізм, трагізм, мужнасць». Музей абароны Берасцейскай крэпасці / К. Ганцар, А. І. Пашковіч // ARCNE. – 2013. – № 2. – С. 43–59; Ганцар, К. Немецкие и советские потери как показатель продолжительности и интенсивности боев за Брестскую крепость / К. Ганцар // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнарод. навуц. канф., Мінск, 5 крас. 2013 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2014. – Вып. 12. – С. 44–52; Ганцар, К. Нямечкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцар // ARCNE. – 2014. – № 5. – С. 135–153; Ганцар, К. Воспоминания защитников Брестской крепости как исторические источники. Проблемы и шансы / К. Ганцер // Личность в истории. Героическое и трагическое : сб. материалов VI междунар. конф., Брест, 22–23 нояб. 2013 г. : в 2 ч. / под. ред. Е. И. Пашкович. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 2. – С. 32–42; Ганцар, К. Памяць пра вайну і акупацыю ў Беларусі на прыкладзе мемарыялаў «Брэсцкая крэпасць-герой» і «Хатынь» / К. Ганцар // ARCNE. – 2015. – № 9. – С. 284–304; Ганцер, К. Переводчик виноват. Влияние перевода на восприятие исторических событий (на примере отчета о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генерал-майора Шлипера) / К. Ганцер // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнарод. навуц. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015 г. – Вып. 13 : у 2 т. – Т. 1. – С. 39–45; Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.; Ганцер, К. Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости / К. Ганцер // Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – С. 22–41; Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.; Ганцер, К. Развитие нарратива о «героической обороне»

грунтоўнай навуковай працы¹ знаёміць нямецкага чытача з аўтарскім падыходам да крытычнага вывучэння двухбаковых падзей на тэрыторыі крэпасці летам 1941 г. У выніку яму ўдалося стварыць фундаментальную працу, праз якую ён спрабуе ўзняць навуковае асэнсаванне тэмы на якасна новы ўзровень і тым самым упісаць падзеі мінулага ў іх рэальны гістарычны кантэкст. У сваю чаргу аўтару гэтых радкоў хацелася б звярнуць увагу на тое, чым гэта кніга, арыентаваная пакуль што на намецкамоўную чытацкую аўдыторыю, можа быць надзвычай карыснай для беларускіх музейных работнікаў, студэнтаў і школьнікаў, асабліва спецыялістаў у сферы ваеннай гісторыі Беларусі.

Рэцэнзуемая кніга прысвечана надзвычай актуальнай па цяперашні дзень праблематыцы – гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. Між тым, як правільна заўважае К. Ганцар, у беларускай гістарыяграфіі яна застаецца практычна неадаследаванай, нягледзячы на вялікае багацце літаратуры па дадзенай тэме. Імпаніруе навуковая пазіцыя нямецкага даследчыка, які на старонках працы імкнецца не апраўдаць і не асудзіць дзеянні ці ўчынкі, а зразумець той час і тых людзей, якія апынуліся ў крэпасці і дзейнічалі з двух бакоў у баявых абставінах, а таксама прааналізаваць, інтэрпрэтаваць і вытлумачыць гістарычныя падзеі мовай выключана дакументальных фактаў. У такіх умовах перад нямецкім даследчыкам паўстае няпростая і даволі адказная задача – максімальна карэктна рэканструяваць складаны і, як высвятляецца, супярэчлівы ход падзей, раскрыць выключна двухбаковы характар баявых дзеянняў за крэпасць з апорай на новую базу крыніц, паказаць прынцыповыя разыходжанні пануючага музейнага наратыву і навуковага даследавання на аснове верыфікаваных ведаў. Адзначым пры гэтым, што К. Ганцар праводзіць вывучэнне гэтай тэматыкі на аснове метаду кампаратыўнага аналізу розных крыніц². Ужо па гэтай прычыне новае

Брестской крепости (1940-е – первая половина 1950-х гг.) / К. Ганцер // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2018 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – Вып. 17. – С. 21–30.

¹ Ganzer, Ch. Kampf um die Brester Festung. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort / Ch. Ganzer. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. – 490 S.

² К. Ганцар, К. [Рэцэнзія] Штурм Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 36–37. – Рэц. на кнігу : Алиев, Р. В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 800 с.; Ганцар, К. Памяць і забыццё : ушанаванне герояў Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // Вяртанне ў Еўропу : Мінулае і будучыня Беларусі / пад рэд. А. І. Пашковіч. – Варшава : Лазарскі, 2011. – С. 140–147; Ганцар, К. «Гераізм, трагізм, мужнасць». Музей абароны Берасцейскай крэпасці / К. Ганцар, А. І. Пашковіч // ARCHE. – 2013. – № 2. – С. 43–59; Ганцар, К. Немецкие и советские потери как показатель продолжительности и интенсивности боев за Брестскую крепость / К. Ганцар // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2013 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2014. – Вып. 12. – С. 44–52; Ганцар, К. Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцар // ARCHE. – 2014. – № 5. – С. 135–153; Ганцар, К. Воспоминания защитников Брестской крепости как исторические источники. Проблемы и шансы / К. Ганцер // Личность в истории. Героическое и трагическое : сб. материалов VI междунар. конф., Брест, 22–23 нояб. 2013 г. :

даследаванне выклікае асабліва вялікі інтарэс у гісторыкаў вайны, а таксама тых, хто надае пэўную ўвагу згаданай гістарычнай тэматыцы.

Заўважым, што за больш чым паўгадовы тэрмін пасля выхаду кнігі інфармацыя аб гэтым не стала, фактам навуковага, грамадскага і музычнага жыцця. Ні ў Інтэрнэце, ні ў сродках друку, ні на дошках абвестак Музея абароны Брэсцкай крэпасці пакуль не прызначана дата навуковай канферэнцыі, метадалагічнага семінара ці спецыяльнага круглага стала, у цэнтры якіх значыўся б аналіз новай нямецкай працы, у першую чаргу знаёмства з нямецкім даследаваннем і абмеркаванне яго галоўных вынікаў, зробленых прадстаўніком германскай гістарычнай навукі на аснове крытычнага падыходу да вялікага масіву дакументальных першакрыніц і гістарыяграфічных фактаў рознага паходжання. Як паказаў К. Ганцар у ходзе 25-хвіліннага даклада перад беларускімі, нямецкімі, польскімі і расійскімі гісторыкамі на 20-й Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» 2 красавіка 2020 у МДЛУ¹, ад вядзення навуковай дыскусіі абодва бакі толькі выйграюць. Каб пазбегнуць фальсіфікацыі гісторыі, спрэчкі аб гістарычнай ісціне павінны адбывацца на навуковай глебе шляхам свабоднай дыскусіі паміж рознымі бакамі, але пры ўмове выкарыстання неабходных дакументаў, а не ідэалагічных клішэ ці прапагандысцкіх міфаў, трывала замацаваных у сучаснай беларускай гістарыяграфіі і музейным дыскурсе з савецкага часу.

Нам бачыцца, што вынікам такога дыялогу магло б стаць навуковае абагачэнне кожнага з бакоў за кошт пераканаўчых аргументаў і неабвержных фактаў апанента, а таксама прырашчэнне новых ведаў у інтарэсах гіста-

в 2 ч. / под. ред. Е. И. Пашкович. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 2. – С. 32–42; *Ганцар, К.* Памяць пра вайну і акупацыю ў Беларусі на прыкладзе мемарыялаў «Брэсцкая крэпасць-герой» і «Хатынь» / К. Ганцар // *ARCHE*. – 2015. – № 9. – С. 284–304; *Ганцар, К.* Переводчик виноват. Влияние перевода на восприятие исторических событий (на примере отчета о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генерал-майора Шлипера) / К. Ганцар // *Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, Мінск, 11 крас. 2014 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015 г. – Вып. 13 : у 2 т. – Т. 1. – С. 39–45; Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцар (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.; *Ганцар, К.* Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости / К. Ганцар // Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцар (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – С. 22–41; Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцар (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.; *Ганцар, К.* Развитие нарратива о «героической обороне» Брестской крепости (1940-е – первая половина 1950-х гг.) / К. Ганцар // *Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф.*, Мінск, 6 крас. 2018 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – Вып. 17. – С. 21–30.

¹ *Ганцар, К.* 80 гадаў гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці : навука vs прапаганды / К. Ганцар // *Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць. Праграма 20-й міжнар. навук. канф.*, Мінск, 2 крас. 2021 г. – Мінск : МДЛУ, 2021. – С. 4, 15.

рычнай навукі ўвогуле і гістарычнай памяці ў прыватнасці. У той жа час супрацьстаянне азначае не што іншае як імкненне да захавання манаполіі на пэўную гістарычную ісціну, а таксама простае ігнараванне новых навуковых ведаў і даследчыцкіх падыходаў процілеглага боку.

Аналіз працы К. Ганцара паказвае, што не з усімі аўтарскімі высновамі і ацэнкамі можна адразу пагадзіцца, але іх пастаноўка ў вядучай замежнай гістарыяграфіі на цяперашні час з'яўляецца важным навуковым рубяжом: беларускай навуковай грамадскасці, музейным супрацоўнікам Мемарыялу «Брэсцкая крэпасць-герой» пасля выхаду ў свет новай працы на тэму абароны Брэсцкай крэпасці ў 1941 г. неабходна не толькі адказаць на новы выклік, але і даказаць ці абвергнуць практычную значнасць высноў навуковага даследавання, магчымасць іх далейшай інструменталізацыі ў беларускую гістарычную навуку, вучэбную і выхаваўчую працу, экскурсійную практыку, грамадскі дыскурс. Наколькі гэта магчыма? Адказ на пастаўленае пытанне дае зварот да метадалагічнай базы, пакладзенай гісторыкам у аснову праведзенага даследавання. Свой навуковы дыскурс аўтар вядзе шляхам наватарскага выкарыстання прыёмаў апісання гістарычных падзей, адбудоўвае каркас гістарычнага наратыву на падмурку аб'ектыўнасці і верыфікацыі ведаў. Абавязковым крытэрыем аўтар вызначае паўнату аналізу зместу гістарычнага наратыву, суадносіны як аб'ектыўных фактараў, так і суб'ектыўных фактаў, неабходны разгляд выключна ў кантэксце вядомых гістарычных падзей. Па перакананні К. Ганцара, рэальная сітуацыя патрабуе па магчымасці дакладнай і глыбокай інтэрпрэтацыі ўсяго комплексу дэталей, фактаў і фактараў. Пры навуковым даследаванні існуе відавочная патрэба толькі ў гістарычных фактах, якія маюць аб'ектыўны характар і існуюць незалежна ад чыёйсьці волі ці пажаданняў¹. На наш погляд, майстэрства гісторыка праявілася ў тым, што ён трымаўся правіла па даследаванні баявых дзеянняў на аснове паказу падзей з двух бакоў; таму яму ўдалося не толькі выявіць, але і паказаць арганічную двухбаковую ўзаемасувязь – нямецкага штурму і савецкай абароны – і ў рэшце рэшт аднавіць паўнацэнную карціну падзей у Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.

Адзначым пры гэтым, што К. Ганцар аргументавана абгрунтоўвае свае высновы, на якія мае права, як і любы іншы даследчык, толькі пасля крытычнага аналізу цэлага комплексу крыніц і навуковай літаратуры. Іх пастаноўка часам у імператыўнай форме можа быць, на першы погляд не зусім акадэмічнай, але заўсёды ў дастатковай меры аргументаванай нямецкім аўтарам. У кантэксце гэтага беларускім гісторыкам неабходна таксама знайсці адказы, чаму ў адрас савецкага наратыву, часта адкрыта ідэалагізаванага ці мэтава палітызаванага, у сучаснай германскай гістарыяграфіі гучаць наступныя высновы: аб аднабаковасці паказу гістарычных падзей; неаб'ектыўнасці раскрыцця і замоўчвання найбольш важных фактаў; наўмыснага скажэння існуючых у найноўшай гістарыяграфіі ацэнак; стэрэатыпнай падачы гіста-

¹ Ganzer, Ch. Kampf um die Brester Festung. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort / Christian Ganzer. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 8–11.

рычных звестак; недастаткова поўным выкарыстанні добра вядомых у цяперашні час дакументальных крыніц, асабліва нямецкага паходжання. У выніку такога падыходу нямецкі гісторык сцвярджае аб аднабаковасці адлюстравання хода баявых дзеянняў, факусіраванні галоўнай увагі ў савецкім і постсавецкім нарматывах толькі на аспектах гераічнай абароны крэпасці на шкоду рэальнаму паказу гістарычных падзей у кантэксце аб’ектыўных фактаў і аб масавай страце абаронцаў ці іх пападання ў нямецкі палон ў ходзе баёў за крэпасць у канцы чэрвеня 1941 г. Таму даследчыцкі фокус манаграфіі К. Ганцара наведзены на параўнанне, супастаўленне з дакументальнымі звесткамі гістарычнага апісання розных аўтараў. Яны ў сваёй сукупнасці дазваляюць глыбей усвядоміць і дакладней зафіксаваць унікальнасць гістарычнай абароны і верыфікаваць гістарычныя веды, без чаго ў цяперашні час нельга аб’ектыўна прадставіць існуючы навуковы наратыў.

Адзін з важных метадалагічных момантаў новага даследавання звязаны з першай часткай назвы кнігі *Kampf um die Brester Festung 1941* (“Бой за Брэсцкую крэпасць 1941 года”), дзе на першым месцы стаіць вызначальны назоўнік адзіночнага ліку бой (*der Kampf*). Змест працы пацвярджае гістарычны факт правядзення неаднаразовага нямецкага штурму гэтага рубяжа савецкай абароны, а таксама контратак абаронцаў, г.зн. двухбаковых шматдзённых баёў на тэрыторыі крэпасці, пра што піша сам аўтар¹. Больш таго, па праведзеным даследаванні чырвонай ніткай праходзіць думка пра тое, што не толькі баявыя дзеянні пяхотных часцей германскага вермахта і Чырвонай арміі апынуліся ў фокусе шматгадовых ідэалагічных баталій, разгорнутых у пасляваенны час у адносінах захавання палітычнай, а не гістарычнай канцэпцыі нямецкага штурму і савецкай абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. Вынікам усяго гэтага сталі пасляваенныя так званыя “бітвы” на ідэалагічным, навуковым і музейных франтах, якія працягваюцца па цяперашні час. Таму ў якасці больш дакладнага тэрміна для назвы кнігі мог бы быць назоўнік, вытворны ад тэрміна *бітва*: які, на наш погляд, у назначана большай ступені адпавядае характару “баталій”, якія па цяперашні час вядуцца ў поўным сэнсе гэтага слова за Брэсцкую крэпасць. Яны пачаліся амаль 80 гадоў, але не скончыліся і цяпер.

Зыходам новага нямецкага выдання не менш значным гістарыяграфічным фактам з’яўляецца вызначэнне ключавых даследчыцкіх тэзісаў: першы – аб ходзе двухбаковых баявых дзеянняў; другі – аб панесеных стратах часцямі вермахта і Чырвонай арміі на тэрыторыі Брэсцкай крэпасці цягам апошняй дэкады чэрвеня 1941 г. Адразу ж адзначым крытычны падыход, да якога звяртаецца нямецкі даследчык пры працы з архіўнымі першакрыніцамі. Ён максімальна поўна выкарыстоўвае іх для паказу падзей, абавязкова супастаўляючы з іншымі дакументамі і матэрыяламі, даволі часта малавядомымі, а таксама прыцягваючы эга-крыніцы былых удзельнікаў падзей, іх

¹ Ganzer, Ch. Kampf um die Brester Festung. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort / Ch. Ganzer. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. – S. 33, 69.

асабістае ліставанне, фотаздымкі. Галоўнай мэтай такога падыходу з’яўлялася пераадоленне недахопу ў дакументах, выкарыстанне прамых і ўскосных доказаў у ходзе правядзення даследавання.

Кніга ўключае тры главы: першая прысвечана баям за Брэсцкую крэпасць у чэрвені 1941 г. (с. 69–114), другая носіць кароткую назву – «наратыў» (с. 115–313), трэцяя – раскрывае значэнне “месца памяці” (с. 314–429). Структура працы ўключае традыцыйныя часткі: уводную і заключную, спісы скарачэнняў, літаратуры і крыніц, а таксама імяны і геаграфічныя паказальнікі. Для нагляднай ілюстрацыі тэкстаў выкарыстана вялікая колькасць дыяграм, табліц, фотаздымкаў, у тым ліку зробленых самім аўтарам, карт, малюнкаў, схем і інш. Дакументальную базу крыніц складаюць архіўныя і грамадскія фонды, у тым ліку Федэральнага архіва Германіі, Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў і літаратуры і мастацтваў, Музея узброеных сіл (Масква), Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, Музея “Брэсцкая крэпасць-герой”, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Верхнеаўстрыйскага зямельнага архіва, Аўстрыйскага дзяржаўнага архіва, а таксама зборы і прыватныя архівы, у тым ліку самога аўтара.

Пачынаецца праца грунтоўнымі ўводзінамі (с. 1–66), у якіх аўтар паказвае савецкі гістарычны наратыў, раскрывае ўласную пазіцыю ў даследчым працэсе, аналізуе стан даследавання тэмы, характарызуе дакументальную базу крыніц, падзяляючы іх на тыя, якія неабходны для даследавання баёў за крэпасць, і тыя, якія садзейнічалі аналізу працэсу фарміравання пасляваеннай культуры памяці. Аўтар таксама знаёміць з правіламі транслітарацыі пры выкарыстанні разнамоўных матэрыялаў.

Даследчык К. Ганцар сцвярджае, што са з’яўленнем яго публікацый па гэтай тэме ў постсавецкім дыскурсе пачалася навуковая дыскусія (с. 11), якая заклала падмурак для вядзення неабходнай дыскусіі ў канцы нулявых гадоў. Насамрэч сярод айчынных гісторыкаў яна была распачатая дзякуючы публікацыям расійскага гісторыка Р. В. Аліева¹ і беларускага даследчыка С. Я. Новікава².

Нямецкі аўтар не пагаджаецца з тым, што пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі была арганізавана абарона крэпасці, якая на першым этапе цягнулася да канца чэрвеня. Потым пачаўся другі этап барацьбы, якую на тэрыторыі захопленай крэпасці вялі асобныя ачагі супраціўлення. Як адзначана ў манаграфіі, у савецкім наратыве дзве галоўных ідэі з’яўляліся

¹ Аліев, Р. В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 800 с.; Аліев, Р. В. Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р. В. Алиев. – М. : Вече, 2010. – 448 с.

² Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў ацэнцы гістарыяграфіі і ў святле дакументаў / С. Я. Новікаў // Беларус. думка. – 2010. – № 5. – С. 88–97; Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці : традыцыйнае і новае ў гістарыяграфіі / С. Новікаў // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 28–35; Новікаў, С. Узяцце Брэсцкай крэпасці : гіст. дакумент / С. Новікаў // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 38–43.

апорнымі палажэннямі ў канцэпцыі аб гераічнай абароне Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.: 1) аб упартых, цяжкіх і шматдзённых баях за крэпасць; 2) аб самаахвярнай барацьбе кожнага абаронцы, часцей за ўсё да апошняй кроплі крыві (с. 8).

Як вынікае з працы, зыходнай кропкай пры правядзенні даследавання вызначаны баявыя дзеянні, якія мелі месца ў ходзе нямецкага штурму і савецкай абароны Брэсцкай крэпасці 1941 г. і былі замацаваны ў афіцыйнай Канцэпцыі аб арганізаванай абароне, якая працягвалася да пачатку трэцяй дэкады ліпеня месяца (с. 8). К. Ганцар прыходзіць да высновы аб супярэчлівасці такой тэзы па прычыне таго, што савецкі наратыў быў пабудаваны не на арыгінальных дакументальных крыніцах, а галоўным чынам на звестках белетрыстыкі, публікацыях журналістаў і ўспамінах (с. 12), элементы чаго па цяперашні час захоўваюцца ў беларускай гістарыяграфіі і існуючай музейнай экспазіцыі.

Аналіз гістарыяграфіі К. Ганцар праводзіць не па праблемна-храналігічным прынцыпе, а праз індывідуальны ўклад даследчыкаў у распрацоўку тэмы. У кнізе паказана, што аснову новых беларускіх і расійскіх выданняў па-ранейшаму складаюць успаміны і традыцыйная літаратура (с. 14). У даследаванні нямецкі аўтар аналізуе працы толькі пяці беларускіх і расійскіх аўтараў – С. Новікава (с. 14), Р. Аліева і І. Рыжова (с. 14), М. Платошкіна (с. 14), А. Пашковіч (с. 32) – тых, хто ў постсавецкі перыяд часу спрабаваў павоюваму аднавіць гісторыю абароны Брэсцкай крэпасці¹. Асабліваю ўвагу

¹ *Новікаў, С. Я.* Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў ацэнцы гістарыяграфіі і ў святле дакументаў / С. Я. Новікаў // Беларус. думка. – 2010. – № 5. – С. 88–97; *Новікаў, С.* Абарона Брэсцкай крэпасці : традыцыйнае і новае ў гістарыяграфіі / С. Новікаў // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 28–35; *Новікаў, С.* Узяцце Брэсцкай крэпасці : гіст. дакумент / С. Новікаў // БГЧ. – 2010. – № 6. – С. 38–43; *Новікаў, С.* Брэсцкая крэпасць у дакументах і ўспамінах / С. Я. Новікаў // БГЧ. – 2011. – № 6. – С. 27–33; *Новікаў, С. Я.* Абарона Брэсцкай крэпасці : у пошуку шляхоў навуковага даследавання / С. Я. Новікаў // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 1. – С. 44–51; *Новікаў, С. Я.* Абарона Брэсцкай крэпасці : гістарыяграфічныя міфы і гістарычная рэальнасць / С. Я. Новікаў // Историческое наследие 1941 года в исследованиях и экспозициях музеев. Материалы Междунар. конф., посвященной 70-летию обороны Брестской крепости, Брест, 9–11 июня 2011 г. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 48–54; *Новікаў, С. Я.* Узяцце крэпасці Брэст-Літоўск у нямецкай гістарыяграфіі / С. Я. Новікаў // Беларусь улетку 1941 г. : новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : МДЛУ, 2014. – С. 17–23; *Новікаў, С. Я.* Абарона Брэсцкай крэпасці паводле айчынных прац / С. Я. Новікаў // Беларусь улетку 1941 г. : новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – С. 23–31; *Новікаў, С. Я.* Нямецкі штурм Цытадэлі ў дакументах вермахта / С. Я. Новікаў // Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 г. : новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – С. 31–36; *Алиев, Р. В.* Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 800 с.; *Алиев, Р. В.* Брестская крепость. Воспоминания и документы : в 2 кн. / Р. В. Алиев. – М. : Вече, 2010. – 448 с.; *Алиев, Р. В.* Брест. Июнь. Крепость : в 2 кн. / Р. В. Алиев, И. Ю. Рыжов ; фото А. Суворов, Ю. Мулявко. – Брест : Полиграфика, 2012. – Кн. 1. – 272 с.; *Алиев, Р. В.* Брест. Июнь. Крепость. / Р. В. Алиев, И. Ю. Рыжов. – М. : УП ПРИНТ, 2013. – Кн. 2, ч. 1. – 288 с.; *Алиев, Р. В.* Брест. Июнь. Крепость : в 2 кн. / Р. В. Алиев, И. Ю. Рыжов. – М. :

ў працы нямецкі гісторык надае расійскім даследчыкам Р. Аліеву і І. Рыжову, дзякуючы якім з'явіліся грунтоўныя гісторыка-дакументальныя выданні¹, заснаваныя на арыгінальных гістарычных дакументах аўстрыйскіх, беларускіх, германскіх, расійскіх архіваў і матэрыялах музейных фондаў. На наш погляд, у гэтым пераліку адсутнічае брэсцкі даследчык А. Сувораў², які ў сваім найноўшым выданні, падрабязна прааналізаваным у працы К. Ганцарама, спрабуе абапірацца ўсё больш на новыя дакументальныя звесткі, захоўваючы пры гэтым галоўныя палажэнні савецкага наратыву³.

Аналіз прац заходніх даследчыкаў па пытаннях гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці і яе пасляваеннай мемарыялізацыі пераконвае К. Ганцара ў тым, што на цяперашні час ніхто з беларускіх, расійскіх і замежных даследчыкаў не праводзіў спецыяльнага даследавання, прысвечанага вывучэнню эвалюцыі гістарыяграфічнага і гістарычнага наратываў аб Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. У гэтым плане нам падаецца важным заўважыць, што нямецкаму даследчыку неабходна было б у гэтым пераліку згадаць працу святара 45-й пяхотнай дывізіі Р. Гшопфа, аўтара ўнікальнай працы «Мой шлях з 45-й пяхотнай дывізіяй» (Лінц, 1955)⁴. Аналізуючы змест дакументаў, К. Ганцар падзяляе іх на дзве групы, адпаведна па гісторыі баёў за Брэсцкую крэпасць і гісторыі культуры памяці, звяртае асабліваю ўвагу на пісьмовыя дакументы часцей вермахта, эга-дакументы і фотаздымкі, якія даследчыку ўдалося не толькі выявіць, але і падрыхтаваць разам з беларускімі гісторыкамі ў якасці асобнага навуковага выдання (2016, 2017)⁵. Як вынік, К. Ганцар прыходзіць

УП ПРИНТ, 2013. – Кн. 2, ч. 2. – 220 с.; Брестская крепость. Война и мир / авт. концепции и текста А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2010. – 256 с.; Брестская крепость. Форпост славы. Краткий путеводитель / авт.-сост. А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2018. – 60 с.; Платошкин, Н. Н. «Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест» / Н. Н. Платошкин // Военно-ист. журн. – 2013. – № 6. – С. 16–20; Пашкович, Е. Брестская крепость в официальном нарративе в современной Беларуси / Е. Пашкович // Sleszynski, Wojciech (Hg.) : Wspolne czy osobne? Miejsca pamieci narodow Europy Wschodniej. – Bialystok/Krakow, 2011. – S. 49–55.

¹ Аліев, Р. В. Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р. В. Аліев. – М. : Вече, 2010. – 448 с.; Аліев, Р. В. Брест. Июнь. Крепость : в 2 кн. / Р. В. Аліев, И. Ю. Рыжов ; фото А. Суворов, Ю. Мулявко. – Брест : Полиграфика, 2012. – Кн. 1. – 272 с.; Аліев, Р. В. Брест. Июнь. Крепость : в 2 кн. / Р. В. Аліев, И. Ю. Рыжов. – М. : УП ПРИНТ, 2013. – Кн. 2, ч. 1. – 288 с.; Аліев, Р. В. Брест. Июнь. Крепость : в 2 кн. / Р. В. Аліев, И. Ю. Рыжов. – М. : УП ПРИНТ, 2013. – Кн. 2, ч. 2. – 220 с.

² Брестская крепость. Война и мир / авт. концепции и текста А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2010. – 256 с.; Брестская крепость. Форпост славы. Краткий путеводитель / авт.-сост. А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2018. – 60 с.

³ Брестская крепость. Форпост славы. Краткий путеводитель / авт.-сост. А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2018. – 60 с.

⁴ Gschöpf, R. Mein Weg mit der 45. Infanterie-Division / R. Gschöpf. – Linz : Oberösterreichischer Landesverlag, 1955. – 303 S.

⁵ Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – С. 55–472; Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – С. 55–472.

да высновы, што са шматлікіх дакументаў, даступных на цяперашні час, у тым ліку шырокай грамадскасці, становіцца відавочным: для дэталёвага аналізу хода двухбаковых баёў у крэпасці і панесеных пры гэтым стратах у наяўнасці ёсць даволі шмат дакументаў. Нягледзячы на іх публікацыю некалькі гадоў таму, да гэтага часу ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі не праводзілася цэласнага аналізу двухбаковых падзей у Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.

У першай главе «Падзея. Баі за Брэсцкую крэпасць ў чэрвені 1941 г.» (с. 69–114) К. Ганцар акцэнтуюе ўвагу на разглядзе ходу баявых дзеянняў у першыя дні нямецкага штурму крэпасці, падрабязна і абгрунтавана раскрываючы яго на падставе шматлікіх дакументаў германскага вермахта. Галоўная ідэя аўтара заключаецца ў паказе баявых дзеянняў скрозь прызму нямецкіх і савецкіх страт у ходзе апошняй дэкады чэрвеня. Гісторык спачатку скрупулёзна аналізуе нямецкія страты на прыкладзе звестак аб забітых і параненых (с. 96–103), потым савецкія страты, раскрываючы іх маштабы праз аналіз колькасці савецкіх чырвонаармейцаў, якія да канца месяца апынуліся ў нямецкім палоне (с. 103–110). Для нагляднасці ў кнізе прыведзены табліцы аб стратах 45-й дывізіі забітымі, пачынаючы ад 22 чэрвеня і да 1 ліпеня 1941 г. З чаго вынікае, што галоўная частка страт прыпадае на першыя тры дні баявых дзеянняў, калі быў забіты 371, ці 86,3 % ад усіх забітых (430) салдат вермахта (с. 100). Савецкія страты нямецкі гісторык паказвае таксама ў табліцы (с. 106), з якой вынікае штодзённая карціна савецкага палону, яе характарызуюць дзве граніцы: ніжняя – колькасцю ў 6 713 чырвонаармейцаў і верхняя – у 7 779 палонных. Зыходзячы з дакументаў, нямецкі даследчык аднаўляе храналогію баёў за крэпасць, падзяляючы іх на тры фазы: 1) першыя тры дні баёў з 22 па 24 чэрвеня: перыяд, калі на тэрыторыі крэпасці вяліся цяжкія баі; у гэты час нямецкі бок панёс самыя цяжкія страты – амаль 86,3 % забітых і да 70–80 % параненых нямецкіх салдат, а таксама захоп у нямецкі палон 56 % савецкіх салдат; 2) у час другой фазы (25–26 чэрвеня) былі ліквідаваны асобныя ачагі супраціўлення; на гэты час прыпадае амаль 7 % нямецкіх страт забітымі і каля 30 % савецкіх ваеннапалонных; 3) цягам трэцяй фазы – з 27 па 29 чэрвеня – быў ліквідаваны апошні аб’ект актыўнай абароны – Усходні форт на паўночным востраве. За гэты час вермахт не панёс істотных страт, тады як з савецкага боку колькасць палонных склала амаль 14 % (с. 112).

З даследавання вынікае, што на цяперашні час вядома амаль 40 дакументаў, у якіх ідзе размова пра палон савецкіх салдат у ходзе баёў за Брэсцкую крэпасць (с. 111). У сваім даследаванні нямецкі аўтар аспрэчвае прынятыя ў савецкім наратыве сцвярджэнні аб 32-дзённай працягласці абарончых баёў на тэрыторыі крэпасці. Нямецкія дакументы даюць дакладны адказ: галоўныя сілы 45-й пяхотнай дывізіі пасля выканання баявой задачы па захопу крэпасці пакінулі яе і выйшлі з Брэста ў напрамку Пінска 2 ліпеня 1941 г. Як адзначае аўтар, ні ў адным вядомым на цяперашні момант дакуменце аб падзеях пачатку і сярэдзіны ліпеня не ўтрымліваюцца звесткі пра

тое, што пасля ўзяцця Усходняга форта мелі месца факты баявога супраціўлення (с. 112). У адносінах даных, якія захоўваюцца ў картатэцы Мемарыяла і паходзяць з уліковых картчак на савецкіх ваеннапалонных з іншых лагераў, аўтар прыходзіць да высновы, што шматлікія даныя не адпавядаюць гістарычнай рэальнасці пасля іх зверкі з іншымі дакументамі. Але галоўнай ідэяй гэтага з’яўляецца тое, што, нягледзячы на наяўнасць на тэрыторыі крэпасці асобных чырвонаармейцаў, у нямецкіх дакументах не пацверджаны ні адзін факт вядзення ці працягу актыўных баявых дзеянняў з савецкага боку (с. 114).

У другой главе «Наратыў» К. Ганцар аналізуе эвалюцыю фарміравання афіцыйнага савецкага наратыву (с. 115–313). Аўтар раскрывае ўмовы яго фарміравання ў дачыненні да гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці, вызначаючы асноўныя фазы колькаснага і якаснага развіцця, паказваючы гэты працэс на прыкладзе разгляду функцый літаратурнай цэнзуры, узростаючай ролі ваенных і значэння савецкага патрыятызму. Асаблівае роля пры гэтым належала цэнтральнай установе – Галоўнаму ўпраўленню па справах літаратуры і выдавецтваў (Галоўліту), без дазволу якога ў савецкай краіне не магла з’явіцца ні адна публікацыя, ні адна радыё- ці тэлеперадача, а таксама фільмы і кіно, пастаноўкі ў тэатрах і экспазіцыі музеяў. Як заўважае аўтар, з адкрыццём Мемарыяльнага комплексу «Брэсцкая крэпасць-герой» падзеі, звязаныя з гераічнай абаронай, пераўтварыліся ў сакральную старонку савецкай гісторыі, былі ўнесены ў спіс табуіраваных тэм, распавядаць пра якія дазвалялася выключна ў рамках тэзіса аб «героях-абаронцах», «гераічнай абароне» і «пачатку Вялікай Перамогі». Аўтар паказвае, як праводзілася ідэя падпарадкавання гістарычнага наратыву інтарэсам партыйнай палітыкі (с. 230).

Дзякуючы новай нямецкай працы ў фокусе даследавання апынулася самае складанае пытанне гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. – лёс тысяч савецкіх ваеннапалонных (с. 236–265), якія ў ходзе баёў апынуліся ў нямецкім палоне. Пры гэтым К. Ганцар прыходзіць да важнага назірання, што з савецкага наратыву выцякала галоўная ідэалагема – абарона Брэсцкай крэпасці павінна стаць адзіным з савецкіх месцаў памяці без фактаў палону (с. 238). Толькі летам 2014 г. у адной з захаваных частак кальцавой казармы была ўпершыню адкрыта спецыяльная музейная экспазіцыя «Музей вайны – тэрыторыя міру» (с. 410). У дачыненні да апошняга нямецкі аўтар сцвярджае, што вынесена за межы музея гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці новая экспазіцыя аб палоне, без дакладнай прывязкі да саміх абаронцаў і абароны, сведчыць толькі пра тое, што ў Музее абароны нават у новых умовах не знайшлося месца для гэтага надзвычай важнага гістарычнага факта канца чэрвеня 1941 г. Аўтар заўважае, што поўнае і праўдзівае вяртанне гісторыі савецкага палону ў час абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. патрабуе яшчэ доўгага шляху, паколькі да цяперашняга часу захоўваюцца нязменнымі большасць элементаў наратыву аб «гераічнай абароне Брэсцкай крэпасці» (с. 265). Не менш дзіўным аўтар бачыць факт успрыняцця навуковай і музей-

най грамадскасцю спецыяльнага выдання «Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии» (2016, 2017) з 188 арыгінальнымі дакументамі. Таму не з’яўляецца нечаканай выснова нямецкага аўтара, што аснову савецкага наратыву складаюць у меншай ступені дакументальныя крыніцы, а ў большай – суб’ектыўныя звесткі (с. 313).

У трэцяй главе К. Ганцар паказвае Брэсцкую крэпасць як «месца памяці» (с. 314–429), дзе падрабязна прасочвае гісторыю ўшанавання памяці аб гераічным мінулым абароны Брэсцкай крэпасці: паказвае асноўныя этапы ўзвядзення мемарыяльнага комплексу (с. 314–334), раскрывае місію гістарычнай дзейнасці “Брэсцкай крэпасці-героя” (с. 334–353), а таксама характарызуе ролю музеяў абароны крэпасці і новай экспазіцыі «Музей вайны – тэрыторыя міру» (с. 410–421). Асаблівы інтарэс у чытача выклікае аналіз гісторыкам скрозь прызму музейнага менеджменту канцэпцыі новай экспазіцыі «Музей вайны – тэрыторыя міру», адкрытага 22 чэрвеня 2014 г. у паўднёва-усходняй частцы кальцавой казармы. Нямецкі аўтар адзначае, што 8 залаў маюць выгляд сучаснай экспазіцыі, у якой актыўна выкарыстоўваюцца музейная тэхніка, муляжы фігур людзей, інтэрактыўныя эфекты, камп’ютарныя праекцыі, а таксама аўдыёгіды (с. 410). Аўтар заўважае, што сярод экспанатаў савецкага паходжання можна сустрэць шматлікія нямецкамоўныя дакументы і перакладзеныя тэксты, а таксама фотаздымкі нямецкага паходжання. У той жа час К. Ганцар заўважае, што для наведвальніка новай экспазіцыі застаецца адкрытым галоўнае пытанне аб маштабах страт абаронцаў і колькасці савецкіх палонных падчас баёў за Брэсцкую крэпасць летам 1941 г. (с. 426–427). Падсумоўваючы матэрыял заключнай падглавы, нямецкі аўтар робіць выснову, што вынікі навуковай працы і лёсы савецкіх ваеннапалонных пачынаюць паступова інтэгравацца ў сучасны музейны дыскурс, дзе як і раней, пануюць такія крытэрыі, як гераізм, мужнасць і патрыятызм (с. 427).

Знаёмства з дадзенай працай прыводзіць да шматлікіх высноў, у тым ліку метадалагічнага кшталту. Заслугоўвае ўвагі тое, як пераканаўча, лагічна і доказна К. Ганцар знаёміць чытача з уласнымі вынікамі па даследаванні гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. Па-першае, шматлікія прыведзеныя думкі аўтара заклікаюць чытача да роздуму, што можна толькі вітаць. Па-другое, даследчык імкнецца трымацца выключна вывераных і верыфікаваных фактаў і адстойвае гэты тэзіс на працягу ўсяго свайго даследавання, ставячы ў яго падмурак выключна правераныя дакументальныя крыніцы. Па-трэцяе, аўтар паказвае перспектыву выкарыстання новых крыніц і метадалагічных падыходаў, асабліва такога простага правіла, як абавязковы двухбаковы паказ баявых дзеянняў. Па-чацвёртае, К. Ганцар не сумняваецца ў неабходнасці «альтэрнатыўнага» падыходу пры правядзенні даследавання, асабліва беларускімі гісторыкамі. Па-пятаяе, выказванне ўласных гіпотэз нямецкі аўтар суправаджае навуковымі аргументамі, што

дазволіла яму, як аднаму з першых даследчыкаў, наблізіцца да гістарычнай ісціны ў пытаннях гісторыі нямецкага штурму і савецкай абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г.

Такім чынам, з'яўленне новага нямецкамоўнага фундаментальнага даследавання ставіць на парадак дня беларускай гістарычнай навукі і музейнай практыкі прынцыпова важныя пытанні, якія ў 80-я ўгодкі з пачатку абароны Брэсцкай крэпасці набываюць асаблівае значэнне. Галоўны адказ на іх будзе заключацца ў тым, якім чынам і ў якой ступені замежная навуковая распрацоўка стане фактам айчыннай гістарыяграфіі, у першую чаргу беларускай, знойдзе адлюстраванне ў канцэпцыі музейнай экспазіцыі Мемарыяльнага комплексу «Брэсцкая крэпасць-герой» і будзе выкарыстоўвацца ў індывідуальных тэкстах экскурсій для турыстаў з розных краін, у тым ліку з Германіі. Можна пажадаць, каб напярэдадні векавога рубяжа абарона Брэсцкай крэпасці выклікала хвалю даследчыцкага інтарэсу да падзей, якія аказвалі цэлыя дзесяцігоддзі значны, але да канца не асэнсаваны ўплыў на гісторыю і культуру памяці ў Беларусі.

У цэлым, на нашу думку, сучасная беларуская і замежная гістарыяграфія пакуль не ведалі прыкладаў настолькі скрупулёзнага, глыбокага і ўсебаковага даследавання цэлага комплексу розных гістарычных крыніц на аснове метаду кампаратыўнага аналізу. Важным тут з'яўляецца таксама і даследчыцкі падыход аўтара, у аснове якога ляжыць абавязковае правядзенне дэталёвай верыфікацыі фактаў з дакументальных крыніц і гістарыяграфічных прац, у тым ліку найноўшых. Відавочна, што на справе практычна ўпершыню зроблены неверагодны прарыв у германскім ваенным беларусазнаўстве.

У заключэнні важна адзначыць ключавы вынік аналізу новай працы К. Ганцара – сучасная беларуская гістарыяграфія апынуліся перад складаным выбарам: пачаць грунтоўную працу па даследаванні гісторыі абарончых баёў Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., асновай якой з'явіцца комплекс нямецкіх крыніц, у апошні час уведзеных у зварот, ці застацца ў кантэксце палажэнняў савецкага наратыву, у якім практычна адсутнічае «нямецкі погляд» на падзеі. У гэтым выпадку абставіны ставяць нас перад неабходнасцю зноў пачаць скрупулёзнае вывучэнне мінулага на аснове распрацоўкі пытанняў тэорыі і метадалогіі, праблем крыніц і археаграфіі. Добрым арыенцірам для даследчыкаў у гэтым пакуль няпростым наратыве можа выступаць унікальная манаграфія К. Ганцара, пераклад якой перад беларускай навукавай грамадскасцю таксама выступае ў якасці першачарговай задачы.

*Сяргей Новікаў,
кандыдат гістарычных навук*

Поступила в редакцию 24.03.2022

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Л. Гутько

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

В статье автор раскрывает основные сюжеты в творчестве Владимира Короткевича, распространенные в литературе XX века – христологический и фаустианский. Своеобразное переплетение и невозможность разрешения конфликта выделенных древних сюжетов в творческом наследии писателя обобщают смысл действий персонажей художественных произведений. Используемые образы произведений отсылают читателя к раннехристианским символам, что свидетельствует об обращении автора к новой интерпретации взаимосвязи христологического и фаустианского сюжетов.

Смысловое содержание художественных произведений, созданных в ретроспективе культурного развития, будет всегда обновляться как поиск жизненных смыслов и стратегий, направленный на будущее. В период засилья и безоговорочного давления массовой культуры, которая оказывает часто пагубное и травматическое воздействие на человека, стоит обратить внимание на исторические произведения, созданные титанами белорусской культуры, позволяющие увидеть встречу исторического и нового понимания человека, отметить, насколько он изменился под влиянием перипетий культурного развития.

Литературное наследие Владимира Короткевича (1930–1984) с каждым годом и десятилетием по-новому будет интерпретироваться современниками нашей эпохи, исследователями и творческой элитой последующих поколений. Одним из первых систематизацией творчества В. С. Короткевича занялся А. В. Русецкий, опубликовав монографию критического осмысления его творчества в 1991 году [1].

Многие исследователи обращались к глубинному истолкованию образов творчества В. С. Короткевича. Для культурологического осмысления представляет ценность сборник материалов международной конференции «Владимир Короткевич и его творчество в европейском культурном контексте», организованной в Орше в 1995 году (Минск, 2000). Особый интерес при написании статьи вызвали вошедшие в сборник материалы В. Локун [2], А. Леоновой [3] и А. Степановой [4], посвященные рассмотрению текста романа «Христос приземлился в Городне». В 2020 году прошли ряд научных конференций, посвященных 90-летию со дня рождения писателя, совместные XVIII Архивные чтения и XX Узвышенские чтения «Владимир Короткевич и его время: к 90-летию со дня рождения писателя», круглый стол «Владимир Короткевич и новая белорусская идентичность конца XX – начала XXI ст.» в рамках V Международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития». В своих публикациях исследователи

А. И. Бобко, И. М. Бобкова, И. Э. Богданович, И. А. Бурделева, И. М. Дубенецкая, В. К. Игнатова, В. П. Рагойша, С. И. Санько, Я. Я. Янушкевич и др. уделили внимание значимым аспектам творчества писателя, рассмотрев его биографию и смысловое наполнение произведений в контексте исторических событий XX столетия и национальной идентичности белорусов в современных условиях.

Начало XXI века связано с изданием монографий, посвященных разбору произведений и личности В. С. Короткевича в контексте белорусской культуры, среди авторов как единомышленники-современники А. И. Мальдис, А. М. Ненадовец, так и исследователи его творчества последующих поколений П. С. Банцевич, Д. Мартинович и др. Каждый из них постструктуралистично осмыслил семиотику творческих замыслов Владимира Семенича.

Личность Творца В. С. Короткевича, созданные его воображением художественные произведения на основе исторических событий белорусской земли всегда будут притягивать к себе взоры потомков. Современный человек часто не может оценить достижения своей культуры, находясь в гуще событий ситуационной идентичности. Время безвозвратного ухода автора прокладывает путь к исследованию его жизненных решений, творчества, взглядов и мировоззрения. Чувство бесконечной вины и безвозвратной потери выступает символическим действием нашей культуры.

Драматические и художественные произведения В. С. Короткевича популярны у режиссеров-постановщиков и продолжают быть востребованными на сценических площадках театров Беларуси, в национальном кинематографе. Подчеркнем, что очень часто произведения Короткевича становились достоянием театров. В подтверждение данного посыла перечислим ряд постановок в белорусских театрах, где он часто выступает создателем сценария: постановка оперы «Седая легенда» Д. Смольского, либретто – В. Короткевич (постановка спектакля в 1978 г., постановка М. Панджавидзе в 2012 г.), опера В. Солтана «Дикая охота короля Стаха», либретто – С. Климович (постановка В. Цюпы в 1989 г., постановка А. Моторной в 2021 г.), спектакль Белорусского государственного молодежного театра «Христос приземлился в Городне» (постановка В. Котовицкого, 1999 г.), спектакль Республиканского театра белорусской драматургии «Колосья под серпом твоим» (постановка В. Анисенко, 2008 г.), спектакль Белорусского государственного театра кукол «Ладья отчаяния» (постановка А. Лелявского, 2013 г.), спектакль Белорусского государственного театра юного зрителя «Дикая охота короля Стаха» (постановка В. Савицкого, 2016 г.) и др. В белорусском кинематографе режиссеры часто обращались к прозе Короткевича в поисках основы для художественных фильмов. В большинстве постановок В. Короткевич выступал в роли сценариста: х/ф «Христос приземлился в Городне» (сценарист – В. Короткевич, режиссеры – В. Бычков, С. Скворцов, 1967 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Дикая охота короля Стаха» (сценарист – В. Короткевич, В. Рубинчик, режиссер – В. Рубинчик, 1979 г., «Беларусьфильм»), телеспектакль «Листья каштанов» (сценарист и режиссер –

В. Забелло, 1982 г., «Белорусское телевидение»), х/ф «Черный замок Ольшанский» (сценарист – В. Короткевич, режиссер – М. Пташук, 1983 г., «Беларусьфильм»), м/ф «Ладья отчаяния» (сценарист и режиссер – О. Белоусов, 1987 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Паром» (сценарист – А. Кудрявцева, режиссер – В. Бокун, 1988 г., «Беларусьфильм»), х/ф «Седая легенда» (режиссер – Б. Поремба, 1991 г., СССР – Польша) и др.

В каждой постановке по мотивам произведений Владимира Короткевича скрыта загадка для режиссера, которую необходимо открыть для зрителя в сценическом или экранном воплощении. Чаще всего проблема заключается в том, что исторические события и действие постановки происходят за пределами сцены, и все внимание автора обращено к зыбкому счастью или тревогам персонажей. Внутренний мир героев приобретает размеры Вселенной, поэтому сложно выстроить яркое и содержательное мизансценическое действие на основе показа событий, в которых не разграничиваются реальность и фантасмагорические видения, всегда характерные для прозы В. С. Короткевича.

Панорама сюжетного ряда, исключая наличие событий, встречается в произведениях А. П. Чехова. Действие выстраивается на эмоциональном отношении персонажей друг к другу. Выявление зерна постановки по произведениям В. С. Короткевича заключается еще и в том, что фантасмагорический мир переплетен с бытовыми действиями современности и невозможно провести границу между ними. Кроме этого возникает вопрос, есть ли необходимость проводить границу между реальностью и воображением, чтобы не нарушить структуру развития событий произведения. Смещение реальности в воображаемый мир происходит в повести «Дикая охота короля Стаха», романах «Черный замок Ольшанский», «Нельзя забыть». Лирическая поэма «Гулянка в декорациях», созданная в период съемок художественного фильма «Христос приземлился в Городне» в 1967 году, также может стать хорошим примером такого синтеза реальности и воображения в творчестве В. С. Короткевича.

Структурный анализ малой поэмы «Гулянка в декорациях» позволяет увидеть семиотические интерпретации, которые присутствуют в тексте произведения. Сюжет поэмы – съемки исторического фильма киностудией, скорее всего, фильма «Христос приземлился в Городне». Встречается рефрен слова *кино*, упоминание о Средневековье, жизненном укладе эпохи, персонажах Евангелия и прочем.

Жанр лирической поэмы «Гулянка в декорациях» приближен к ироническому памфлету, где встречаются насмешки над самомнением съемочной группы, их честолюбивыми планами и мечтами, желанием быть погруженным в удовольствия: «Мог бы поспорить с Самсоманом!» [5, с. 106], «Слава косцюмёрам, / гримерам, актерам, / А наибольшая тому, кто дал в кредит!» [Там же, с. 107], «Ишь, апостол Павел тянет вино!» [Там же, с. 106]. Художественные образы персонажей и деталей повествования в лирической поэме «Гулянка в декорациях» связаны с персонажами романа «Христос приземлился в Городне».

Обратимся к подробному сравнению данной лирической поэмы и этого романа. Если поэма «Гулянка в декорациях» – это иронический памфлет, то жанр романа «Христос приземлился в Городне» Короткевич определяет как историческую хронику. Так автор опредмечивает, овеществляет историю человека, который мог бы жить в то время, упоминаемого в архивных рукописях, обнаруженных писателем. Христологический сюжет (представленный как смерть бога) в романе и поэме позволяет объединить ход событий обоих произведений и понять предназначение жизни каждого из персонажей.

Не будем отказываться от идеи того, что христологический сюжет в романе и поэме тесно связан с фаустианским сюжетом (представленный как договор с нечистой силой).

Столкновение рассматриваемых сюжетов в романе и поэме приводит к трагическому исходу, неразрешимому противоречию и оппозиции, которая ищет новый путь, где оба сюжета связаны между собой и чувствуется их взаимосвязь. В современной интерпретации переосмысливается евангельский сюжет с точки зрения ценностей эпохи Реформации в белорусской культуре и жизни города XVI века – стремлении спасти других и желании сохранить свою жизнь и избавиться от страданий. В романе открыто демонстрируется памфлетное направление, которое разоблачает христианских служителей в эпоху становления гуманистических идеалов в Европе, во время зарождения национального самосознания. Ирония над евангельской историей перерастает в гимн гуманистическим идеалам, сопровождающийся предательством десяти апостолов и поддержкой идей Христа ремесленниками, бедными крестьянами, апостолами Иудой и Фомой, «предателями», согласно евангельскому изложению, однако верными избранному пути Христа – Юрася Братчика.

Такая же проблема совмещения событий съёмок исторического фильма (фаустианский сюжет) и реконструкции исторических событий на основе сюжета романа «Христос приземлился в Городне» (христологический сюжет) возникает и в малой поэме «Гулянка в декорациях»: современное пространство киносъёмок внезапно преобразуется в средневековую Городню. В финале поэмы интерпретатор (читатель) осмысливает предательство (фаустианский сюжет) не только в рамках произведения, но и как постоянное возвращение к извечному равнодушию. Именно равнодушие апостолов к судьбе Христа стало поводом для отказа следовать его идеям. Равнодушие В. С. Короткевич расшифровывает как отказ от затраты личных духовных сил: «Только издеваются над теми, кто работает, и – по бабам» [6, с. 478]. Предательство Христа как воплощения идеала человека отражается в предпочтении апостолами иждивенческого образа жизни – сытной еды, утех, отказа от утомительных обязанностей. А. М. Ненадовец пишет в монографии, посвященной творчеству Короткевича: «В жизненных ситуациях многое всегда решалось куда проще и прозаичнее, без всякой там высокой патетики, риторики для жизни и т. д. Человек труда, в зависимости от всяких испытаний и трудностей, научился дорожить жизнью и просто так

расставаться с ней не хотел. Даже во имя высокой идеи. Чтобы он решился на такой поступок, ему нужно было поверить в эту высокую идею, а к такому его мог привести герой, которому (призывом, пропагандой агитируя которого) поверил бы человек труда, пошел бы за ним сломя голову, на борьбу, на битву, даже, заведомо осознавая, к какому трагическому финалу, к какому завершению она может привести» [7, с. 137]. Поэтому равнодушие – это первый показатель живого, небезразличного, болевого ощущения жизни, когда мы направлены не брать, а отдавать. В духовном действии отдачи и содержится основной принцип творчества.

Рассмотрение предательства как следствия иждивенчества дает основания полагать, что это проблема не личного плана. Выбор поступков актуален и в христианской традиции – вера человека базируется на желании покаяться в грехах. Человек просит у бога дать силы быть сильным, обещает оставаться верным хорошим намерениям, чтобы через время снова вернуться на путь предательства, прежде всего себя. Путь извечной греховности и предательства становится фундаментом человеческой жизни. Каждый человек рассматривает проблему предательства как отрицательный поступок. И эта проблема, кажется, будет бесконечной.

Для рассмотрения проблемы предательства в поэме «Гулянка в декорациях» обратимся к повести В. С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», где трагедия сопровождает судьбу многих поколений в ответе за поступок, который происходил несколько веков назад. Предательство своего предка помнят потомки и несут за него ответственность. Видимо, в ответственности за поступок скрывается возможность прощения. Так, главная героиня повести принимает судьбу и готова сделать все, чтобы избавиться от чувства вины за предательство своего предка. Поэтому чувство вины – основной, управляющий символ жизни и европейский цивилизации, который отметил О. Шпенглер в знаменитой работе «Закат Европы». Предательство рассматривается основой для определения ценностей европейской культуры.

Может, в этом случае безразличие более значимый грех, чем предательство. Ведь от предательства человек страдает, а от равнодушия, наоборот, получает инертный покой, поддерживающий принцип иждивенчества как мышления и направления деятельности. Короткевич подчеркивает в тексте поэмы «Гулянка в декорациях», что предательство происходит из-за равнодушия, безразличия и молчания. «Петушиный крик – тишина, разлился рассвет – тишина, тишина... Мертвым сном войско мертвое спит на земле. Что, монголы прошли? Может, гуны прошли?» [5, с. 109].

Одно из важных течений поэмы и романа – тема любви Героя. Любовь в поэме раскрывается сумбурно, как песнь пьянящей радости во имя бога Диониса: «Славься в вышних, лоза! / Славься, лоза. / Славься та, что дарит любви силу, / Славься та, что горе поможет залить ...» [Там же, с. 107]. В романе любовь становится одним из основных стремлений Героя к достижению счастья на земле. «Закинув лицо, она смотрела ему в глаза, как на священное изваяние, что внезапно ожило» [6, с. 209]. Е. Степанова дает

в романе глубокую интерпретацию двух разнополярных образов женщин, влюбленных в Юрася Братчика. Одна из них – Магдалена (Марина Крывиц) придерживается жизненного расчета, не боясь грехопадения во имя желания быть рядом с Юрасем Братчиком, другая же – Анея, чистая, не осведомленная о жестокости жизни или смиренно принимающая ее. Обе женщины любят Героя, но Магдалена сходит с пути следования за Христом, объясняя это тем, что она будет идти за ним незаметно, украдкой. Может, так и действует на сознание человека любовь, которая всегда с нами в памяти. Магдалена – образ, который будет преследовать Героя в воспоминаниях и, тем самым, будет вызывать больше эмоций, чем женщина, которая находится рядом. Поэтому любовь у Короткевича – это тяга к недостижимому. Образ любви складывается из двух образов женщин, которые постоянно притягивают Героя к себе. Вновь повторяется встреча двух сюжетов – христологического (образ Анеи) и фаустианского (образ Марины Крывиц).

Завершение поэмы и романа – развитие евангельского сюжета, основанного на предательстве. В тексте поэмы Владимир Короткевич насыщает гулянку языческим хороводом и поклонением Дьяволу. В обоих текстах романа и поэмы присутствуют, как доказательство предательства, топот копыт, крик петуха и тишина.

Топот копыт связан с жертвоприношением, которое проводили язычники в романе во время Черной мессы: «Это было похоже на приглушенные, скользящие шаги десятков маленьких ног, среди которых иногда выделялись тяжелые, словно шло огромное животное» [6, с. 317–318]. В тексте поэмы точнее выделяется стук копыт: «Просто Дьявола копыта / реквизитором пьяным ловко подбитые» [5, с. 108].

Следующий образ, который встречается в тексте романа и повторяется в поэме, – это «петушиный крик». Он сразу отсылает нас к евангельскому тексту о трехкратном отказе Петра от Христа, подтверждая его предательство. Владимир Короткевич намеренно подчеркивает крик петуха как цитирование евангельского текста. А. М. Ненадовец раскрывает еще более содержательно рассматриваемый образ: «Солярная природа петуха особенно ярко отразилась в христианских верованиях. На фреске одной из римских катакомб по бокам Христа, изображенного в виде античного пастыря, стоят два петухи. В раннехристианской легенде повествуется, что Христос воскрес после первого крика петуха. Широко известно и евангельское предание, согласно которому петух своим криком проклял апостола Петра. Мотив птицы, которая своим криком разгоняет нечистую силу и отпугивает мертвецов, создает кульминацию в ряде сказок, постоянно присутствует в быличках» [7, с. 92]. Поэтому петушиный крик – это надежда человека на победу над своими слабостями через силу духа.

Третий образ – образ тишины – акцентируется в тексте романа и в малой поэме как опустошение и тщетность всех усилий, которые сопровождали действие в малой поэме и романе. «Только Иаков Алфеев, как всегда не к месту, начал пробовать голос.

– Горе тебе, Хоразин ... Го-ре ... Горе тебе, Вифсаида.

И так они исчезли за холмом. Некоторое время еще доносился медвежий, еловый голос. Потом остались только тишина и зарево» [6, с. 497].

В поэме мы снова встречаемся с акцентом на тишине. «Петушиный крик. / Тишина. / Разлился рассвет. / Тишина» [5, с. 109].

Владимир Короткевич интерпретирует тишину по-разному. А. М. Ненадовец приводит описание природы в ранней повести Короткевича: «В снегах дремлет весна», где тишина – признак гармонии природы и мира человека: «Какая тишина! Какая великая тишина!» [7, с. 53]. В более зрелых произведениях В. С. Короткевича тишина связана с описанием неимоверного страха. Приведем отрывок из повести «Дикая охота короля Стаха»: «Опять, как в тот раз, беззвучно летели они [туманные силуэты всадников] передо мной огромными прыжками в воздухе. И полное молчание, будто я оглох, висело над ними» [8, с. 306]. Н. К. Рерих также упоминает тишину как характеристику разных состояний человека: «Есть два вида тишины: беспомощная тишина инертности, которая отождествляет собой распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни» [9, с. 50]. В семиотическом пространстве зрелых произведений В. С. Короткевича тишина – это даже не инерция и не распад, это эмоциональное состояние напряженного ожидания, связанное с ужасом, крахом надежд и хаосом. Именно так решен финал малой поэмы «Гулянка в декорациях» и так представлено начало романа «Христос приземлился в Городне»: никого не осталось, кроме Иуды и Фомы. «И задумали мы оставить правду. Может, она дойдет, когда начнут канонизировать не в святые, а в Люди» [6, с. 10]. Поэтому тишина напряженного ожидания заменяется созидательной тишиной творчества, созданием Евангелия.

На основе использования семиотического метода в рассмотрении основных категорий знаково-символического пространства малой поэмы «Гулянка в декорациях» и романа «Христос приземлился в Городне» В. С. Короткевича были выявлены такие структуры, как:

- раздвоенный образ любви – две женщины, разные во взглядах, привлекают Героя. Любовь невозможно подчинить сознанию и рядом с реальной фигурой будет следовать ее Тень, как два сюжета тесно сплетенных между собой – христологический и фаустианский;

- образ безразличия, совмещенный с принятием позиции иждивенчества. Традиция брать, использовать – основа обывательской жизни. Автор подчеркивает в поведении Трикстера (персонажа христологического сюжета), что человек всегда живет согласно принципу отдачи, как духовной, так и материальной;

- образ предательства как следствие равнодушия к среде раскрыт в тексте в нескольких проявлениях: тишине как напряженном ожидании, крике петуха как символе духовных наказания и спасения, стуке конских подков – гибели души, растоптанной в дьявольском танце.

В завершение отметим, что читать произведения Владимира Короткевича необходимо по-белорусски, тогда чувствуются неповторимый напев и языковые игры автора. Русский перевод произведения «Христос призем-

лился в Городне» – это текст, составленный из белорусских слов писателя. Поэтому продолжает оставаться злободневной проблема раскрытия смысла и знаково-символического пространства творчества Владимира Семеновича Короткевича через интерпретацию текста для того, чтобы его литературное наследие стало понятнее для других наций и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русецкі, А. У.* Уладзімір Караткевіч : праз гісторыю ў сучаснасць : Нататкі літ. творчасці / А. У. Русецкі. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 287 с.
2. *Локун, В.* У пошуку маральнага ідэалу. Проза Уладзіміра Караткевіча / В. Локун // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 нояб. 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 133–152.
3. *Леонова, Е.* Образ Марии Магдалины в романе В. Короткевича «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» и мировой литературный опыт «С тобой, как с деревом побег, срослась» / Е. Леонова // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 ноября 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 168–183.
4. *Сцяпанав, А.* Рысы еўрапейскага постмадэрнізму ў творах Уладзіміра Караткевіча (на матэрыяле рамана “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”) / А. Сцяпанав // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : матэрыялы міжнар. навук. канф., Орша, 24–25 ноября 1995 г. – Мінск, 2000. – С. 58–62.
5. *Караткевіч, У.* Гулянка ў дэкарацыях (Малая паэма) // У. Караткевіч. Быў. Ёсць. Буду : Кніга паэзіі / У. Караткевіч і прадм. Р. Барадуліна. – Мінск : Маст. літ., 1997. – С. 106–109.
6. *Караткевіч, У. С.* Хрыстос прыязмліўся ў Гародні : Евангелле ад Іуды : раман / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 589 с.
7. *Ненадавец, А. М.* Уладзімір Караткевіч : прырода, фальклор і творца / А. М. Ненадавец. – Мінск : Бел. навука, 2015. – 423 с.
8. *Караткевіч, У.* Дзікае паляванне караля Стаха : Аповесць // У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі : Нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха : Аповесць / У. Караткевіч. – Мінск : Юнацтва, 1995. – С. 183–367.
9. *Рерих, Н.* Пути благословения / Н. К. Рерих. – Минск : Университетское, 1991. – С. 49–52.

Поступила в редакцию 05.04.2022

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

С. Я. Новікаў

«ЗАЛАТЫ ВЕК» МДЛУ*

В научном очерке автор исследует одну из ярчайших страниц истории Минского иняза на этапе реструктуризации, становления и развития как учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет». Его «золотой век» начался в середине 1990-х годов и продолжался 25 лет, когда МГЛУ закрепил свои лидирующие позиции и подтвердил ведущую роль в сфере языкового образования в стране и за рубежом, следуя лучшим отечественным и мировым традициям. Особенно значимые изменения в жизни коллектива университета прочно связаны с именем пятого ректора – Натальи Петровны Барановой. Благодаря неиссякаемому новаторству, высокому профессионализму и искусству руководителя вместе с уникальным профессорско-преподавательским составом искать и находить смелые ответы на вызовы времени вузу удалось за четверть века стать одним из лучших и самых известных лингвистических университетов в СНГ, Европе и мире.

Цэлая чвэрць стагоддзя ахоплівае перыяд з пачатку ліпеня 1995 г. і па канец кастрычніка 2020 г. – менавіта столькі часу ўзначальвала ўніверсітэт пяты рэктар Наталля Пятроўна Баранова. Яе дзейнасць праходзіла ва ўмовах, калі пасля зыходу з сусветнай арэны вялікай савецкай дзяржавы на парадку дня суверэннай беларускай краіны паўстала прынцыпова важнае пытанне аб «рэарганізацыі дзеючых мадэляў» вышэйшай адукацыі [1, с. 402–403]. На той час яго вырашэнне адбывалася ва ўмовах актыўнага фарміравання інфармацыйнага грамадства, імклівага ўзмацнення міжкультурных кантактаў і хуткага нарастання інтэграцыйных выклікаў.

У такіх абставінах, як адзначала Н. П. Баранова, кіраўніцтва ўніверсітэта ўсведамляла надзвычай вялікую адказнасць за выбар уласнага вектара руху ў напрамку класічнага ўніверсітэта. Пры гэтым яно хацела «захаваць свае адукацыйныя дасягненні, не знізіць узровень якасці адукацыі, не дапусціць памылак, якія б адмоўна паўплывалі на рух наперад» [Там жа, с. 403].

*Аўтар выказвае шчырую падзяку прафесару кафедры педагогікі, кіраўніку Цэнтра міжнароднай адукацыйнай палітыкі і практыкі МДЛУ Н. П. Баранавай за прафесійныя кансультацыі і інфармацыйную падтрымку.

Што было зроблена за два з паловай дзесяцігоддзі ў МДЛУ? Якія вынікі сталі падставай для таго, каб гэты перыяд на розных узроўнях дзяржаўнага, універсітэцкага і грамадскага абмеркавання даволі часта пачалі называць «залатым часам»? У чым сакрэт шматлікіх дасягненняў, атрыманых калектывам установы на ніве нацыянальнай сістэмы вышэйшай адукацыі ўвогуле і развіцця сусветнай лінгвістыкі ў прыватнасці? Паспрабуем знайсці адказы на гэтыя і іншыя пытанні не толькі ў рашэннях, прынятых у кабінетах кіраўнікоў розных узроўняў, але і ў фактах асабістай біяграфіі выпускніцы СШ № 1 г. Ліды Гродзенскай вобласці, якая для Наталлі Галаватай, будучага рэктара, стала малой радзімай пасля прыезду з г. Навазыбкава Бранскай вобласці РСФСР, дзе яна нарадзілася. У жніўні 1968 г. Наталля Пятроўна пасля паспяховай здачы іспытаў была залічана на 1 курс факультэта англійскай мовы Мінскага іняза, які закончыла з дыпламам з адзнакай у 1974 г. па спецыяльнасці настаўніка англійскай і нямецкай моў сярэдняй школы [2, арк. 24]. Пры гэтым ёй удалося цягам цэлага года (з лістапада 1972 па лістапад 1973 г.) папрацаваць у якасці перакладчыка групы пашырэння на будаўніцтве Хелуанскага металургічнага камбіната (паўднёвая частка г. Каіра) у Арабскай Рэспубліцы Егіпет, а таксама прайсці месячныя курсы англійскай мовы ў Вялікабрытаніі. Бліскучае веданне англійскай мовы дазволіла студэнтцы 3 курса быць рэкамендаванай для падрыхтоўкі на курсах гідаў-перакладчыкаў, якіх у летні перыяд запрашалі да працы з замежнымі турыстамі ў аддзяленні УАГ «Інтурыст» г. Мінска [2а, арк. 203]. З аўтабіяграфіі вынікае, што на момант заканчэння інстытута яе бацька – Галаваты Пётр Кірылавіч – пасля зыходу са службы ў Савецкай арміі працаваў інспектарам па кадрах Лідскага сельгасупраўлення. Маці – Ганна Васільеўна – займала пасаду машыністкі райфінаддзела пры Лідскім райвыканкаме. Малодшая сястра Вольга на той час выкладала англійскую мову ў Бярозаўскай СШ № 2 Лідскага раёна [2, арк. 4 адв.].

Працоўную біяграфію былы Ленінскі стыпендыят працягвала ў якасці намесніка сакратара камітэта камсамола інстытута па ідэалагічнай працы з чэрвеня 1974 г. па лістапад 1978 г. Адначасова працавала па ўнутраным сумяшчальніцтве на пасадах спачатку выкладчыка кафедры фанетыкі і кафедры лексікалогіі англійскай мовы, потым з лістапада 1978 г. – на кафедры педагогікі МДПІЗМ [2, арк. 24 адв.]. У вытворчай характарыстыцы, выдадзенай 25 студзеня 1980 г. за подпісамі прарэктара М. А. Хазяева, сакратара парткама А. Г. Кірпічовай і старшыні мясцовага прафсаюзнага камітэта З. Д. Пятрухінай у сувязі з удзелам Н. П. Баранавай у конкурсе на замяшчэнне вакантнай пасады выкладчыка кафедры педагогікі, адзначаліся наступныя важныя рысы саіскальніка: педагог, які адносіцца да сваіх абавязкаў з вялікай адказнасцю, шмат увагі надае выхаванню студэнтаў, карыстаецца вялікай павагай сярод выкладчыкаў і студэнцкай моладзі. Праз год яна паступае ў аспірантуру, дзе навучаецца да лістапада 1984 г. Пасля яе заканчэння два гады працягвае працаваць на пасадзе выкладчыка кафедры педагогікі, з 3 лютага 1986 г. займае пасаду старшага выкладчыка [Там жа, арк. 22].

У маі 1990 г. паспяхова абараняе кандыдацкую дысертцыю. Рашэнне савета па прысуджэнні Н. П. Баранавай ступені кандыдата педагогічных навук было зацверджана ВАК пры Савеце Міністраў СССР. Вучонае званне дацэнта было прысвоена Атэстацыйнай калегіяй Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь 25 сакавіка 1994 г. [2, арк. 53].

У маі 1991 г., у сувязі з удзелам Н. П. Баранавай у чарговым конкурсе, прафесарска-выкладчыцкі склад (ПВС) кафедры педагогікі аднагалосна заключае, што саіскальнік паспяхова ўдзельнічае ў выкананні дзяржбюджэтай тэматыкі, вынікам чаго стала напісанне кандыдацкай дысертцыі, а таксама публікацыя 13 аўтарскіх навуковых артыкулаў з апрабаванай атрыманых вынікаў амаль на дзвюх дзясятках навуковых канферэнцый. У заключэнні кафедра рэкамендавала ўдзельніку конкурсу больш увагі надаваць укараненню ў навучальны і выхаваўчы працэсы вынікаў навукова-даследчай працы, а таксама не адкладваць на доўгі час падрыхтоўку манаграфіі і актыўна ўключыцца ў работу над доктарскай дысертцыяй [Там жа, арк. 27].

Аднак перспектывы Н. П. Баранавай звязаць сябе з напісаннем доктарскай дысертцыі пачалі істотна звужацца у сувязі з актыўным выкананнем адміністрацыйнай работы: спачатку на пасадзе загадчыка кафедры педагогікі, якую яна ўзначаліла ў верасні 1992 г., а з цягам зусім непрацяглага часу – у рэктарскай камандзе. У першым выпадку ў заключэнні кафедры ў сувязі з удзелам у конкурсе на пасаду загадчыка адзначалася, што прафесійныя здольнасці саіскальніка сталі вельмі адметнымі ў працэсе яе працы на пасадах шматгадовага кіраўніка студэнцкага клуба «Сэрца аддаю дзецям» (1974–1983 гг.) і намесніка дэкана па выхаваўчай працы перакладчыцкага факультэта (1983–1987 гг.): як чалавека яе характарызуюць прыстойнасць, чэснасць, патрабавальнасць, адказнасць, тактычнасць, уменне ствараць спрыяльны маральна-псіхалагічны клімат у калектыве і здольнасць актывізаваць творчы патэнцыял калег. Гэтыя рысы яна бліскуча праявіла ў час, калі выконвала абавязкі загадчыка кафедры педагогікі з лютага па ліпень 1992 г. [2, арк. 39]. У адпаведнасці з пратаколам пасяджэння Вучонага савета МДПІЗМ ад 11 верасня 1992 г., падпісанага рэктарам У. В. Макаравым і сакратаром Вучонага савета А. А. Булат, Н. П. Баранавы абіралася загадчыкам кафедры [Там жа, арк. 47]. У другім выпадку ў службовай біяграфіі Н. П. Баранавы адбываюцца змены нават не ўніверсітэцкага, а дзяржаўнага значэння. Так, з 1 мая 1994 г. яна пачынае выконваць абавязкі прарэктара па вучэбнай працы. Крыху больш чым праз месяц, 6 чэрвеня 1994 г., рэктар універсітэта У. В. Макараў аддае загад аб прызначэнні яе на пасаду прарэктара па вучэбнай працы [Там жа, арк. 127 адв.].

Роўна праз год пасля правядзення выбараў на пашыраным пасяджэнні Савета ўніверсітэта Н. П. Баранавы выбіраецца ў лік прэтэндэнтаў на пасаду рэктара.

10 ліпеня 1995 г. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь у асобе міністра В. І. Стражава прызначае яе рэктарам установы вышэйшай адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт» [Там жа, арк. 60].

У сярэдзіне 1990-х г. структуру ўніверсітэта складалі 7 факультэтаў, у тым ліку традыцыйныя: англійскай, іспанскай, нямецкай, французскай моў і перакладчыцкага факультэта, факультэта рускай мовы для замежных грамадзян, факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі выкладчыкаў замежных моў, які праз больш чым два дзясяткі гадоў вырасце да ўзроўню самастойнага інстытута, а таксама два новыя. Адзін з іх – спецыяльны факультэт кіруючых работнікаў і спецыялістаў народнай гаспадаркі Рэспублікі Беларусь пачынае дзейнасць з 1994 г. У гэтым жа годзе быў створаны яшчэ адзін акадэмічны факультэт – факультэт заходнееўрапейскіх моў, на які ў першы 1994/95 навучальны год паступілі 148 студэнтаў, з якіх: на англійскую мову – 97 студэнтаў, на французскую – 26 і нямецкую – 25 студэнтаў [3, арк. 41]. Адзначым, што ў 2001 г. ён быў рэарганізаваны ў факультэт міжкультурных камунікацый з падрыхтоўкай спецыялістаў па напрамку “Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый” са спецыялізацыямі “знешнеэканамічныя сувязі”, “сувязі з грамадскасцю”, “інфармацыйнае абслугоўванне”, “міжнародны турызм”, “знешнепалітычныя адносіны” (апошняя існавала да 2020 г.).

У МДЛУ ў 1996 г. працавалі вячэрнія і завочныя курсы, праз год пачалася падрыхтоўка магістраў навук. У 1998/99 навучальным годзе на 40 кафедрах (з іх 19 агульнаадукацыйных) працавалі 675 выкладчыкаў, у тым ліку 68 прафесараў і дактароў навук, 209 дацэнтаў і кандыдатаў навук, займалася 7,8 000 студэнтаў, у тым ліку 255 з краін далёкага замежжа [4, с. 184]. Для іх ПВС забяспечваў выкладанне амаль двух дзясяткаў замежных моў: англійскай, арабскай, венгерскай, іспанскай, італьянскай, іўрыту, кітайскай, нямецкай, нідэрландскай, польскай, персідскай, турэцкай, французскай, шведскай, японскай, а таксама рускай і беларускай як замежных моў і інш. На цяперашні час колькасць моў вырасла на 8 і складае 24 мовы.

Першыя два гады былі вельмі важным перыядам для 45-гадовага рэктара. Як пазней адзначала Н. П. Баранава, з аднаго боку, перад кіраўніком установы вышэйшай адукацыі стаяў функцыянальны абавязак па забеспячэнні дэмакратычных прынцыпаў кіравання ў вучэбнай установе, замацаваных Уставам МДЛУ, прынятым у новай рэдакцыі ў 1994 г. [5, арк. 74], з другога боку, у той час адбывалася нараджэнне новай беларускай сістэмы адукацыі, фарміраванне якой праходзіла ў складаных умовах пераходу ад савецкай сістэмы да прынцыпова новай мадэлі адукацыі, пабудаванай з улікам інтэграцыйных працэсаў не толькі ў краінах СНД, але і на агульнаеўрапейскай прасторы [1, с. 404].

На шматлікіх нарадах, якія праводзіліся на міністэрскім і ўніверсітэцкім узроўнях, рэктар адзначала: у тых умовах было вельмі важна мець вельмі дакладныя і адназначныя адказы на ўсё пастаўленыя пытанні, паколькі кіраўніцтва шматлікіх ВНУ разумела, што за шматузроўневай сістэмай вышэйшай адукацыі будучыня, хаця б ужо таму, што яе наяўнасць – гэта

краевугольная ўмова забеспячэння адпаведнасці характару адукацыйнага працэсу ў нашай краіне сусветным адукацыйным тэндэнцыям. Але пры гэтым у рэктарата трывала захоўвалася перакананне, што вельмі важна было зберагчы нацыянальныя дасягненні, улічваць асаблівасці існуючай адукацыйнай сітуацыі, запатрабаванасці беларускага рынку працы ў спецыялістах [1, с. 412–413].

Гэтыя прынцыпова важныя фактары знайшлі замацаванне ў Праграме развіцця ўніверсітэта, прынятай у пачатку 1990-х гадоў з апорай на сусветны вопыт, які ва ўніверсітэце маглі абагульніць дзякуючы веданню замежных моў: не толькі вывучыць існуючыя на той час дасягненні, але і распрацаваць на іх аснове найбольш адэкватныя шляхі для вырашэння пастаўленых адукацыйных задач.

Такі падыход сустрэў на сваім шляху не толькі шматлікіх прыхільнікаў, але і сур'ёзных экзаменатараў, у тым ліку ў асобе вышэйшых кіруючых інстанцый: для іх універсітэт стаў своеасаблівай пляцоўкай па апрабаванні канцэпцыі гуманітарызацыі адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь. Як вынікала з Праграмы па развіцці ВНУ, яшчэ з 1992 г. Мінскі ініцыяваў па даручэнні Міністэрства адукацыі быў прызначаны ў якасці адказнага за распрацоўку гэтай Канцэпцыі. Якія ж вынікі атрымала кіраўніцтва ўніверсітэта ў справе пошуку новых падыходаў да навучання, удасканаленні структуры і зместу вучэбнага працэсу, форм, метадаў і сродкаў выхаваўчай, аўдыторнай і пазааўдыторнай работы на пераходным этапе – гэта і шмат іншага трапіла ў фокус працы камісіі Адміністрацыі Прэзідэнта ў час праверкі пытання «вывучэння метадаў кіраўнічага ўздзеяння адміністрацыі МДЛУ на абгрунтаванне зместу, умацаванне навукова-метадычнага і выхаваўчага патэнцыялу гуманітарнай адукацыі», якая працавала ва ўніверсітэце ў перыяд з 2 па 18 мая 1996 г. [6, арк.124]. Як было адзначана ў афіцыйным звароце Савета ўніверсітэта ад 24 мая 1996 г. на імя Гавы Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь М. У. Мясніковіча, праведзеная камісіяй праверка была ўспрынята як яшчэ адна магчымасць верыфікацыі правільнасці выбраных універсітэтам шляхоў па гуманітарызацыі адукацыі на прыкладзе не толькі адной ВНУ, але і ў іншых ВНУ Рэспублікі Беларусь [Там жа, арк. 126].

Адной з першых структурных задач, якія кіраўніцтва ўніверсітэта вырашала ў пачатку новага 1995/1996 навучальнага года, з'яўлялася рэарганізацыя факультэта павышэння кваліфікацыі і адкрыцце на яго аснове факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў (ФППК). Паводле Палажэння, створанага ў адпаведнасці з загадам Міністэрства адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь ад 3 мая 1995 г., новая ўніверсітэцкая структура павінна была каардынаваць дзеянні вучэбных устаноў павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў па прафесійным навучанні замежным мовам незалежна ад іх ведамаснай падначаленасці. Факультэт з'яўляўся структурным падраздзяленнем МДЛУ, які ажыццяўляў вучэбную і навукова-

метадычную працу па павышэнні кваліфікацыі выкладчыкаў замежных моў вышэйшых і сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, настаўнікаў замежных моў вучэбных устаноў новага тыпу (гімназій, ліцэяў, каледжаў), кіраўнікоў кабінетаў замежных моў інстытутаў павышэння кваліфікацыі настаўнікаў, а таксама перападрыхтоўку педагогічных кадраў для выкладання замежных моў [7, арк. 17].

У канцы 1990-х гадоў універсітэт каардынаваў навуковую і вучэбна-метадычную работу факультэтаў і аддзяленняў замежных моў дзесяці ВНУ і сямі педагогічных каледжаў рэспублікі. Найбольш паспяхова развіваліся вучэбна-навукова-метадычныя кантакты з Полацкім і Гродзенскім універсітэтамі, Баранавіцкім каледжам (які атрымаў статус вышэйшага), з Рэчыцкім каледжам, Мінскім педагогічным каледжам № 2, з лінгвагуманітарным каледжам на базе СШ № 24 г. Мінска [8, арк. 254].

На парадку дня працы ўніверсітэта ў пачатку XXI стагоддзя сталі пытанні не толькі мадэрнізацыі зместу адукацыйнага працэсу, але і стварэння больш эфектыўных умоў для яго арганізацыйнага забеспячэння, у тым ліку шляхам увядзення новых аўдыторных плошчаў. Так, у 2003 г. універсітэт завяршыў адбудову пераходу паміж вучэбнымі карпусамі “А” і “Д”. Праект, пра які думалі і марылі ініцыятары не адно дзесяцігоддзе, быў паспяхова завершаны дзякуючы арганізацыйным намаганням кіраўніцтва ўніверсітэта на чале з рэктарам Н. П. Баранавай і прарэктарам па гаспадарчай частцы М. І. Тарасевічам. Увядзенне перахода-ўстаўкі дазволіла атрымаць новыя дадатковыя плошчы. Так, напрыклад, архітэктурная забудова дазваляла выкарыстоўваць у вучэбным працэсе аўдыторыю, а таксама спрыяць адкрыццю сумеснай вучэбнай лабараторыі МДЛУ-ЭПАМ СИСТЕМЗ, Аўстрыйскай бібліятэкі, аддзела рэдкай кнігі бібліятэкі ўніверсітэта і залы факультэта міжкультурных камунікацый.

У пераліку важных здабыткаў апошняга часу неабходна назваць атрыманне ўніверсітэтам двух новых студэнцкіх інтэрнатаў, якія размяшчаліся сярод іншых забудов на тэрыторыі гэтак званай студэнцкай вёскі ў раёне вуліц Чурлёніса і праспекта Дзяржынскага. Як вядома, напярэдадні II Еўрапейскіх гульняў на тэрыторыі вёскі былі ўведзены ў строй 8 інтэрнатаў, частка якіх выкарыстоўвалася для размяшчэння ўдзельнікаў гэтых гульняў у беларускай сталіцы з 21 па 30 чэрвеня 2019 г. У гэтай сувязі неабходна адзначыць, што сярод адказных задач міжнароднага значэння, якія выконваў калектыў універсітэта, з’яўлялася падрыхтоўка валанцёраў у якасці перакладчыкаў.

У пачатку новага дзесяцігоддзя ў пераліку прыярытэтных задач значылася прафесійная кааперацыя з установамі, якія забяспечваюць атрыманне сярэдняй спецыяльнай адукацыі. Так, па рашэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь № 747 ад 28.06.2004 г. педагогічны каледж, створаны ў 1993 г. на базе Мінскага педагогічнага вучылішча № 2, быў уведзены

ў склад МДЛУ [9, арк. 21]. Пры разглядзе на пасяджэнні Савета ўніверсітэта 24 верасня 2004 г. пытання аб функцыянаванні педагагічнага каледжа ў структуры ўніверсітэта было прынята рашэнне ўключыць яго ў якасці адасобленага структурнага падраздзялення з перспекывай трансфармацыі ў лінгвагуманітарны каледж, які будзе рыхтаваць сакратароў-рэферэнтаў з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй [Там жа, арк. 7]. Праз два гады паводле загада Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь ад 10.04.2006 г. № 215 гэта пытанне было канчаткова вырашана з адкрыццём лінгвагуманітарнага каледжа МДЛУ як філіяла ўніверсітэта. Праз 6 гадоў на парадку дня паглыблення праграмы супрацоўніцтва стаяла пытанне аб стварэнні ў лінгвагуманітарным каледжы навуковай лабараторыі педагагічнага майстэрства з удзелам кафедраў метадыкі выкладання замежных моў, педагогікі і псіхалогіі [10, арк. 128].

У той жа час адбылася ліквідацыя Магілёўскага філіяла ўніверсітэта, створанага ў 1993 г. у адпаведнасці з загадам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь № 310 ад 26.10.1993 г. з мэтай падрыхтоўкі кадраў настаўнікаў замежных моў для сельскіх школ Магілёўскай вобласці [11, арк. 71]. Пры ліквідацыі філіяла адзначалася, што на працягу 12 гадоў існавання філіял вёў навучанне студэнтаў, якія былі залічаны па мэтавым наборы на аснове дагавора паміж МДЛУ і ўпраўленнем адукацыі Магілёўскага аблвыканкама і грамадзянамі на 1 курсе на дзённай форме навучання. Пасля паспяховага заканчэння 1 курса студэнты пераводзіліся на 2 курс завочнага аддзялення ўніверсітэта і ўладкоўваліся на працу ў школы Магілёўскай вобласці. У сувязі са змяненнем сітуацыі з педагагічнымі кадрамі ў рэспубліцы кіраўніцтвам універсітэта быў накіраваны запыт на імя начальніка ўпраўлення адукацыі Магілёўскага аблвыканкама аб мэтазгоднасці далейшага функцыянавання філіяла і была атрымана згода на яго закрыццё. На пасяджэнні Савета ўніверсітэта 2.06.2005 г. адпаведна была прынята пастанова аб ліквідацыі Магілёўскага філіяла МДЛУ ў адпаведнасці з Палажэннем аб філіяле навучальнай установы [Там жа, арк. 72].

Апроч таго, сярэдзіна нулявых гадоў з'явілася важным рубяжом для стварэння асобных структурных адзінак універсітэта. Так, паводле распрацаваных у красавіку 2006 г. «прыярытэтных задач дзейнасці МДЛУ ў 2006–2010 гг.» у пералік асноўных напрамкаў патрапілі змены ў структуры ўніверсітэта, у тым ліку стварэнне Інстытута павышэння кваліфікацыі, узбуйненне факультэтаў і вырашэнне лёсу педагагічнага каледжа [12, арк. 42–43].

Праз два гады ў адпаведнасці з зацверджанымі асноўнымі напрамкамі па правядзенні змен у структуры ўніверсітэта быў створаны Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў. Базай для яго стварэння сталі раней дзеючыя факультэты і кафедры, у тым ліку спецыяльны факультэт па перападрыхтоўцы кіруючых работнікаў і спецыялістаў галін эканомікі і сацыяльнай сферы Рэспублікі Беларусь, а таксама факультэт павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў (ФППК) і кафедра

трэціай замежнай мовы. Галоўнай задачай Інстытута з’яўлялася павышэнне кваліфікацыі выкладчыкаў філалагічных і лінгвістычных дысцыплін, настаўнікаў замежных моў сярэдніх і сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, метадыстаў абласных ІПК, кіраўнікоў раённых метадычных аб’яднанняў. У інстытуце ажыццяўлялася перападрыхтоўка спецыялістаў з прысваеннем кваліфікацыі “перакладчык-рэферэнт” і “выкладчык замежнай мовы”. На двух факультэтах Інстытута больш за 2 000 слухачоў штогод вывучалі замежныя мовы для прафесійных і асабістых мэт, павышалі кваліфікацыю, праходзілі стажыроўку і перападрыхтоўку [13, с. 4].

У наступным дзесяцігоддзі ва ўніверсітэце была працягнута праца, звязаная з унясеннем змен у структуру ўніверсітэта, у тым ліку на факультэцкім і кафедральным узроўнях. Так, на парадак дня было вынесена пытанне аб стварэнні факультэта раманскіх моў, адкрыцці факультэта кітайскай мовы і культуры, а таксама аптымізацыі кафедральнай структуры. У першым выпадку было аднагалосна прынята рашэнне аб стварэнні з 1 студзеня 2018 г. факультэта кітайскай мовы і культуры; у другім – аднагалоснае рашэнне аб аб’яднанні факультэтаў французскай і іспанскай моў і стварэнні з 1.01.2018 г. факультэта раманскіх моў, а таксама аб аптымізацыі кафедры паліталогіі і міжнародных адносін у складзе кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму [14, арк. 3–4]. У канцы снежня на чарговым пасяджэнні Савета ўніверсітэта па прапанове рэктара Н. П. Барановай былі ўзгоднены кандыдатуры на пасады дэканаў факультэта раманскіх моў і факультэта кітайскай мовы і культуры. На аснове аднагалоснай падтрымкі ўсімі прысутнымі членамі Савета на пасады дэкана факультэта раманскіх моў быў рэкамендаваны В. А. Паўлоўскі, на пасаду дэкана факультэта кітайскай мовы і культуры С. Я. Алейнік [15, арк. 116].

Паводле новай рэдакцыі Статута МДЛУ, зацверджанага ў Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь 11 чэрвеня 2001 г., адной з галоўнай сфер дзейнасці ўстановы вышэйшай адукацыі з’яўлялася адукацыйная, скіраваная на задавальненне патрэб студэнцкай моладзі ў інтэлектуальным, культурным, фізічным, маральным развіцці праз атрыманне вышэйшай адукацыі [16, арк. 3]. Ажыццяўленне дзейнасці па гэтым напрамку на працягу двух дзясяткаў пад кіраўніцтвам рэктарата забяспечвалі прарэктары па вучэбнай рабоце П. М. Бабінская і А. П. Бяцэня.

Моўная адукацыя ва ўніверсітэце патрабавала спалучэння глыбокай тэарэтычнай і практычнай падрыхтоўкі па трох асноўных напрамках спецыяльнасцей: “Сучасныя замежныя мовы” (пераклад), “Сучасныя замежныя мовы” (выкладанне) і “Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый”. Гэта азначала, што студэнты мелі магчымасць выбару дзвюх замежных моў і адной спецыялізацыі. Выключэннем у гэтым плане з’яўляўся факультэт міжкультурных камунікацый, на якім з сярэдзіны дзясятых гадоў перайшлі на 4,5-гадовую падрыхтоўку спецыялістаў.

Сярэдзіна нулявых гадоў стала для ўніверсітэта важным рубяжом захавання назапашаных традыцый у падрыхтоўцы спецыялістаў па замежных мовах. Сітуацыя асабліва ўскладнілася, калі ў канцы кастрычніка 2005 г. на парадку дня працы Савета ўніверсітэта абмяркоўвалася пытанне «аб пераходзе ВНУ на падрыхтоўку спецыялістаў ва ўмовах двухузроўневай вышэйшай адукацыі» [17, арк. 35]. На пасяджэнні былі агучаны вынікі апытання студэнтаў універсітэта аб магчымасці атрымання адукацыі шляхам пераходу на чатырохгадовае навучанне. Быў атрыманы пераканаўчы вынік – 88 % студэнтаў выказаліся за захаванне пяцігадовага тэрміна навучання. У выніку на пасяджэнні Савет аднагалосна падтрымаў пастанову аб немэтазгоднасці падачы заяўкі ў Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы аб арганізацыі чатырохгадовага тэрміну навучання па асноўных напрамках прафесійнай падрыхтоўкі спецыялістаў ва ўніверсітэце [Там жа, арк. 39].

У пачатку дзясятых гадоў Міністэрствам адукацыі зацвярджаецца Канцэпцыя аптымізацыі зместу, структуры і аб’ёма сацыяльна-гуманітарных дысцыплін ва ўстановах вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь (2012 г.), паводле якой забяспечвалася арганізацыя адукацыйнага працэсу з мэтай вывучэння цыкла сацыяльна-гуманітарных дысцыплін. У адпаведнасці з асноўнымі палажэннямі Канцэпцыі ўводзіліся абавязковыя вучэбныя дысцыпліны “Філасофія”, “Эканоміка”, “Паліталогія” і “Гісторыя”, якія з’яўляліся дзяржаўным кампанентам, і спецыялізаваныя дысцыпліны (не менш чым дзве па кожнай абавязковай дысцыпліне) на выбар студэнтаў, якія выкладаліся ў рамках абавязковых дысцыплін, але лічыліся кампанентам установы адукацыі.

У канцы нулявых гадоў перад кіраўніцтвам універсітэта паўстала важная задача па стварэнні падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў у сувязі з пераходам на новыя адукацыйныя стандарты [18, арк. 156]. У рэчышчы гэтага быў праведзены аналіз наяўнай вучэбнай літаратуры, якая ўтварае вучэбную базу для выкладання вучэбных дысцыплін на кафедрах універсітэта. Камісія на чале з прарэктарам па вучэбнай працы П. М. Бабінскай падрыхтавала Праграму распрацоўкі падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў на 2009–2012 гады [18, арк. 156–167], з якой вынікала, што на кафедрах, дзе пачалі забяспечваць выкладанне вучэбных дысцыплін у адпаведнасці з патрабаваннямі пераходу на новыя адукацыйныя стандарты, існуе вострая патрэба ў падрыхтоўцы 58 % вучэбных дапаможнікаў. У пераліку важных фактараў было адзначана павелічэнне ролі самастойнай работы студэнтаў, для больш эфектыўнай арганізацыі іх працы неабходна распрацоўваць і публікаваць новыя вучэбныя выданні. Ва ўхваленай на пасяджэнні Савета ўніверсітэта Праграме былі зацверджаны 319 пазіцый вучэбных выданняў, якія планавалася падрыхтаваць на працягу чатырох гадоў з 2009 па 2012 г., з іх у першы год – 164, у другі – 73, у трэці – 49 і чацвёрты – 33 назвы вучэбных выданняў. Самая вялікая колькасць з іх была заяўлена дзвюма кафедрамі, адпаведна інтэнсіўнага навучання замежным мовам – 23 і тэорыі і практыкі перакладу

(нямецкая мова) – 21 вучэбнае выданне [18, арк. 165–167]. Як вынік, ва ўніверсітэце не толькі вядзецца сістэматычная распрацоўка падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў, у тым ліку ЭВМК, але і паспяхова працуюць аўтарскія калектывы па стварэнні нацыянальных падручнікаў па замежных мовах для школ рэспублікі.

Лінгвістычны ўніверсітэт у гэтыя гады стаў яшчэ больш вядомым далёка за межамі Беларусі дзякуючы пашырэнню навуковых кантактаў паміж профільнымі спецыялістамі, а таксама дзякуючы актыўнаму ўдзелу ў навуковай і навукова-даследчай дзейнасці прафесарска-выкладчыцкага складу. Вырашэнне гэтай важнай задачы забяспечвалі прарэктары А. В. Зубаў, А. М. Гарлатаў і Л. А. Тарасевіч.

Не меншае значэнне сярод інавацый ўніверсітэта мае распрацоўка праграмы аб стварэнні і развіцці інавацыйнай навукова-адукацыйнай і навукова-вытворчай структуры – лінгвапарк [19, арк. 30–31]. Паводле Канцэпцыі, падрыхтаванай у 2013 годзе, лінгвапарк павінен уключаць навукова-адукацыйныя падраздзяленні МДЛУ, яго даследчыя і навукова-практычныя цэнтры, якія ажыццяўляюць распрацоўку і забяспечваюць укараненне інавацыйнага лінгвістычнага прадукту ў розныя сферы дзейнасці ў краіне і за яе межамі [19, арк. 36–40]. Пачаткам такой дзейнасці стала адкрыццё цэнтра дыстанцыйнага навучання і лабараторыі перакладчыцкага майстэрства. Сам па сабе лінгвапарк – новая структура, таму шматлікія напрамкі яго дзейнасці пакуль яшчэ з’яўляюцца эксперыментальнымі. Але для кіраўніцтва ўніверсітэта было відавочным, што вырашэнне пастаўленай задачы створыць базу для адкрыцця комплексу навукова-адукацыйных і навукова-вытворчых цэнтраў і лабараторый і ўкаранення, выкарыстання ў навучальным працэсе навуковых дасягненняў айчынных вучоных у дзейнасці лінгвапарку [Там жа, арк. 40].

У адпаведнасці з Канцэпцыяй, у складзе лінгвапарку прадугледжвалася стварэнне Цэнтра апрацоўкі інавацыйных дыдактычных матэрыялаў, Цэнтра перакладчыцкіх паслуг, Цэнтра дыстанцыйнага навучання, лексікаграфічнага Цэнтра, Цэнтра РР-тэхналогій і іміджалогіі, Цэнтра камп’ютарнага дызайну і рэкламы, Цэнтра моўнага суправаджэння турыстычных паслуг, Цэнтра тэсціравання і сертыфікацыі, Цэнтра моўнай падтрымкі веб-сайтаў, лабараторыі перакладчыцкага майстэрства, сінтэзу мовы, параўнальнай лінгвакультуралогіі і этнаграфіі і інш. Толькі за 2017–2018 гг. лінгвапарк прапанаваў паслуг на суму больш за 16,4 тыс. рублёў.

Універсітэт быў добра вядомы сярод навуковай грамадскасці Беларусі і за яе межамі, славіцца сваімі шасцю навуковымі школамі: выкладання замежных моў (Н. П. Баранава, А. Ф. Будзько, Н. В. Дземчанка, І. М. Анрэсян, І. Г. Каласоўская, Н. Я. Лапцева, А. П. Панімаў, Т. П. Лявонцьева, М. Г. Гец і інш.); арганізацыі тэкстаў (А. В. Зубаў); фанетычнай школай (Н. С. Еўчык, А. Б. Карнеўская); дыкурсалогіі, лінгвапрагматыкі і лінгвакультуралогіі (Т. П. Карпіловіч, А. Г. Задворная, Н. Ю. Паўлоўская); лексічнай семантыкі

(З. А. Харытончык, Л. М. Лешкова, А. Г. Лукашанец); псіхалогіі мовы (М. Ц. Ярчак). Вядучыя вучоныя ўніверсітэта вялі даследаванні ў вобласці семантыкі, семіётыкі, прагматыкі, па тэорыі дыскурсу, замежнай літаратуры, замежнай педагогіцы, методыцы выкладання замежных моў, псіхалогіі навучання мовам [13, с. 5]. За 2014–2018 гг. была зладжана 181 міжнародная навуковая і навукова-практычная канферэнцыя з удзелам замежных вучоных з дзясяткаў краін.

У другой палове 1990-х гадоў вядучыя навукоўцы ўніверсітэта распрацоўвалі тэмы ў вобласці фундаментальных, пошукавых і прыкладных даследаванняў. Дынаміку іх росту ў МДЛУ можна прасачыць у табл. 1.

Т а б л і ц а 1

Колькасны рост фундаментальных даследаванняў з 1995 па 1998 г.

Даследаванні	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Фундаментальныя	9	9	18	19
Пошукавыя	8	12	29	28
Прыкладныя	9	16	10	10
Усяго:	26	37	57	57

З табл. 1 вынікае: за чатыры гады колькасць фундаментальных даследаванняў вырасла ўдвая, пошукавых – у 3,5 разы; за пяць гадоў ва ўніверсітэце было абаронена 50 кандыдацкіх і 6 доктарскіх дысертацый [8, арк. 257]. Рэктарат універсітэта надаваў пастаянную ўвагу дзейным мерам па захаванні і памнажэнні навукова-педагагічна патэнцыялу вышэйшай кваліфікацыі. На 1 студзеня 2001 г. колькасць навукова-педагагічных кадраў складала 682 чалавекі, з якіх дактароў навук – 17, кандыдатаў навук – 181. Усяго ў першы год новага веку 16 супрацоўнікамі ўніверсітэта былі абаронены дысертацыі, у тым ліку 2 доктарскія (Н. С. Еўчык і А. Г. Задворная) і 14 кандыдацкіх работ [20, арк. 28, 32–34]. На 31 снежня 2003 г. кадравы навуковы патэнцыял ВНУ вызначалі наступныя лічбы: усяго колькасць штатнага ППС 707 чалавек, з якіх 218 чалавек мелі ступені доктара (21) і кандыдата (197) навук, што з’яўлялася амаль трацінай (30,85 %) ад агульнай колькасці выкладчыкаў універсітэта [21, арк. 56].

Адпаведна даведцы аб стане навукова-даследчай работы ў МДЛУ за 2014–2018 гг. яго супрацоўнікамі было распрацавана і адпаведна выдадзена ўніверсітэтам 144 зборнікі навуковых прац і матэрыялаў канферэнцый, 46 манаграфій, 90 падручнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, звыш 600 вучэбна-метадычных дапаможнікаў (табл. 2), а таксама абаронена 38 кандыдацкіх і 4 доктарскія дысертацыі. На базе ўніверсітэта праведзена звыш 180 навуковых канферэнцый, семінараў і круглых сталоў. Толькі ў 2019 г. ва ўніверсітэце прайшлі абароны 16 дысертацый на саісканне

ступені кандыдата навук. Па стане на 1 студзеня 2020 г. штат ПВС складаў 625 чалавек, з якіх 25 прафесараў і дактароў навук, 229 дацэнтаў і кандыдатаў навук.

Табліца 2

Дынаміка росту выданняў у МДЛУ за 2014–2018 гг.

2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
132	113	93	141	125

Вынікі навуковых даследаванняў, у тым ліку фундаментальных, шырай выкарыстоўваліся ў навучанні студэнтаў. Так, штогод расла колькасць навукова-даследчых распрацовак, якія знайшлі ўкараненне ў вучэбным працэсе: калі ў 2014 г. іх было толькі 6, праз год стала 36, дык праз 5 гадоў колькасць распрацовак, уведзеных у вучэбны працэс, вырасла да 46 адзінак. Агульная ж колькасць за гэты час склала 132 распрацоўкі, падрыхтаваныя выкладчыкамі ўніверсітэта.

Вялікую ўвагу кіраўніцтва ўніверсітэта надавала таксама гуманітарным аспектам развіцця будучага спецыяліста як непасрэднага суб'екта не толькі адукацыйнага, але і выхаваўчага працэсу. За гэты напрамак працы адказвалі прарэктары па вучэбна-выхаваўчай працы А. М. Рашчынская, І. І. Рыжыкава, У. М. Пашкевіч.

Адзін з такіх аспектаў факусіраваўся на міры і талерантнасці маладых людзей праз вывучэнне замежных моў. З мэтай распаўсюджання ідэй гуманізму і культуры міра ў беларускім грамадстве шляхам выкладання і вывучэння замежных моў у верасні 1999 г. па ініцыятыве кіраўніцтва ўніверсітэта і пры падтрымцы ЮНЕСКА ў рамках праграмы UNITWIN/UNESCO была створана кафедра ЮНЕСКА “Мір і талерантнасць праз вывучэнне моў і грамадзянскую адукацыю”^{*}. Пагадненне аб стварэнні кафедры ЮНЕСКА падпісана рэктарам МДЛУ Н. П. Баранавай і Генеральным дырэктарам ЮНЕСКА Ф. Майорам. Новае пагадненне было падпісана ў 2014 г. рэктарам універсітэта Н. П. Баранавай і Генеральным дырэктарам ЮНЕСКА І. Бокавай. Як вынікае з палажэння аб кафедры ЮНЕСКА, галоўным прызначэннем гэтай структурнай адзінкі з’яўляецца пошук новых падыходаў да падрыхтоўкі педагагічных кадраў, развіцця грамадзянскай адукацыі праз выкладанне і вывучэнне замежных моў. Дзеля дасягнення акрэсленай мэты неабходна вырашэнне наступных задач, у тым ліку: наладжванне супрацоўніцтва з падобнымі кафедрамі ўнутры краіны, так і за яе межамі, удзел у міжуніверсітэцкіх праграмах і праектах; каардынацыя навукова-даследчай дзейнасці на аснове гуманізму і іншых дэмакратычных каштоўнасцей; аб’яднанне

^{*}Аўтар выказвае шчырую падзяку кіраўніку кафедры ЮНЕСКА МДЛУ У. В. Пашкевічу за інфармацыйную падтрымку.

намаганняў дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый у забеспячэнні доступу да новых ідэй грамадзянскай адукацыі; прапаганда і распаўсюджанне новых стратэгіяў і тэхналогій у вобласці грамадзянскай адукацыі асобы; укараненне лепшага сусветнага вопыту ў вобласці культуры свету і грамадзянскай адукацыі ў вучэбна-выхаваўчы працэс МДЛУ і іншых адукацыйных устаноў; інтэнсіфікацыя моўнай падрыхтоўкі студэнтаў праз стварэнне ўмоў для міжкультурнага ўзаемадзеяння.

Пытанні абнаўлення зместу, форм і метадаў вучэбна-выхаваўчага працэсу з мэтай паглыблення сацыяльна-прафесійных інтарэсаў і актывізацыі пазнавальнай дзейнасці студэнтаў пастаянна знаходзіліся ў фокусе ўвагі рэктарата, выхаваўчага ўпраўлення, кіраўніцтва факультэтаў і кафедраў.

У цэнтры такой працы – пастаянны пошук адказаў на пытанні аб цяперашнім студэнце ўвогуле і студэнце лінгвістычнага ўніверсітэта ў прыватнасці з веданнем яго светапоглядаў, каштоўнасцей, матэрыяльнага становішча і іншых аспектаў жыццядзейнасці, а таксама вызначэнне ўласнай стратэгіі паводзін у паўсядзённым жыцці. Таму не было выпадковым, што пытанне аб сацыяльным партрэце студэнта МДЛУ было пастаўлена на парадок дня і разгледжана на пасяджэнні Савета ўніверсітэта ў канцы мая 2003 г.

Для ўсебаковага аналізу пытання працавала камісія на чале з прарэктарам па выхаваўчай працы А. М. Рашчынскай, цягам цэлага семестра праводзілі сацыялагічнае апытанне і індывідуальнае суразмоўе сярод студэнтаў 1–3 і часткова 5 курсаў дзённай формы навучання. Усяго былі задзейнічаны 608 студэнтаў, сярод якіх 92 юнакі. У выніку праведзенага даследавання і аналізу атрыманых даных камісіі ўдалося выявіць характэрныя рысы студэнта МДЛУ: на аднаго юнака прыходзіцца пяць дзяўчат; студэнтаў цалкам задавальняюць адносіны да іх выкладчыкаў, узровень выкладання і ўзровень складанасці вучэбных праграм; адносіны адміністрацыі да студэнтаў не знаходзілі выключна аднадушнага ўхвалення; узровень матэрыяльна-тэхнічнай базы не заўсёды адпавядае запытам студэнтаў; студэнты часам прапускаюць заняткі; у іх рэдка ўзнікаюць канфлікты з выкладчыкамі, але калі такое мае месца, то галоўнай прычынай канфліктаў з'яўляецца асабістая непрыхільнасць выкладчыкаў да студэнтаў; існуе значная арыентацыя студэнтаў на атрыманне другой вышэйшай адукацыі і працу (навучанне) за мяжой; галоўнымі ўмовамі для дасягнення поспеху, па меркаванні студэнтаў, з'яўляюцца дзелавае хватка, прадпрымальнасць і працавітасць; здароўе, сям'я і каханне – асноўныя жыццёвыя каштоўнасці студэнтаў універсітэта; у сваіх папличніках студэнты больш за ўсё паважаюць інтэлект, шчырасць і чэснасць, у выкладчыках – прафесіяналізм, справядлівасць і разуменне; студэнты не праяўляюць актыўнага жадання ўдзельнічаюць у дзейнасці маладзёжных аб'яднанняў; студэнты МДЛУ ганарацца гісторыяй Беларусі; для студэнтаў вялікае значэнне адыгрываюць міжнацыянальная сяброўства, веданне гісторыі Беларусі і беларускай мовы, любоў да малой

радзімы; большасць студэнтаў лічаць сябе веруючымі, хоць не шмат з іх прытрымліваюцца рэлігійных абрадаў і свят; каханне і закаханасць з'яўляюцца нормай для асноўнай масы студэнтаў; у асноўным студэнты МДЛУ вядуць здаровы вобраз жыцця, хоць існуе зусім нязначная частка студэнтаў, якія патэнцыяльна залежныя ад шкодных звычак; актуальнымі праблемамі для студэнтаў з'яўляюцца вялікая занятасць вучэбнымі заняткамі і матэрыяльнымі клопатамі.

У заключэнні камісіі прагучалі словы пра тое, што спроба стварыць агульную карціну жыцця студэнтаў МДЛУ, у якой адлюстраваны характэрныя рысы сучаснай моладзі, не заўсёды раскрывае індывідуальнасць і непаўторнасць студэнтаў, і ўяўленне пра іх немагчыма абмежаваць рамкамі абагульненага партрэта [22, арк. 217–218].

Студэнцкая моладзь пастаянна знаходзілася ў фокусе ўвагі рэктарата, упраўлення выхаваўчай працы і дэканатаў. Так, у канцы 2017 г. на пасяджэнні Савета ўніверсітэта разглядалася пытанне “аб рэалізацыі дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ва ўніверсітэце: задачы, шляхі іх вырашэння” (дакладчык У. В. Пашкевіч). У пастанове Савета адзначалася, што праца прызнавалася цалкам “станоўчай”. Адзначалася, што мэтай такой палітыкі з'яўляецца стварэнне неабходных умоў для сацыяльнага станаўлення і развіцця моладзі, рэалізацыі творчага патэнцыялу маладога пакалення ў інтарэсах развіцця грамадства. У практыку далейшай работы са студэнцкай моладдзю ўводзіўся рэгулярны маніторынг па выяўленні патрэбнасцей і інтарэсаў студэнтаў МДЛУ з мэтай больш дакладнай расстаноўкі акцэнтаў у правядзенні выхаваўчай працы. У якасці прыярытэтных задач дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі вызначаліся: 1) стварэнне больш спрыяльных умоў, у тым ліку фінансавых і матэрыяльна-тэхнічных, з мэтай больш поўнай рэалізацыі задач, накіраваных на развіццё студэнтаў як будучых прафесіяналаў; 2) сацыяльна-педагагічная падтрымка студэнтаў, у тым ліку тых, хто знаходзіцца ў цяжкіх сацыяльных умовах; 3) садзейнічанне рэалізацыі маладзёжных грамадска значных ініцыятыў, накіраваных на фарміраванне адказнага і актыўнага імкнення моладзі да ўдзелу ў грамадскім жыцці краіны і ўніверсітэта [22а, арк. 78–79].

У ходзе абмеркавання даклада адзначалася, што ў нашым універсітэце на працягу доўгага часу гэтаму пытанню надаецца асаблівая ўвага. Зыходным крытэрыем для кіраўніцтва стала палажэнне аб тым, што студэнт, які атрымлівае адукацыю ў сценах МДЛУ, павінен мець усе магчымасці не толькі для паспяховага навучання, але і для ўсебаковага развіцця. Не на словах, а на справе кожны студэнт універсітэта можа праявіць сябе ў творчасці, спорце, валанцёрскай дзейнасці. Так, ва ўніверсітэце функцыянуюць аматарскія калектывы мастацкай творчасці: студэнцкі хор МДЛУ “Cantus Juventae” – кіраўнік А. А. Клімовіч, тэатр танца “Renaissance dance” – кіраўнік Я. К. Місевіч, вакальная студыя “АРТ-група” – кіраўнік Т. В. Міхалькевіч,

студыя эстраднага вакалу “Фольск-Мадэрн” – кіраўнік А. С. Кавалёва, творчае аб’яднанне КВН МДЛУ – кіраўнік С. М. Герашчанка. Усяго ў творчых калектывах занята 294 студэнты. Па выніках конкурсу “Бітва за медыум” яго ўдзельнікі былі адзначаны асобай узнагародай рэктарата – экскурсійнай паездкай “Мінск – Рыга – Хельсінкі – Стакгольм”, а каманда КВН – паездкай у Санк-Пецярбург. Таксама хор універсітэта стаў лаўрэатам конкурсу 2017 г. у Будапешце [22а, арк. 96–97].

Сярод новых і перспектывных задач, якія тады стаялі на парадку дня, кіраўніцтва бачыла інфарматызацыю ўніверсітэта. У канцы 2006–2007 навучальнага года была прынята спецыяльная «Канцэпцыя інфарматызацыі ўніверсітэта на 2006–2010 гг.», зацверджаная рашэннем Савета 28.06.2007 г. [Там жа, арк. 266–275]. У прадмове да Канцэпцыі адзначалася, што яна ўяўляе сабой сістэму палажэнняў, якія вызначаюць асноўныя мэты, задачы, напрамкі, прыярытэты і прынцыпы інфармацыйнага развіцця МДЛУ ў сучасных сацыяльна-эканамічных умовах. Менавіта апошнія паставілі на парадак дня задачу аб неабходнасці распрацоўкі новай Канцэпцыі інфарматызацыі ВНУ, паколькі дзеючая да гэтага праграма была разлічана на тэрмін з 1998 па 2005 г., і яе выкананне дазволіла ўніверсітэту падрыхтаваць базу для стварэння адзінага адукацыйнага інфармацыйнага асяродку, дзякуючы чаму ўстанова вышэйшай адукацыі выйшла на якасны новы ўзровень у сферы інфарматызацыі [Там жа, арк. 267].

Як адзначалася ў зацверджанай Саветам універсітэта Канцэпцыі, яе рэалізацыя дазволіць ВНУ павысіць канкурэнтаздольнасць у адукацыйнай прасторы, павялічыць колькасць і якасць інфармацыйна-адукацыйных рэсурсаў. Гэта адпавядала асноўным палажэнням Дзяржаўнай праграмы інфарматызацыі Рэспублікі Беларусь на 2003–2005 гг. «Электронная Беларусь» і перспектыве да 2010 года. Дасягненне сучаснага ўзроўню інфарматызацыі дазволіць МДЛУ ажыццявіць рашэнне наступных актуальных задач: стварыць адзіную тэлекамунацыйную прастору ўніверсітэта; мадэрнізаваць інфармацыйна-адукацыйнае асяроддзе ўніверсітэта на аснове інтэграцыі камунікатыўных, мультымедыятэхналогій і відэаканферэнцый; удасканаліць змест адукацыі на аснове ІКТ (стварэнне і выкарыстанне мультымедыйных канспектаў лекцый, электронных вучэбных дапаможнікаў і інш.); укараненне новых адукацыйных тэхналогій і прынцыпаў арганізацыі навучальнага працэсу, у тым ліку з выкарыстаннем сучасных інфармацыйных і тэлекамунацыйных тэхналогій, для падрыхтоўкі спецыялістаў на ўсіх формах навучання, а таксама ў сістэме павышэння кваліфікацыі ПВС і УВП; актыўнае выкарыстанне магчымасцей глабальнай сеткі Інтэрнэт і карпаратыўнай сеткі ўніверсітэта ў адукацыйным працэсе ўніверсітэта [23, арк. 273].

Важна адзначыць, што факт завяршэння комплекснай Праграмы ўніверсітэта стаў прадметам абмеркавання на пасяджэнні Савета 26.11.2010 г. [17а, арк. 79]. Падводзячы вынікі, старшыня пасяджэння Н. П. Баранава

адзначыла, што праграма, аснову якой складалі тры прыярэтыты, у цэлым выканана. Да ліку прыярытэтаў былі аднесены: 1) мадэрнізацыя ўнутранай сеткі ўніверсітэта, якая стала адпавядаць сучасным параметрам; 2) забеспячэнне ўстановы неабходнай колькасцю камп'ютарнай тэхнікі; 3) падрыхтоўка кадраў для работы з новай тэхнікай. Да ліку актуальных была аднесена задача аб эфектыўнасці выкарыстання камп'ютарных класаў як выкладчыкамі, так і студэнтамі. Яе рашэнне лягло ў аснову рашэння Савета аб распрацоўцы «Трэцяй комплекснай праграмы інфарматызацыі ўніверсітэта на 2011–2015 гады» [24, арк. 84].

У сярэдзіне нулявых гадоў кіраўніцтва ўніверсітэта надавала асаблівую ўвагу пашырэнню кантактаў з замежнымі краінамі з мэтай заключэння доўгатэрміновых дагавораў аб супрацоўніцтве [25, арк. 11–20]. Так, на верасень 2009 г. аб такім супрацоўніцтве сведчылі 75 дагавораў і 21 міжнародны адукацыйны праект, падпісаныя з замежнымі партнёрамі, у тым ліку з Саветам Еўропы, Еўрапейскім цэнтрам сучасных замежных моў, ЮНЕСКА, Міжнароднай асацыяцыяй перакладу і інш. У якасці асобнага прыярытэтнага напрамку вызначылася прыцягненне на розныя формы навучання замежных студэнтаў. Калі на перакладчыцкім факультэце лічба замежных студэнтаў у 2009–2010 навучальным годзе складала 253 чалавекі і вырасла за апошнія 5 гадоў больш чым удвая, дык на факультэце рускай мовы для замежных грамадзян за гэты ж час колькасць навучэнцаў дасягнула лічбы ў 420 студэнтаў, якія прыехалі на навучанне рускай мове з 34 краін свету. Усяго за пяцігадовы перыяд на факультэце навучаліся 1 414 замежных грамадзян з 57 краін: з Азербайджана, Аргенціны, Бельгіі, Вялікабрытаніі, Венесуэлы, В'етнама, Грузіі, Ізраіля, Ірака, Іспаніі, Італіі, Йемена, Казахстана, Лівіі, Канады, КНР, Лівана, Літвы, Марока, Польшчы, Расіі, Туркменістана, Украіны, Фінляндыі, ФРГ, Швейцарыі і іншых краін свету [Там жа, арк. 14].

Пачатак кастрычніка 2011 г. стаў паваротным у жыцці ўніверсітэта ў сувязі з тым, што ў установе быў адкрыты Інстытут Канфуцыя [26, арк. 1–14]. Асаблівае значэнне адкрыццю гэтай установы ў МДЛУ надаў візіт у ўніверсітэт 18 верасня 2011 г. высокай урадавай дэлегацыі Кітая на чале са Старшынёй Пастаяннага камітэта Усекітайскага сходу народных прадстаўнікоў спадаром У Банга. Прыбыццё высокай дэлегацыі азначала ні што іншае, як пачатак урачыстай цырымоніі адкрыцця Інстытута Канфуцыя прадстаўнікамі кітайскага боку. Нагадаем, што на той момант ва ўніверсітэце 237 студэнтаў вывучалі кітайскую мову: з іх 71 студэнт – як першую замежную мову, 146 – як другую замежную мову. Апроч таго, 20 чалавек з ліку дзяржаўных служачых і бізнесменаў вывучалі кітайскую мову на факультэце замежных моў для кіруючых работнікаў і спецыялістаў, 12 – на вячэрніх курсах. Ва ўніверсітэце на момант адкрыцця Інстытута Канфуцыя кітайская мова вывучалася на перакладчыцкім факультэце, факультэце англійскай мовы і міжкультурных камунікацый. Важна мець на

ўвазе, што першы Інстытут Канфуцыя быў адкрыты ў 2004 г. у сталіцы Рэспублікі Карэя – Сеуле. Праз сем гадоў геаграфія гэтай установы пашырылася на 104 краіны, пры гэтым адкрыты ў МДЛУ Інстытут Канфуцыя быў 354-ы па ліку [26, арк. 13].

Сярод галоўных задач Інстытута Канфуцыя адзначаюцца: 1) павышэнне эфектыўнасці і якасці падрыхтоўкі настаўнікаў кітайскай мовы; 2) павышэнне якасці навучання кітайскай мове ў школах рэспублікі; 3) павышэнне якасці падрыхтоўкі перакладчыкаў і спецыялістаў па міжкультурных камунікацыях; 4) вучэбна-метадычнае забеспячэнне выкладання кітайскай мовы ў сістэме дадатковай адукацыі дарослых; 5) правядзенне навукова-метадычных і навукова-практычных канферэнцый; 6) падрыхтоўка і выданне нацыянальных падручнікаў і вучэбна-метадычных матэрыялаў для выкладання кітайскай мовы на ўсіх узроўнях адукацыі. Як было адзначана на пасяджэнні Савета ўніверсітэта, адкрыццё Інстытута Канфуцыя ў МДЛУ ўнясе значны ўклад у далейшае распаўсюджанне культуры дзвюх краін і іх народаў [Там жа, арк. 14].

У гэтым кантэксце не было выпадковым рашэнне аб далейшым павышэнні якасці выкладання кітайскай мовы ва ўніверсітэце. На дасягненне гэтага было накіравана рашэнне Савета, у якім сярод першачарговых задач значыліся: 1) рэгулярнае павышэнне прафесійнага ўзроўню выкладчыкаў кітайскай мовы шляхам стажыровак у КНР і пашырэння супрацоўніцтва з выкладчыцкім складам Інстытута Канфуцыя ў МДЛУ; 2) актывізацыя распрацоўкі вучэбных дапаможнікаў і дыдактычных матэрыялаў па дысцыплінах кітайскай мовы выкладчыкамі кафедры ўсходніх моў у супрацоўніцтве з Інстытутам Канфуцыя і максімальнае выкарыстанне яго магчымасцей у адукацыйным працэсе пры вывучэнні кітайскай мовы [27, арк. 79–80].

У праграме інавацыйнага развіцця ўніверсітэта ў другім дзесяцігоддзі новага тысячагоддзя значылася стварэнне філіялаў кафедраў універсітэта пры адукацыйных установах сістэмы сярэдняй адукацыі. Філіялы кафедры, якія планавалася стварыць па-за межамі ўстановы вышэйшай адукацыі, разглядаліся як структурныя падраздзяленні кафедры. Галоўныя задачы філіялаў – сістэматычная работа па паглыбленні і абагульненні псіхалага-педагагічных, метадычных, спецыяльных ведаў студэнтаў у працэсе мэтанакіраванага педагагічнага ўзаемадзеяння з настаўнікамі, вучнямі гімназіі; асваенне студэнтамі сістэмы прафесійнай вучэбнай дзейнасці і па-зааўдзиторнай працы; вывучэнне студэнтамі перадавога вопыту па навучанні замежным мовам; арганізацыя практычнага засваення студэнтамі сучасных метадык, ажыццяўлення інавацыйна-педагагічнай дзейнасці і г.д. Функцыі філіялаў кафедры – прымаць удзел у кіраўніцтве вучэбна-вытворчай і вытворчай практыкай, навукова-даследчай працай студэнтаў, курсавога і дыпломнага праектавання; у распрацоўцы пытанняў метадычнага забеспячэння адукацыйнага працэсу па профілю кафедры; праводзіць прафарыен-

тацыйную працу; рыхтаваць і прыцягваць педагогаў гімназій да педагогічнай дзейнасці ў філіяле кафедры; ствараць інфармацыйную базу новых педагогічных тэхналогій па сваім профілі. У склад філіялаў кафедраў уваходзяць выкладчыкі, аспіранты, магістранты адпаведных кафедраў, а таксама вядучыя спецыялісты гімназіі. Як вынік, на пасяджэнні 29.06.2012 г. Савет універсітэта прыняў рашэнне аб стварэнні філіялаў: кафедры методыкі выкладання замежных моў у гімназіі № 30 г. Мінска, кафедры педагогікі ў гімназіі № 5 г. Мінска, СШ № 182, гімназіі № 2 г. Оршы [28, арк. 127–134], педагогікі і методыкі вышэйшай школы [27, арк. 79], кафедры ўсходніх моў на базе гімназіі № 12 г. Мінска [29, арк. 84]. На цяперашні час створаны 10 філіялаў універсітэцкіх кафедраў на базе школ, гімназій і іншых устаноў адукацыі г. Мінска.

Важнай падзеяй у паўсядзённым жыцці ўніверсітэта стала прэзентацыя кнігі ўспамінаў былога рэктара Мінскага іняза Н. Г. Красновай «Страницы моей жизни», якая прайшла з удзелам прафесарска-выкладчыцкага складу ў пачатку верасня 2012 г. Яе адметнасцю стала глыбокая зацікаўленасць прысутных у незабыўных старонках працоўнай дзейнасці і жыцця, важных падзеях і адметных сустрэчах з людзьмі сваёй эпохі і працы ў МДПІЗМ. Як адзначалі прысутныя ў сваіх выступленнях, жыццёвыя назіранні, якімі шчыра дзялілася Ніна Георгіеўна Краснова, маюць гістарычную і выхаваўчую каштоўнасць, працягваюць шматгадовыя традыцыі мінскага іняза.

У гэты перыяд кіраўніцтва ўніверсітэта рабіла шмат заходаў дзеля ўваходжання ў Еўрапейскую прастору вышэйшай адукацыі. Так, у верасні 2015 г. Савет універсітэта абмеркаваў пытанне аб першачарговых задачах адукацыйнай установы па удзеле ў мерапрыемствах, звязаных з распрацоўкай Дарожнай карты развіцця сістэмы вышэйшай адукацыі на аснове прынцыпаў і мэт Балонскага працэсу ў 2015–2018 гг. У дакладзе, з якім выступіла прарэктар па вучэбнай працы А. П. Бяценья, былі паказаны фундаментальныя каштоўнасці Еўрапейскай прасторы вышэйшай адукацыі, вызначаны галоўныя напрамкі дзейнасці ўніверсітэта, звязаныя з распрацоўкай рамак кваліфікацыі, забеспячэннем якасці адукацыі, прызнаннем кваліфікацый, інструментамі забеспячэння празрыстасці і адкрытасці, міжнароднай мабільнасцю і інтэрнацыяналізацыяй вышэйшай адукацыі атрыманнем адукацыі цягам ўсяго жыцця і сацыяльным вымярэннем вышэйшай адукацыі [30, арк. 18–21].

У мінулыя гады ўніверсітэт актыўна развіваў міжнароднае супрацоўніцтва, набыў заслужаны аўтарытэт у міжнародных арганізацыях і сярод універсітэтаў-партнёраў. Як вынік, падпісанне звыш 130 дагавораў аб супрацоўніцтве ў абласях адукацыі і навуковых даследаванняў з замежнымі ўстановамі адукацыі з больш чым 30 краін. МДЛУ з'яўляецца актыўным членам некалькіх прэстыжных міжнародных арганізацый, сярод якіх Міжнародная асацыяцыя ўніверсітэтаў, якія ажыццяўляюць падрыхтоўку прафесіянальных перакладчыкаў (CUITI), Асацыяцыя ўстаноў вышэйшай адука-

цыі, акрэдытаваных пры ААН (якія падпісалі Мемарандум аб узаемадзеянні з ААН), Сусветная асацыяцыя ўніверсітэтаў замежных моў (GAFSU), Кансорцыум гуманітарных універсітэтаў дзяржаў-членаў ШОС і інш. [31].

Выпускнікі ўніверсітэта працуюць у больш чым 40 краінах свету: у міжнародных арганізацыях ААН, ЮНЕСКА, МАГАТЭ, Сусветным банку, а таксама ў розных дзяржаўных установах, пачынаючы ад Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, урадавых міністэрстваў, НДІ, розных устаноў адукацыі, замежных амбасад і прадстаўніцтваў краіны за яе межамі да буйных ІТ-кампаній, аддзелаў міжнародных сувязяў, PR-агенцтвах, турыстычных фірмаў, радыё і тэлебачання, рэдакцый газет і часопісаў і інш.

На працягу чатырох гадоў (з 15.11.2004 па 31.10.2008 гг.) Н. П. Баранав з’яўлялася сенатарам – членам Савета Рэспублікі, працавала ў Пастаяннай камісіі Савета Рэспублікі, дзе адказвала за пытанні адукацыйнай палітыкі. Па даручэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь прадстаўляла краіну ў Пастаянным камітэце па адукацыйнай палітыцы і практыцы Савета Еўропы, дзе актыўна працавала ў бюро гэтага камітэта. У студзені 2010 г. у рамках візіту ў Беларусь намесніка генеральнага сакратара ААН па справах Генеральнай Асамблеі і канферэнцыйным кіраванні Мухамеда Шаабана кіраўніцтва ўніверсітэта на чале з Н. П. Баранавай падпісала Мемарандум аб супрацоўніцтве паміж установай адукацыі “Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт” і сакратарыятам ААН з мэтай пашырэння далейшага супрацоўніцтва і працы беларускіх спецыялістаў у Сакратарыяце ААН [32].*

Прапанаваны матэрыял сведчыць: дзякуючы адданай працы Н. П. Баранавай ўніверсітэт цвёрда ўтрымліваў перадавыя пазіцыі ў вобласці моўнай адукацыі і стаў яе агульнапрызнаным флагманам у Рэспубліцы Беларусь і далёка за яе межамі. За дасягненне высокіх вынікаў у сацыяльна-эканамічным развіцці МДЛУ занесены на дошку Гонару Партызанскага раёна г. Мінска.

За высокія дасягненні ў працы, асабісты ўклад у сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё горада Мінска па выніках 2006/2007 год рэктару МДЛУ Н. П. Баранавай была прысвоена ганаровае званне “Мінчанін года” у вобласці вышэйшай адукацыі і навукі [33].

За шматгадовую працу Н. П. Баранав неаднаразова адзначалася высокімі ўрадавымі ўзнагародамі, у тым ліку ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь (2000 г.), ганаровай граматай Рэспубліканскага грамадскага аб’яднання “Белая Русь” (2013 г.), граматай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2014 г.), Ганаровай граматай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2015 г.), Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь (2015 г.), Ганаровай граматай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2020 г.), Падзякай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2020 г.) [1, арк. 1 адв.].

*Аўтар выказвае шчырую падзяку дэкану перакладчыцкага факультэта А. П. Пані-матка за інфармацыйную падтрымку.

Такім чынам, чвэрць стагоддзя, аддадзенага Н. П. Баранавай разам з камандай прарэктараў, дэканаў, выкладчыкаў, супрацоўнікаў і студэнтаў справе развіцця вядучай лінгвістычнай установы вышэйшай адукацыі нашай краіны пераканаўча сведчаць, што ўніверсітэт працягнуў традыцыю па далейшым руху наперад у адпаведнасці з лепшымі беларускімі і сусветнымі дасягненнямі ў сістэме адукацыйнай палітыкі, практыкі і менеджменту. Установа вышэйшай адукацыі стала флагманам лінгвістычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, СНД, Еўропе і свеце.

У выступленні Главы Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь І. П. Сяргееўкі ў час прадстаўлення новага рэктара МДЛУ Н. Я. Лапцевай трапна прагучалі словы пры тое, што ва ўсіх дасягненнях універсітэта велізарны прафесіянальны і асабісты ўклад Наталлі Пятроўны Баранавай, якая паспяхова кіравала ўстановай вышэйшай адукацыі 25 гадоў і здолела натхняць, яднаць і кіраваць калектывам ў працэсе вырашэнне самых складаных задач. Н. П. Баранова – чалавек, для якога характэрныя высокі прафесіяналізм, мудрасць сучаснага менеджара і служэнне людзям, універсітэту і дзяржаве [31].

Завяршыць нарыс хацелася б словамі былога міністра адукацыі Рэспублікі Беларусь з 2003 па 2010 гг., заслужанага дзеяча навукі, лаўрэата Нацыянальнай літаратурнай прэміі Рэспублікі Беларусь за 2021 г. А. М. Радзькова, які ў сваёй новай кнізе “Рэктары” характарызуе Н. П. Баранаву: “Предельно ответственная, масштабно думающая, оптимально организованная, за все искренне и эмоционально переживающая – она постепенно стала куратором обучения иностранному языку всех детей и студентов нашей страны... Подход к своим служебным обязанностям у нее от природной старательности, ответственности за порученное дело” [34, с. 155, 157]. І гэта можна разглядаць як асабісты падарунак, падрыхтаваны рэктарам Н. П. Баранавай разам з калектывам мінскіх інязаўцаў да 75-годдзя *alma mater*.

ЛІТАРАТУРА

1. Баранова, Н. П. Языковая политика и образование в Республике Беларусь (конец XX – начало XXI века) / Н. П. Баранова // 20 лет содружеству (культурно-цивилизационный очерк). Сборник лекций, научных работ молодых ученых, аспирантов и студентов – победителей конкурса в честь 20-летия СНГ. – М. : ИПК МГЛУ, 2012. – С. 402–428.
2. Асабістая справа Наталлі Пятроўны Баранавай // Архіў Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та (Архіў МДЛУ). – Воп. 5. Спр. 883.
3. Пратакол № 2 пасяджэння Савета Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта ад 28 кастрычніка 1994 // Нац. архіў Рэсп. Беларусь (НАРБ). – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 161.

4. Баранава, Н. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт / Н. Баранава, Э. Ліпецкі // Энцыкл. гісторыя Беларусі : у 6 т. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5 – с. 184.
5. Статут установы адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Рэдакцыя 1994 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 161.
6. Пратакол № 8 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 24 мая 1996 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 210.
7. Положение о факультете повышения квалификации и переподготовки кадров (ФППК) Минск. гос. лингвист. ун-та // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 210.
8. Протокол № 4 заседания партийного комитета Минск. гос. пед. ин-та ин. яз. от 13 ноября 1970 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 2. Спр. 50.
9. Пратакол № 1 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 24 верасня 2004 г. // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 801.
10. Пратакол 10 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 29.06.2012 г. // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1380.
11. Пратакол № 8 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 2.06.2005 г. // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 802.
12. Пратакол № 8 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 28.04.2006 г. // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 878.
13. Буклет «Минский государственный лингвистический университет». – Минск : МГЛУ, 2008. – 11 с.
14. Пратакол № 1 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 29 верасня 2017 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1968.
15. Пратакол № 4 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 29 снежня 2017 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1968.
16. Статут установы адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Новая рэдакцыя 2001 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 507.
17. Пратакол № 2 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 28.10.2005 г. // Архіў МДЛУ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 877.
18. Программа разработки учебников и учебных пособий на 2009–2012 гг. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1116.
19. Пратакол № 7 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 28.03.2013 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1475.
20. Отчет об итогах научной деятельности МГЛУ за 2001 год // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 574.
21. Отчет об итогах научной деятельности МГЛУ в 2003 году // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 719.
22. Пратакол № 9 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 30.05.2003 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 658.
23. Концепция информатизации Минск. гос. лингвист. ун-та на 2006–2010 гг. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 950.

24. Пратакол № 3 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 26.11.2010 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1289.
25. Пратакол засядання Савета Мінск. гос. лінгвіст. ун-та ад 25.09.2009 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1201.
26. Пратакол № 1 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 07.11.2011 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1379.
27. Пратакол № 3 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 29.11.2013 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1574.
28. Пратакол № 10 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 29.06.2012 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1380.
29. Пратакол № 3 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 28.11.2014 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1670.
30. Пратакол № 1 пасяджэння Савета Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-та ад 25.09.2015 г. // НАРБ. – Ф. 1154. Воп. 6. Спр. 1766.
31. Четверть века в истории МГЛУ [Электронны рэсурс]. – 2022. – Рэжым доступу : <https://www.mslu.by/news/chetvert-veka-v-istorii-mglu>. – Дата доступу: 20.02.2022.
32. Заместитель генсека ООН посетит Минск [Электронны рэсурс]. – 2022. – Рэжым доступу : <https://ria.ru/20100117/204869915.html>. – Дата доступу : 26.03.2022.
33. О присвоении почетного звания «Минчанин года» [Электронны рэсурс]. – 2022. – Рэжым доступу : https://minsk.gov.by/ru/actual/view/285/minchanin_goda_2007.shtml. – Дата доступу : 08.03.2022.
34. *Радзьков, А. М.* Ректоры / А. М. Радзьков. – Минск : Мастац. літ., 2022. – 278 с.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 3

*История, философия, социология,
экономика, культурология, политология*

№ 21, 2022

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *А. Л. Подгайский*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 15,41. Тираж 100 экз. Заказ 33.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.